Лёня Герзон

П Р И К Л Ю Ч Е Н И Я Н И К Т О Ш К И

Посвящаю всем детям и взрослым, которые любят читать детские книжки.

Глава нулевая.

ЛЮДИШКИ

Живут на свете маленькие люди — людишки. Уже много написано книг про разных крошечных человечков: гномов, лилипутов, коротышек... Но только о происхождении всех этих существ мало что известно. А вот насчет людишек наукой точно установлено: они, как и обыкновенные люди, произошли от обезьян. Только близкие родственники людишек — не огромные гориллы и орангутанги, а совсем маленькие обезьянки, которые, если встанут на задние лапки, будут ростом с небольшой огурец. Не из тех длинных огурцов, что выращивают в теплице и продают зимой, а из таких маленьких, коротеньких и с пупырышками, которые появляются на рынке примерно в середине августа. Обезьянки ростом с огурец существуют, и их можно увидеть практически в любом зоопарке. Они очень юркие и умеют быстро бегать по веткам деревьев, цепляясь за них пальцами рук и ног. Многим, наверно, трудно представить, что от столь мелких, да еще и хвостатых обезьян могли произойти разумные существа, но вот произошли. А хвост у них отпал в процессе эволюции.

Людишки сами себя называют малянцами и малянками. И эти малянки и малянцы очень похожи на обыкновенных людей. Они разумные, живут в городах и ездят на автомобилях. И внешне людишку было бы не отличить от человека, если бы не его маленький рост — примерно с небольшой огурец. Но у людишек есть еще одна особенность. Они единственные в мире существа, которые никогда не взрослеют. Человек взрослеет, бегемоты взрослеют, жирафы, рыбы, там, всякие, черепахи — взрослеют, а людишки — нет. Так навсегда и остаются детьми. И поэтому малянцы и малянки скорее похожи не на взрослых людей, а на детей — мальчиков и девочек, которым лет десять-одиннадцать, не больше. Но в остальном людишки — совсем как люди.

Глава первая.

НИКТОШКА

Жил-был малянец-людишка по имени Никтошка. Жил он в одном из городов людишек — в Цветограде, в общем доме на улице Незабудок. Для человека эти цветы такие маленькие, что он их редко замечает и вряд ли в их честь назовет улицу. А людишкам незабудки по пояс или даже по грудь. Для людишек, вообще, цветы — как человеку деревья. На гладиолус, например, не каждый людишка залезет — больно высоко.

Так вот, Никтошка жил на улице Незабудок, в доме номер пятнадцать, и надо сказать, что этот Никтошка был никому не известным малянцем. Хотя в одном доме с ним жили такие знаменитые людишки, как музыкант Рояль, доктор Таблеткин и даже Пустомеля. Обитатели этого дома и раньше-то

были довольно известными в Цветограде личностями, с которыми постоянно происходят разные истории да приключения. Вот, например, однажды они построили дирижабль и полетели на нем путешествовать. Но после того как один цветоградский писатель написал про их жизнь целую книгу и эта книга стала бестселлером... В общем, в городе не осталось ни одного малянца или малянки, которые бы не посетили этот знаменитый дом. Теперь на улице Незабудок даже в нескольких местах прикреплены стрелки с надписью: «ТОТ САМЫЙ ДОМ» — чтобы туристы из других городов не заблудились.

Судя по книге знаменитого писателя, в «том самом» доме жило шестнадцать малянцев. Все они были очень дружные и вместе совершили несколько удивительных путешествий, которые и описал в своей книге знаменитый писатель. Но на самом-то деле малянцев в этом доме жило не шестнадцать, а семнадцать. И этим последним, семнадцатым, был Никтошка. Он был такой незаметный, что его никто не замечал. Когда писатель пришел к ним, чтобы собрать материал для своей книги, Никтошку не заметили и не посчитали. А может, его-то и дома тогда не было, а никто не вспомнил, что его нет. Поэтому Никтошка не попал в Знаменитую книгу и никто о нем не узнал. Хотя он тоже жил на улице Незабудок, в том же самом доме.

Впрочем, Никтошка редко появлялся в этом доме, а большую часть времени проводил где-нибудь. Возвращался домой он обыкновенно очень поздно, иногда даже совсем ночью, когда входная дверь бывала уже заперта. Малянцы спали крепко, достучаться до них было непросто. Только у Угрюма иногда случалась бессонница, но ему всегда лень было вылезать из постели. И вот наконец, когда Угрюм или кто-нибудь другой спускался со второго этажа, где находилась спальня малянцев, и спрашивал: «Кто там?», Никтошка отвечал: «Никто». За это его и прозвали Никтошкой.

Почему он так отвечал, Никтошка и сам не знал.

— Ну что ты все бродишь по ночам? — ворчал Угрюм. — И так бессонница, да и ты еще тут вечно по ночам стучишь.

«Все равно же он не спит», — думал Никтошка, но спорить с Угрюмом не хотел — он вообще не любил спорить. Странно, что остальные малянцы никогда не помнили, что Никтошка еще не вернулся. И каждый раз запирали дверь на засов, так что он не мог ее открыть своим ключом и приходилось стучать. Если иногда ученый Знайка засидится за книгой и впустит Никтошку, то он каждый раз и говорит: «Надо завтра не забыть, что ты еще гуляешь, и не задвигать засов». Но почему-то «завтра» об этом всегда забывали.

А запирались малянцы потому, что некоторые из них, такие как Пустомеля и повар Кастрюля, боялись Бабу-Ягу.

— Да нет же никакой Бабы-Яги! — возмущался Знайка, — поверьте, я много книг прочел и знаю, что наука это уже давно доказала!

— Да я знаю, что нет, — отвечал Кастрюля, — а все-таки страшно: вдруг она придет!

А Пустомеля потом Кастрюле и другим людишкам говорил:

— Подумаешь, наука доказала. А как она это доказала, интересно?

И вечером обязательно Пустомеля, или Кастрюля, или шофер Торопыга, или еще кто-нибудь из малянцев брал — да и запирал дверь на засов.

А Никтошка не боялся Бабы-Яги, потому что знал, что она есть и что она почти всегда бывает добрая. Никтошка, как и ученый Знайка, прочел много книг, и в них было написано, что Баба-Яга есть, а книгам Никтошка верил. Больше всего на свете Никтошка любил читать книги. Но не такие, как Знайка, не научные. И поэтому не разбирался ни в подводных лодках, ни в воздушных шарах. Никтошка любил читать сказки, разные интересные истории и приключения. Иногда он так зачитывался какой-нибудь книжкой, что забывал, что находится в реальном мире. Идет он вечером по улице, темно уже, вдруг из подворотни кот выскакивает. Никтошка скорее пальцами уши затыкает. Потому что ему кажется, что это Кот Баюн, который его сейчас сказками заговорит, а потом съест. А коты ведь, по сравнению с людишками, огромные, словно тигры. Только в Цветограде они все добрые.

Никтошка читал с утра до вечера, а потом и ночью. Если попадалась ему интересная книга, то весь мир вокруг переставал для него существовать, пока он не дочитывал эту книгу до конца. Он всё тогда делал, смотря в книгу. Например, утром положит ее возле раковины, накроет прозрачной пленкой, чтобы не промокала, а сам зубы чистит и читает. Почистит зубы, поднимет пленку, перевернет страницу, опять пленкой накроет — начнет лицо умывать. Потом с книгой в руке идет на кухню и что-нибудь там себе вслепую найдет — и съест. Один раз съел бумажный колпак повара Кастрюли, в котором тот пирожные готовил. Колпак весь сладкими взбитыми сливками пропитался, пока Кастрюля их взбивал. А другой раз он нечаянно проглотил вещество, приготовленное ученым Знайкой для химического опыта и поставленное остывать в холодильник. На банку Знайка приклеил бумажку с черепом и косточками — что яд. Но Никтошка смотрел в книгу и бумажку не заметил. Потом три дня светился голубоватым светом. Хорошо, что это вещество оказалось безвредным.

Везде он был самым последним. Вставал позже всех, и, когда спускался в столовую, еды там уже не оставалось. Повар Кастрюля всегда посылал Разиню в спальню — проверить, не проспал ли кто завтрак. Разиня быстро оглядывал кровати, но не замечал Никтошку. Да и немудрено: тот был самый маленький из всех людишек. И закутается, бывало, в одеяло с головой — кажется, одно скомканное одеяло лежит.

А Никтошка завтракать не любил. Если доктор Таблеткин утром поймает его и заставит все-таки поесть, то Никтошку потом тошнило.

— Завтрак очень важен для здоровья, — говорил доктор Таблеткин. — Пропускать его ни в коем случае нельзя!

Но Никтошкин желудок просыпался только к обеду и, если его пытались кормить завтраком, очень сердился. К счастью, Никтошка был такой незаметный, что даже Таблеткин его редко замечал, так что Никтошка почти никогда не завтракал, и всё было хорошо.

Выйдя из дому, он шел через город к Кабачковой реке. На улице прохожие его не замечали. То какая-нибудь малянка с прыгалками на него натолкнется, то автомобиль чуть не задавит.

Наверно, это потому, что Никтошка выглядел как-то незаметно. Одевался — непонятно во что. Обувь тоже какая-то... хоть и аккуратная и вполне чистая, но фасона совершенно неопределенного. Глаза у него были голубые, а волосы светло-русые. Но прическа на голове — тоже всегда какая-то невразумительная. Не поймешь, у кого стригся, да и вообще, когда это было. Любил он, чтобы волосы свободно себе развевались куда-нибудь в стороны. Поэтому не носил шапку, как другие людишки. Единственно, как его можно было узнать издалека — так это по длинному шарфу, которым он оборачивал шею в холодную погоду и который повсюду следовал за ним, словно флажок. А летом это был синий шелковый платок вместо шарфа.

— Ты б хоть свой шарф, что ли, куда-нибудь... намотал! — кричал шофер Торопыга, проезжая мимо на автомобиле. — А то накрутится мне на ось — и придушит тебя, как цыпленка.

— А? — моргал Никтошка, и шарф его болтался на поднятом машиной ветру.

Глава вторая.

КАК НИКТОШКА ТОЖЕ ПРОКАТИЛСЯ НА АВТОМОБИЛЕ

Это был красный кабриолет с откидывающимся кожаным верхом. Слесарь Напильник и монтёр Молоток построили его взамен своего первого автомобиля. Того самого, на котором когда-то без спроса прокатился Пустомеля, едва не убившись и утопив машину в реке. Был такой случай. А новый автомобиль мог ездить вдвое быстрее, чем его предшественник, и мудрый Знайка придумал установить на улицах дорожные знаки, ограничивающие скорость. Еще Знайка сказал, что отныне вождение без прав запрещается.

— Мы не можем допустить, чтобы какой-нибудь сумасшедший переломал имущество или кого-нибудь раздавил, — сказал Знайка. — Ездить будут только те, у кого есть водительские права.

Да вот только чтобы получить права, нужно вначале научиться ездить, а потом сдать экзамен. А поскольку умел ездить только шофер Торопыга, то он и учил, и экзамены принимал. Но не хотелось шоферу Торопыге, чтобы еще кто-нибудь умел водить, кроме него. Вот никто и не мог у него экзамен сдать. Натурик с Конкретиком учились-учились, да так ни один из них экзамен и не прошел. Вот и остался Торопыга единственным водителем в Цветограде, у кого права есть.

— Больно он быстро будет ездить, — сказал монтёру Молотку слесарь, когда тот заклепал последнюю заклёпку и машина была готова. — Надо его в гараж на замок запирать.

— Это зачем? — удивился Молоток.

— Если Пустомеля угонит — тут уж без многочисленных жертв не обойдется.

— Что ты! — возразил Молоток. — Пустомеля теперь автомобилей боится как огня.

Зато Никтошка не боялся. Как-то раз он вернулся домой слишком поздно и не смог достучаться, чтобы ему открыли дверь. Тогда Никтошка залез в автомобиль и решил выспаться на его мягком кожаном сидении. Но спать не хотелось. Стояла прекрасная теплая ночь. Совсем низко над домами людишек висел тоненький серп луны. Небо было чистым, и звезды сегодня горели особенно ярко. Под стеклом фонаря, висевшего над крыльцом, собралась куча мошкары, которая все никак не могла успокоиться, возилась и жужжала.

В зажигании автомобиля торчал ключ, и Никтошка машинально повернул его. Автомобиль завелся, но мотор работал почти бесшумно — Молоток и Напильник усовершенствовали предыдущую модель. Никтошка, хоть ни разу до этого машиной не управлял, а все-таки очень хорошо умел это делать. И вот почему.

Всех всегда катал шофер Торопыга. Чаще всего он возил ученого Знайку, у которого в городе было много дел, а также доктора Таблеткина по вызовам людишек — если кто заболеет. Когда Напильник и Молоток только сделали этот новый автомобиль, Никтошке ужасно захотелось на нем прокатиться — такой он был красивый и так быстро ездил. Но кататься хотели все, и как-то так

получилось, что в очереди на катание он оказался самым последним. Людишек-то в их доме было семнадцать, а на автомобиле слишком долго ездить было нельзя — сцепление перегревалось. И больше одного людишки за раз Напильник не разрешал катать.

— А то будете болтать и отвлекать шофера — еще в аварию попадете, — говорил он.

Скоро Знайка стал использовать машину по своим научным делам, а Таблеткин — по вызовам, короче, до Никтошки очередь так и не дошла.

И решил тогда Никтошка прокатиться тайно. На заднее сиденье — все равно там никто никогда не сидел — Торопыга обычно клал рогожку. Если нужно было в дороге починить автомобиль, он расстилал ее и, лежа на спине, заползал по рогожке под брюхо машины. Вот Никтошка и придумал прятаться. Улучит момент, когда Торопыга отвернется — и ныряет под рогожку. И лежит под ней, на заднем сидении, не шелохнувшись. Хоть ему и ничего не видно, а все равно здорово было — ведь он катался на автомобиле!

Так хорошо было, когда автомобиль заносило на поворотах или когда он подскакивал на кочках — прямо как на качелях! Никтошка закрывал глаза — все равно не на что под рогожкой смотреть. А сколько разных звуков слышишь, если с закрытыми глазами! И как шины по дороге шелестят, и как вода расплескивается, когда лужа, и как Торопыга гудит зазевавшимся цветоградцам, разбегающимся из-под колес…

Шофер Торопыга, когда водил машину, подробно описывал вслух, что он делает. Чтоб не думали, будто вождение автомобиля — это такая простая вещь.

— Поворачиваем ключ зажигания, — объяснял Торопыга. — А теперь выжимаем сцепление и ставим в первую передачу. Левой ногой плавно отпускаем сцепление, правой выжимаем газ...

И так далее. Никтошка лежал с закрытыми глазами и мысленно представлял себе, как он всё это делает. И Никтошка хорошо запомнил, как нужно водить. Иногда вечером он запирался в туалете и тренировался понарошку — выжимал сцепление, включал мигалку, крутил руль… Он был не такой, как Пустомеля, которого сколько ни учи — голова все равно остается пустая. Никтошка всё схватывал на лету. Жаль только, что этого никто не замечал. Вот так Никтошка и выучился водить автомобиль — так сказать, заочно.

— Эй, кто это там в туалете засел? — кричали из коридора.

Никтошка тормозил, гасил мотор и выходил из «машины».

И вот теперь была ночь, ярко светили звезды, и все спали. Кроме разных бабочек и жужелиц, копошившихся под колпаком фонаря. А машина уже завелась. Никтошка потихоньку выжал сцепление, включил скорость, дал газ. Потом плавно отжал сцепление — всё, как делал Торопыга. Машина, шурша колесами по гравию, выехала со двора. Никтошка переключил на вторую передачу, потом на третью.

Автомобиль ехал быстро и плавно, в лицо дул теплый ветер. Никтошка выехал в поле и понесся по проселочной дороге. На ней иногда встречались ухабы, но Никтошка всегда вовремя сбавлял скорость, да и машина была так хорошо сделана, что, казалось, и не замечала совсем этих ухабов. Она летела как птица. «Как же все-таки здорово, когда едешь совершенно один и никого нет, и никто не может тебя достать!» — думал Никтошка. Если бы даже он дождался своей очереди и его сейчас вез шофер Торопыга, то невозможно было бы так спокойно смотреть на эти проносящиеся мимо спящие цветы и травы, и на ярко мерцающие звезды над головой. Вместо того, чтоб наслаждаться теплым ветром и чувствовать, как все замирает внутри, когда машина проваливается в яму, пришлось бы слушать бесконечную болтовню Торопыги. И с тех пор Никтошка стал иногда кататься по ночам, когда все спали и его никто не видел.

Глава вторая с половиной.

ТЕЛЕПАТИЯ

У Никтошки был один-единственный друг. Скажем прямо, не совсем обычный. Никто, кроме самого Никтошки, про существование этого друга не знал, и никто его не видел. Никтошка, честно признаться, и сам его не видел, но часто разговаривал с ним. Звали Никтошкиного друга Вилка. Иногда, когда в комнате никого не было, Никтошка подходил к окну и, глядя на кусты роз, которые возвышались над их домом, заговаривал с Вилкой.

— Слышишь, Вилка! Недавно я на машине еду по полю. Темно. Тихо. Вдруг кто-то ко мне в машину — ка-ак бух! Прямо на соседнее сиденье. Я от неожиданности рулем дернул, но удержал. Тут кто-то еще один — бух! — ко мне на руль свалился. А сзади третий — на плечи. Я — по тормозам! Тот, что на плечи, мне сверху на голову ползет, этот — с руля на меня своими лапами лезет. А тут еще двое навалились. Но я не растерялся. Р-р-раз! Одного рукой обратно в поле отбросил, схватил того, что в волосы вцепился, и... так его сжал, что он крикнул и сам куда-то ускочил... Слышь, Вилка?

А Вилка отвечает:

— Слышу, да...

— У меня еще под рукой скалка была... такая, знаешь, которой повар Кастрюля блины раскатывает. Я того, что на руле, этой скалкой прямо по... в общем, всех раскидал. Вдруг слышу — сзади *шебуршатся*. Я оглянулся — а там... батюшки — целые полчища! Я обратно — прыг на сидение — и по газам! А они и спереди! Поехал прямо по ним. А они наматываются на колеса, пищат, хрустят. Гадость какая! Понимаешь, Вилка?

А Вилка отвечает:

— Понимаю, да...

— Но я все-таки набрал скорость — и, слава богу, уехал.

— Ну, ты даешь!

— Да вот. Представляешь, каково?

— Представляю. Ну вообще круто!

И так Никтошка этому Вилке про свои приключения рассказывал. То это были полчища кузнечиков, напавших на него ночью, в другой раз — туча мух, от которых Никтошке пришлось с обрыва в реку нырять... Вилка узнал и как Никтошка на горном орле прокатился. Упал в орлиное гнездо, когда по горам лазил — вот орел его и понес. И как он на рыбе ездил. Купался себе в реке и не заметил, что нечаянно сел верхом на сома. А сомы-то, они бывают совсем бешеные, особенно, когда идут на нерест. А они как раз туда и шли.

— Представляешь, Вилка? — спрашивал Никтошка.

— Да уж, представляю себе. Наверно, страшно на соме ехать?

— Еще бы. У него морда такая усатая и огромная, что если он ее откроет... то есть, если он рот свой откроет, туда людишка поместится легко, даже не один, а целых три.

— Ничего себе!

— Вот именно! Но я-то ему рот открыть не давал — держал его крепко за усы.

— Ну, ты даешь! И как это тебе только в голову пришло?

— Не говори, я и сам себе удивляюсь. Вообще-то я очень скромный, медлительный, неповоротливый... ты ведь меня знаешь. Но когда нужно действовать — я прямо сам себя не узнаю. Становлюсь быстрый, как молния.

— Это точно!

— Вот я его за усы ухватил — и держу, не отпускаю. А он бесится, носит меня по реке — вдоль и поперек. Вначале вдоль понес, против течения. Со страшной скоростью. Думал, я его усы отпущу и упаду. Куда там! Я усы на руки намотал — и еду. Потом он устал, видно. Развернулся и по течению понес. Потом — поперек реки. Туда! Сюда! А я что? Мне хоть бы что. Хоть ты меня носи, хоть подбрасывай, хоть под воду на глубину уходи, хоть из воды выпрыгивай — я знай себе усы не отпускаю.

Один раз доктор Таблеткин заметил, как Никтошка сидит у окна и с кем-то разговаривает.

— С кем это ты тут разговариваешь? — спросил Таблеткин.

— Да так, ни с кем. Просто песенку насвистывал.

— А, песенку... а мне послышалось, что ты кому-то что-то говорил.

Но Никтошкин друг Вилка сразу же исчезал, если кто-нибудь вдруг приходил. Никто, кроме Никтошки, с Вилкой знаком не был.

— Нет, это тебе только послышалось, — ответил Никтошка. — Ты же видишь, тут никого, кроме меня, нет.

— Может, ты сам с собой разговаривал? — спросил Таблеткин.

— Как это? — удивился Никтошка.

— Ну так. Некоторые людишки — Знайка, например, — разговаривают сами с собой.

— А как они это делают?

— А вот так. Зайка сам себе говорит: «Куда это запропастился мой звездный атлас?», а потом сам себе отвечает: «Ты же, балда, сам его вчера астроному Звёздину отнес!»

На самом-то деле, Никтошка не с самим с собой разговаривал, как Знайка, а со своим другом Вилкой. Только Вилку никто никогда не видел. Он был невидимый. И разговаривать с Вилкой мог один только Никтошка. Зато Вилка был хорош тем, что если Никтошке хотелось с ним поговорить, он всегда был рядом. И всегда готов был его слушать. Чтобы поговорить с Вилкой, Никтошке даже не обязательно было открывать рот и говорить вслух. Можно было сказать про себя — Вилка все равно понимал, и Никтошка его понимал, когда Вилка говорил про себя. То есть, они могли общаться друг с другом мысленно. У них было то, что называется «телепатия». А если они разговаривали вслух, то Никтошка говорил и за себя, и за Вилку.

Но Никтошка не хотел, чтобы другие знали про Вилку, и он сказал Таблеткину:

— Нет, Таблеткин. Я пока до этого еще не дошел, чтобы самого себя балдой обзывать.

— Ну, тогда смотри, — сказал доктор. — Если вдруг заметишь, что сам с собой разговариваешь — обращайся прямо ко мне. Я тебя вылечу. У меня, знаешь ли, такое замечательное лекарство есть. Я тебе несколько уколов пропишу, поколю недельку, ну, может, две — не больше. И всё как рукой снимет.

От Таблеткиного предложения Никтошку передернуло. Но он постарался быть вежливым и сказал:

— Конечно, Таблеткин. Если только начну разговаривать сам с собой — сразу к тебе.

— Молодец! И если увидишь, что кто-нибудь другой сам с собой разговаривает, ты мне скажи. Может, людишке помощь требуется, а он этого и сам не знает.

— А что, разве Знайка не знает, что сам с собой разговаривает?

— Раньше не знал. Пришлось мне его на магнитофон записать, чтобы он поверил. Я ему время от времени уколы назначаю. Тогда у него это реже проявляется.

— Что?

— Ну... разговоры с самим собой.

— А...

«Странно получается, — думал иногда Никтошка. — Видно ведь, что другим со мной интересно поговорить. Почему же со мной никто не дружит?»

Но с ним никто не дружил. Разумеется, кроме Вилки. Но Вилка же был не совсем настоящий людишка. А если кто-нибудь из настоящих людишек с Никтошкой заговаривал, то Никтошка почему-то старался как можно скорее закончить разговор и куда-нибудь убежать подальше. Вот и сейчас,

поговорив немного с Таблеткиным, Никтошка поскорее улизнул из дома и помчался в лес. А ведь Таблеткину можно было рассказать про замечательную сказку, которую Никтошка недавно прочитал.

Это как раз была сказка про одного врача, который до этого был художником. Или, вернее, про одного художника, который потом стал врачом. А врачом он стал потому, что, оказывается, у него была волшебная рука. Если кто болел — он мог нарисовать, как больной выздоровел — и тот выздоравливал. У художника было такое сильное воображение, что оно побеждало любую болезнь. Допустим, людишка заболел гриппом, а художник сразу же представлял себе, что этот людишка здоровый. На лыжах катается и мороженое ест. И рисовал такую картину. И как только картина была готова, людишка сразу же выздоравливал! Или если людишка ломал ногу — стоило художнику нарисовать его с целой ногой, как перелом тут же заживал. В этой сказке даже ученый был, который открыл, почему от картин художника все выздоравливали. Но этот ученый разговаривал такими словами, которые Никтошке были непонятны. Какие-то длинные слова, начинающиеся на психофизи... а может, на психовизи... — и что-то еще там такое, о чем Никтошка понятия не имел. Интересно было бы Таблеткина об этом спросить — он наверняка знает.

Но общаться с другими людишками было Никтошке тяжело. Он просто всегда ужасно стеснялся! Чувствовал себя таким неловким! После того, как поговорит с кем-нибудь, он все думал: «А вдруг я ему что-нибудь не то сказал? А прилично вообще такое говорить? А вдруг он обиделся? А вдруг я его чем-то задел?»

Например, если разговариваешь с поваром Кастрюлей, все время нужно думать, как бы не сказать что-нибудь не то про толстых. Или про тех, кто много ест. А если говоришь с Пустомелей — как бы не упомянуть тех, кто ничего не читал и пишет только печатными буквами. А у художника Мальберта такой кривой нос, что Никтошка всегда боялся — вдруг Мальберт как-нибудь поймет, что Никтошке его нос не нравится. А Никтошке на самом деле не ненравился его нос, а ему очень было Мальберта из-за этого носа жалко. «Тяжело ему, наверно, такой нос на лице носить», — думал Никтошка. И он боялся — как бы Мальберт не понял, что Никтошка об этом думает. Он даже старался не думать, если рядом оказывался Мальберт. Но, как назло: мысль о носе Мальберта начинала вертеться в голове — стоило Никтошке подумать, что эта мысль нехорошая.

Часто, даже после совсем коротенького разговора с каким-нибудь людишкой, Никтошка несколько дней не мог этот разговор забыть и всё думал, думал...

— А вдруг я ему что-нибудь не то сказал? — спрашивал он Вилку.

А Вилка ему отвечал:

— Да что же «не то»? Ты ведь только спросил его, где он взял свою книжку, а он сказал, что в библиотеке и что она была там последняя.

— Да, но он сразу же предложил мне ее дать почитать...

— Ну и что же?

— А я взял да и согласился.

— А почему бы не согласиться, если предлагают?

— Так может, он просто из вежливости предложил? Может, он ее сам еще не прочитал? А я ее у него уже взял. Неудобно как-то.

— Ну, если он такой дурак, что предлагает не по-настоящему, а только из вежливости, то сам виноват. Можешь считать, что ты тоже взял только из вежливости. Раз он из вежливости предложил.

— Ты так думаешь? — обрадовался Никтошка.

Шедшие ему навстречу по улице малянки остановились и как-то странно посмотрели на него. Никтошка-то разговаривал с Вилкой мысленно, а тут вдруг сказал вслух:

— Ты так думаешь?

И снова перешел на телепатию.

— Значит, если я взял только из вежливости, ничего в этом плохого нет. Я ведь не специально у него отнял эту книжку, которую он еще не прочитал. Просто из вежливости согласился на его предложение.

— Вот именно, — сказал Вилка. — Тем более, может, он ее все-таки уже прочел и предложил вовсе не из вежливости, а совершенно искренне.

— Да, может быть, — отвечал Никтошка. — А может быть, и нет.

Глава третья.

О ТОМ, КАК ПРАВИЛЬНО НЕ ЗАГРЯЗНЯТЬ ПРИРОДУ

Подобные угрызения совести грызли Никтошку почти после каждой встречи с кем-нибудь. И поэтому он не любил ни с кем встречаться. А для того, чтобы ни с кем не встречаться, трудно найти лучшее место, чем лес. Там одни дубы да ёлки. Летом Никтошка почти каждый день уходил в лес.

У Никтошки в лесу было удобное гнездышко, которое он сам себе оборудовал на одной из веток дуба. У него и подушка там была, и одеяло, и лампочка, чтобы читать по ночам. Лампочку питал аккумулятор, который днем заряжался от солнечной батареи. Этот аккумулятор и батарею изобрели слесарь Напильник и его помощник, монтёр Молоток. Они последнее время были помешаны на всем экологически чистом — то есть, на том, что природу не загрязняет. Они даже придумали во дворе поставить несколько мусорных баков и в каждый бак класть свой вид мусора. В один бак — только бумажный мусор, в другой бак пластмассовый мусор, в третий — съедобный мусор... Вначале людишки не понимали, зачем все это нужно. Но Молоток с Напильником им объяснили, что так меньше загрязняется окружающая среда, то есть природа, и они всё поняли.

Только Пустомеля не понял. Он смеялся над Напильником и Молотком и нарочно бросал в баки не тот мусор, что надо. «Это съедобная бумага», — говорил он, засовывая бумагу в бак для съедобного мусора. «А это пластмассовые макароны», — говорил он, кидая в бак для пластмассы свои недоеденные макароны.

Еще Пустомеле понравилось, что съедобный мусор совсем не загрязняет окружающую среду. Это ему ученый Знайка сказал, когда объяснял про экологию — науку о том, как сохранять природу.

— Значит, съедобный мусор не пачкает природу? — спросил Пустомеля, — а пластмассовый пачкает?

— Конечно! — сказал Знайка, обрадованный, что Пустомеля понял. — Пищевые отходы даже полезны для окружающей среды! Ведь если огрызок яблока попадает в землю, он не портит растения, и животные от этого не страдают. Наоборот, из семечек яблока может получиться корм для птиц или даже может вырасти новая яблоня. А гнилое мясо дает пищу червякам и разным букашкам. Таким образом мы помогаем природе!

На следующий день жители улицы Маргариток и бульвара Васильков были шокированы тем, что в соседнем с ними сквере неизвестно откуда появилась куча тухлых помидоров. Кучу убрали, но назавтра там возникла гора апельсиновых корок. Убрали и ее, а через два дня весь сквер оказался засыпан ореховой шелухой и скорлупками от семечек. Возмущенные людишки решили узнать, кто занимается этим безобразием. Они выставили охрану, которая на следующую ночь схватила Пустомелю, вываливающего прямо у входа в сквер огромный мешок арбузных корок.

— Эй, не смейте меня трогать! — кричал Пустомеля не своим голосом, когда людишки схватили его и собирались как следует побить. — Не имеете права! Это экологически чистые отходы, они помогают природе!

Пустомеля размахивал кулаками и так громко кричал, что разбудил людишек с соседней улицы Незабудок, которые примчались в сквер во главе со Знайкой и доктором Таблеткиным.

— Что здесь происходит? — спросил Знайка, впопыхах заправляя рубашку в штаны и напяливая очки на нос.

— Вот, поглядите-ка, что ваш дружок натворил! — закричала малянка по имени Булочка, которая жила рядом со сквером и в выходные продавала там свежие булочки. — Негодяй, в воскресенье никто не хотел покупать мою выпечку, потому что весь сквер провонял тухлыми помидорами и у людишек пропал аппетит!

И она схватила Пустомелю за его зеленый галстук и так дернула, что он чуть не задушился — у него даже язык изо рта высунулся.

— Подождите, — сказал Знайка, — тут надо разобраться. Ты что это, Пустомеля, вредительством занимаешься?

— Я не занимаюсь! — обиделся Пустомеля, стараясь оторвать Булочкины руки от своего галстука. — Я природе помогаю, а вы! Это же пищевые отходы, они защищают природу. Вы что же, не понимаете, что у нас природы совсем мало осталось и скоро ее совсем не останется? Вы что хотите, чтобы одни дома и дороги были, и чтобы не было ни одной травинки, ни одной птички?!

Пустомеле, видимо, стало так обидно, что все на него незаслуженно накинулись, что он даже всхлипнул.

— Какая природа, что он несет? — закричали другие людишки — жители улицы Маргариток и бульвара Васильков. — Из-за него нам в такую жару окна приходится запирать, дышать невозможно! В сквере-то воняет!

— Вы еще просто не привыкли к экологически чистому образу жизни! — кричал им в ответ Пустомеля. — Темнота!

— А мы и не собираемся привыкать, мы тебе сейчас так голову намылим, отход несчастный!

Тут Знайка понял, что это он во всем виноват. Нужно было как следует объяснить людишкам, что такое экология.

— Тихо, товарищи! — закричал он. — Произошла ошибка. Пустомеля не виноват, это я ему всё неправильно объяснил!

— Ах, это ты, товарищ, ему объяснил, чтоб он тут тухлое мясо наваливал? — в наступившей тишине сказала Булочка таким голосом, что Знайка пожалел, что заступился за Пустомелю. Он невольно отпрянул назад, но все-таки сохранил достоинство и ответил:

— Нет, я ему такого не говорил. Я Пустомеле другое говорил, а он меня неправильно понял. Наверное, я плохо объяснял.

Знайка поправил галстук.

— Знаете что, друзья? Сейчас уже ночь, и всем нужно как следует выспаться. А завтра, в десять часов утра, я объявляю общее собрание и на нем буду рассказывать всем желающим, что такое экология и как нужно правильно природу охранять. А пока что Пустомеля уберет арбузные корки, а все остальные пусть расходятся по домам.

— Как! — закричал Пустомеля. — Это почему это я должен убирать арбузные корки, если я помогал природе? Пусть, если ты мне все неправильно объяснил, так ты и будешь эту кучу убирать!

— Вот что, Пустомелечка, — сказал доктор Таблеткин, — что-то ты мне каким-то нездоровым показался. Кричишь, мусор за собой убирать не хочешь... Надо бы у тебя для начала взять мазок из горла, а потом прописать несколько укольчиков — три раза в день, чтобы ты совсем не разболелся.

— Нет, что ты, Таблеткин! — испугался Пустомеля. — Да я совсем здоров, это я пошутил просто, конечно, я сейчас же всё уберу.

На следующий день Знайка устроил лекцию, на которой объяснил, наконец, людишкам, что такое экология и как нужно правильно обращаться с мусором. Ведь если пластиковые бутылки класть в мусорный ящик для пластика, а картонные коробки — в ящик для картона, то эти материалы сразу попадают на завод, который перерабатывает картон или пластик, и из них делают новые бутылки и коробки. А если весь мусор валить в одну кучу, то эта куча оказывается потом где-нибудь на природе и загрязняет ее. «Ведь, правда же, нам бы не хотелось, чтобы наш лес был завален картонными коробками, а в Кабачковой реке плавали пластиковые бутылки?» — закончил свое объяснение Знайка.

«Надо же, — говорил Пустомеля, — а я-то думал, что раз мусор съедобный — бросай его, где хочешь, и тебе хорошо, и природе, а там вон оно что! Но теперь-то я всё понял, буду сортировать отходы».

Глава четвертая.

КАК НИКТОШКА ПОМОГ ОТКРЫТЬ МЕСТОРОЖДЕНИЕ ГАЗА

Очень интересовала защита окружающей среды слесаря Напильника и монтёра Молотка. Они любили изобретать, и им хотелось что-нибудь полезное для природы придумать. Как известно, электричество, получаемое от солнца, меньше всего ее загрязняет. Вот они и изобрели такой аккумулятор — солнечный. Но, к сожалению, он никому, кроме Никтошки, не понадобился. Дело в том, что в Цветограде вскоре открыли газ. И электричество стали добывать путем сжигания газа. Хоть газ и не очень полезен для природы, но Знайка сказал, что в случае с газом можно сделать исключение.

За Цветоградом — не с той стороны, где река и лес, а с противоположной — находился небольшой холм. Один раз Знайка копал там яму — она нужна была ему для каких-то научных опытов. Когда яма была уже достаточно глубокая, лопата Знайки стукнулась обо что-то очень твердое. Вначале Знайка думал, что нашел старинный клад. Он позвал других людишек, чтобы поделиться с ними сокровищами. Но когда они раскопали как следует всё вокруг, то увидели, что это не клад, а что под землей тянется огромная, толстая труба. Никто не мог понять, что это за труба и для чего она нужна. Ученый Знайка три дня искал в своих книгах объяснение этому явлению. На четвертый день он позвал Напильника и Молотка и велел им просверлить в трубе дырку.

Слесарь с монтёром принесли из своей мастерской огромную дрель и по очереди сверлили трубу три дня и три ночи, и сломали немало свёрл, пока наконец не просверлили в ней дырку. Когда они вытащили сверло, послышался громкий свист, и людишки почувствовали какой-то резкий запах. Была ночь. Молоток и Напильник бросили дрель и сверла и побежали к Знайке. На их крики собрались все людишки дома номер пятнадцать по улице Незабудок, а также многие жители соседних домов. Людишки прибежали к трубе, которая громко свистела.

Доктор Таблеткин понюхал воздух и сказал, что пахнет чем-то очень вредным для здоровья и что все должны немедленно удалиться, потому что это может быть даже смертельно. А дело было осенью, и небо покрывали тучи. Фонари Цветограда далеко, Молоток с Напильником так спешили, что забыли свой фонарь во дворе, и больше никто не догадался принести с собой, чем посветить. Темно — хоть глаз выколи.

Никтошка тоже прибежал к трубе вслед за всеми, но его и так-то никогда не замечали, где уж тут заметить в такой темноте? Музыкант Рояль подполз к трубе на ощупь. Он попробовал заткнуть дырку своим пальцем, но дырка была большая и до конца не заткнулась, зато свист стал тоньше. Тогда Рояль стал зажимать дырку то больше, то меньше, то одним пальцем, то двумя, и труба стала играть музыку.

— Ура! — закричали и захлопали все.

Но резкий запах становился всё нестерпимей, и людишки невольно отошли подальше от трубы. Рояль тоже долго не мог возле нее находиться и отошел вслед за всеми.

— Я думаю, что надо эту дырку заткнуть обратно! — важно сказал доктор Таблеткин.

— Правильно! — закричал Пустомеля.

А Знайка сказал:

— Нужно подождать до утра, пока не станет светло и пока Напильник с Молотком в своей мастерской выточат подходящую затычку.

Никто и не заметил, как Никтошка подполз к самой трубе. Ему тоже захотелось сыграть на ней какую-нибудь музыку. Но тут было так темно, что совсем ничего не было видно. Никтошка никак не мог найти, где же дырка, про которую все говорят. Тогда он вспомнил, что у него в кармане есть зажигалка. Никтошка курил. Не то чтобы постоянно, а так только — любил иногда после ужина трубочку выкурить. Поскольку доктор Таблеткин был против курения и запретил его в доме, Никтошка курил трубку только у себя в лесу. Вспомнив про зажигалку, Никтошка вытащил ее и зажег.

Что было дальше — Никтошка не помнил. Очнулся он, когда уже был день, а точнее, вечер. Лил дождь, и было мокро. Никтошка почувствовал, что лежит на какой-то мокрой глине. Голова у него очень сильно болела, и Никтошка долго не мог вспомнить, как он сюда попал. Он все лежал и лежал под дождем, и ему было очень холодно. Наконец Никтошка решил встать на ноги. Он увидел, что лежит в канаве, рядом с каким-то холмом, и услыхал голоса. Когда Никтошка обошел вокруг холма, то увидел, что на другой стороне возятся людишки.

— Что это вы здесь делаете? — спросил он у Пустомели, который стоял, заложив руки в карманы, под своей огромной, как зонтик, шляпой.

— Не видишь, газовую электростанцию строим, — важно ответил Пустомеля.

— А что это такое? — поинтересовался Никтошка.

Но Пустомеля не смог ему объяснить, и за него ответил Угрюм.

— Вот ведь, выдумают тоже! Какой-то газ нашли. А он и взорвался. Хорошо еще, что все далеко стояли и никого не убило. А теперь Знайка решил из этого газа электричество получать.

В газовой электростанции газ сгорает и крутит турбины, которые вырабатывают электрический ток. Но если газ смешать с воздухом, а потом поджечь, то он взрывается с ужасной силой. К тому времени, как Никтошка чиркнул своей зажигалкой, уже много газа вышло из трубы, поэтому и произошел такой сильный взрыв. А чтобы газ не смешивался с воздухом и не взрывался, нужно либо дырку заткнуть, либо сразу поджечь струю газа. И тогда он спокойно горит — надо только следить, чтобы огонек как-нибудь случайно не потух.

Никтошка посмотрел туда, где возились в грязи людишки, и увидел, что там, словно откуда-то из-под земли, виднеется синее пламя.

— А что это такое горит? — спросил Никтошка.

— Это газ, — ответил Пустомеля. — Это я придумал, чтобы из него электричество получать, — добавил он. — Раз горит, значит, как лампочка, значит, можно делать электричество.

— Это не ты, а Знайка придумал, — возразил Угрюм.

— Нет, я! — настаивал Пустомеля.

Они принялись с Угрюмом спорить, а Никтошка вдруг почувствовал, что у него сильно болит и кружится голова. Он поплелся домой. Голова и всё тело так сильно болели, что Никтошка целую неделю пролежал в кровати. Если бы об этом узнал Таблеткин, он бы сразу понял, что у Никтошки контузия. Она бывает, если возле человека что-нибудь взорвется, но насмерть не убьет, а только оглушит. У Никтошки болела голова, звенело в ушах, а перед глазами плыли бурые круги. Но Никтошка никому ничего не рассказал, и через неделю у него всё прошло. Только когда он наконец вылез из кровати и пошел в ванную умываться, он увидел в зеркале, что у него совершенно черное лицо, как у африканца. «Вилка, неужели это я в зеркале?» — спросил Никтошка своего мысленного друга Вилку. — «Ты, а кто же еще? Надо мыться почаще». — «Ладно, ты прав. Пойду умоюсь».

Никтошка очень любил чистоту и целый час мылся, пока снова не стал чистым.

А людишки так и не узнали, что это Никтошка поджег газ. Когда раздался взрыв, Никтошку отбросило за холм, и он пролежал там до вечера. Так что никто его и не видел. Ученый Знайка решил, что газ сам взорвался — он прочел в одной из научных книг, что такое бывает.

Так вот, после того, как на холме построили газовую электростанцию, Цветоград стал получать достаточно электричества, и солнечный аккумулятор Напильника и Молотка стал не нужен. Никтошка и стащил его потихоньку, и унес к себе в лес.

Глава пятая.

КАК НИКТОШКА СОВЕРШИЛ ПОДВИГ

Почему так выходило, что Никтошку никогда никто не замечал — для него это было загадкой. Просто всегда так получалось. Один раз он даже совершил героический поступок, который тоже никто не заметил.

Это произошло одним теплым летним днем. Никтошка переночевал в лесу и искупался в Кабачковой реке. Потом нашел самый спелый кабачок и вырезал из него на завтрак пару сочных ломтей. Для этого у него была маленькая пила, которую он хранил в своей кладовочке, в дупле дуба. Здесь на берегу росло полно кабачков — поэтому река так и называлась: Кабачковая. Высохнув на солнце, Никтошка уже хотел углубиться в лесные заросли, где и находился тот самый дуб и где у него была спрятана книжка. Там никто не мог ему помешать, и он собирался спокойно почитать, а заодно и позавтракать. Никтошка днем всегда читал какую-нибудь одну книгу, а дома, вечером — какую-нибудь другую. Потому что есть книжки для дня, а есть для ночи — не будешь ведь читать что-нибудь страшное, когда на улице и так темно. Не успев еще скрыться в лесной чаще, Никтошка услышал крик: «Помогите»!

А потом еще: «Пожалуйста!» — закричал кто-то.

Никтошка обернулся, но никого не увидел. Он подождал минутку. Но больше никто не кричал. Никтошка выбежал из леса на берег. Он огляделся по сторонам — никого не было видно. Левее того места, где он только что купался, был поворот реки, и Никтошка помчался в ту сторону. За поворотом тоже никого не было, хотя в такой теплый день в это время тут всегда полно народу. Здесь висела тарзанка, на которой любили кататься людишки. Она была привязана к ветке плакучей ивы, которая склонялась над рекой. Хватаешься за тарзанку руками и раскачиваешься, раскачиваешься, а потом прыгаешь в реку. Был такой лесной человек, которого звали Тарзан — он ее и изобрел.

На берегу не было ни души, но тарзанка качалась. Никтошка здорово умел логически мыслить. «Если тарзанка качается, значит на ней недавно кто-то качался, — подумал он. — А если этого кого-то нет на тарзанке, значит, он с нее либо спрыгнул, либо упал. А раз тарзанка над рекой, то, значит, он упал в реку». И Никтошка побежал к тарзанке по узенькой тропинке, которая шла вдоль самой воды. Весь берег реки утопал в зелени, тут росли высокие вётлы и ивы, низко наклонившиеся над водой. То и дело приходилось обегать камышовые заросли. Было очень тихо, ветра не было, и листья не шелестели. Только на ветке ивы тоненьким голоском пела какая-то маленькая птичка, наверное, иволга. «Интересно, куда это все подевались?» — подумал на бегу Никтошка. Он сам очень любил кататься на тарзанке, но вокруг нее всегда столько народу — не протолкнешься. Один раз он даже отстоял к тарзанке целую очередь. Когда повар Кастрюля, который был перед Никтошкой, наконец с громким плеском плюхнулся с тарзанки в реку, Никтошка только уже собирался схватиться за нее, как откуда ни возьмись появился Пустомеля. Он оттолкнул Никтошку и сказал: «Я был за Кастрюлей, спроси у него».

Но как можно было спросить у Кастрюли, когда тот бултыхался в реке и так при этом громко визжал, что ничего бы не услышал? Никтошка тогда слез с дерева и ушел, и с тех пор катался на тарзанке только ночью, когда никого не было.

Некоторые, наверное, скажут, что Никтошка — трус, раз он не прогнал Пустомелю, не подрался с ним или, хотя бы, не сказал ему, что тот не прав. Но Никтошка просто подумал, что если они с Пустомелей подерутся, то никакого настроения кататься на тарзанке у него уже не будет — так пусть уж лучше Пустомеля катается. Тем более, что, может, Пустомеля просто забыл, что он не стоял за Кастрюлей. «Может быть, ему напекло голову — ведь день-то был жаркий — вот он и забыл», — рассуждал Никтошка. И вообще, он еще никогда не дрался — не устраивать же первую в своей жизни драку прямо на дереве, вот так, без подготовки?

А сегодня тут было на удивление пусто, и Никтошка не понимал, почему. Но дело было в том, что как раз на сегодня ученый Знайка назначил старт дирижабля, на котором людишки должны были улететь путешествовать. Этот вошедший в историю полет на дирижабле подробно описан в Знаменитой книге о людишках.

Как известно, людишкам очень хотелось повидать другие страны, но они такие маленькие, что пешком им туда идти страшно долго и тяжело. Вот умный Знайка и придумал легкий способ путешествия — летать на дирижабле. Весь город собрался сегодня возле дома номер пятнадцать на улице Незабудок смотреть, как Знайка и его друзья надувают дирижабль и как он потом будет взлетать. Сделать дирижабль, который поднимется в воздух с шестнадцатью людишками, не просто. На самом деле Знайка два года придумывал конструкцию этого дирижабля и гондолы, в которой будут сидеть путешественники. Гондола должна была прицепляться к дирижаблю с помощью большой рыболовной сети. Ученый чертил чертежи, делал расчеты, пробовал различные материалы, которые подойдут для этого проекта. Знайка был очень скромным, поэтому до поры до времени никому ничего не рассказывал. А когда людишки напомнили ему, что они уже очень давно мечтают отправиться в какое-нибудь путешествие, Знайка как раз закончил свою работу.

— Придумал! — сказал Знайка. — Мы сделаем дирижабль и полетим на нем.

И все людишки сразу поняли, что Знайка — не просто умный людишка, а что он настоящий гений. Но Знайка, когда кто-нибудь заслуженно называл его гением, скромно отводил глаза и говорил: «Да чего уж там...»

Никтошка узнал про дирижабль только вчера, потому что до этого два дня не ночевал дома. О том, что все людишки из их дома заняты постройкой дирижабля, Никтошке рассказал Пустомеля. Никтошка случайно с ним встретился в поле, где Пустомеля собирал одуванчиковый пух. Из этого пуха людишки собирались сделать парашюты. На всякий случай — вдруг дирижабль лопнет. А Никтошка ночевал в лесу и ничего этого не знал. Он так зачитался сказкой под названием «Русалочка», что уснул, когда было уже, наверно, часа три ночи.

На берегу никого не было. Тарзанка почти остановилась, когда до нее добежал Никтошка. Она висела высоко, и людишки всегда прыгали с нее далеко вперед, в реку. А под самой тарзанкой, даже немного сзади, было топкое болотце, густо заросшее тиной и покрытое зеленой ряской. В середине болотца ряска как будто разошлась. Вначале Никтошке показалось, что там плавает какая-то рыжая тина, но присмотревшись, он увидел, что это чьи-то длинные-предлинные рыжие волосы, а тот, кому они принадлежат, по-видимому, сидит под водой. И Никтошка тут решил, что это русалка. Ведь вчера, перед сном, Никтошка как раз прочитал эту сказку, которая так и называлась: «Русалочка».

Те, кто слышали эту историю, знают, что она очень грустная. Бедной Русалочке, чтобы увидеться с принцем, пришлось отдать свой прекрасный голос и стать немой. Да еще и когда хвост ее превратился в человеческие ноги, ходить Русалочке было так больно, словно она ступала по ножам. А уж чем сказка закончилась, про это даже и упоминать не стоит! Конец у нее мрачный, печальный и тоскливый.

Никтошке было так жаль бедную Русалочку, что, прочитав книгу, он до поздней ночи проплакал у себя на дереве. Ах, если бы он встретил эту Русалочку, он бы сказал ей: «Зачем тебе нужен принц, и зачем тебе ноги? Ведь так приятно плавать в морских глубинах, хвост же гораздо лучше!» Никтошка и сам бы не прочь был иметь такой хвост. А принцев — мало ли на белом свете?

Никтошка подошел к самому болотцу, наклонился над ним и стал смотреть в воду. Под водой он видел русалкину голову, но вокруг собиралось все больше ряски. «Кто же все-таки кричал «помогите»? — пытался сообразить Никтошка. — По голосу это была малянка, а не малянец».

— Эй, русалка! — позвал он.

Но русалка не отзывалась. Никтошка испугался. «А вдруг русалка тоже может утонуть?» — подумал он. И понял, что нужно срочно что-то делать. Хотя Никтошка и бывал часто задумчивым — особенно если просто так шел по улице, зато, когда нужно было действовать, он становился очень быстрым.

Никтошка огляделся, потом выхватил из кармана перочинный ножичек и отрезал свисавшую с деревца длинную лозу дикого винограда. Крепко привязал себя этой лозой к стволу ивы и полез в воду. Никтошка быстро добрался до рыжих волос, которые уже совсем облепила ряска, и потянул за них. Ноги его глубоко погрузились в ил, и болото стало засасывать Никтошку, но он не боялся, потому что был привязан. Времени было очень мало. Если она утонула, то нужно как можно скорее вытащить ее, иначе она умрет. Никтошка изо всех сил потянул за рыжие волосы, и голова русалки показалась над водой. Потянул еще и схватил русалку обеими руками за плечи. Голова ее свешивалась вниз. Кажется, русалка не дышала. Никтошка держал ее обеими руками, потому что она была страшно тяжелая. Ноги его глубоко завязли в иле, и он не мог теперь сдвинуться с места. Никтошка попробовал держать русалку одной рукой, а другой — подтянуться на виноградной лозе. Но русалка была тяжелая, плечи ее опутала тина, и она снова стала погружаться в болото. Тогда Никтошка опять схватил русалку обеими руками. Но сам он при этом еще больше увяз в топком иле.

Ничего не получалось. А время шло. Вдруг счастливая мысль осенила его, и он начал поворачиваться на том месте, где стоял. Виноградная лоза стала наматываться на Никтошку с русалкой и становиться короче, и таким образом оба начали потихоньку вытягиваться из болота.

Когда оба они очутились на берегу, Никтошка почувствовал, что накрепко примотан к русалке виноградной лозой и ему никак не освободиться. Дернулся раз, другой — тщетно. И зубами не достать, чтоб перегрызть лозу. А русалка не дышала, и глаза ее были закрыты. Никтошку охватил ужас. От отчаяния он рванулся изо всех сил, и они с русалкой перевалились через кочку, а потом покатились с пригорка. Лоза-то осталась привязана к дереву и, когда они докатились до конца, полностью размоталась. Никтошка уткнулся головой в какой-то мох.

Руки его были как каменные и страшно болели. Но он помнил, что русалка не дышит. С трудом поднялся на четвереньки и перевернул ее на спину. Да какая же это была русалка — у нее не было рыбьего хвоста, а были человеческие ноги. Да и одета она была в обыкновенный купальник, какие носят малянки, когда идут купаться на реку. «Значит, она — такая же людишка, как я! — подумал Никтошка. — Качалась на тарзанке, сорвалась в болото и утонула». Он вспомнил, что нужно делать искусственное дыхание. «Но как же его делать, если у нее внутри, наверно, полно воды?» — подумал он. Тогда Никтошка решил, что малянку нужно перевернуть вверх ногами, чтобы вся вода из нее вылилась. Он быстро привязал к ее ногам ту же самую виноградную лозу, перекинул ее конец через ветку ветлы и, повиснув на другом конце, поднял малянку кверху.

Читателю может показаться, что прошел целый час, а то и два, пока Никтошка нашел утонувшую малянку и вытащил ее из болота. Но на самом деле все это длилось не больше пяти минут. Когда нужно было действовать, Никтошка все делал страшно быстро.

Малянка была немного тяжелее Никтошки, может быть, потому, что мокрые волосы, оплетенные тиной, тянули ее вниз. Никтошка обхватил ногами какую-то корягу и тянул лозу с такой силой, что малянка повисла, наконец, вверх ногами. Изо рта ее полилась вода, и она стала громко кашлять.

Малянка висела вниз головой и кашляла, и из нее выливалась вода. Наконец Никтошка опустил ее на землю. Правда, она при этом ударилась головой о корягу — но в сравнении с тем, что она только что чуть не умерла, это были уже пустяки. Малянка была так слаба, что не могла стоять или сидеть. Никтошка уложил ее на траву. Он и сам едва держался на ногах. Но тут Никтошка увидел, что вокруг ее шеи намоталась тина, и испугался, как бы она опять не задушилась. Стоя на коленках и осторожно приподняв голову малянки, он начал потихоньку разматывать длинные пряди этой тины. Малянка ничего не говорила, а только жадно глотала раскрытым ртом воздух, словно была голодная.

— Как вас зовут? — спросил он, сняв с ее шеи последний кусок речной травы.

Малянка еще немного подышала, а потом шепотом ответила:

— Бабаяга.

Больше она уже ничего не могла сказать. Только глотала воздух ртом.

Глава пятая с половиной.

БАБАЯГА

Малянку и вправду так звали: Бабаяга. На самом деле, когда-то ее звали по-другому, и это она сама себе придумала такое непривлекательное имя. Дело в том, что Бабаяга была страшная, невероятная, удивительная красавица. Жила она в собственном домике на окраине Цветограда и очень редко из него выходила при свете. Потому что была ужасно стеснительная. Но Бабаяга любила гулять по ночам и нюхать цветы. А днем она сидела дома и стеснялась выходить. Только когда у нее совсем кончались продукты, она шла в булочную, чтобы купить хлеба, или в молочную за молоком, или в колбасную за докторской колбасой. Появилась она в Цветограде не так давно (то есть, малянка, а не колбаса), кажется, прошлой весной, а где жила раньше — никто не знал. По акценту-то ясно было, что она иностранка.

Когда поэт Пёрышкин впервые увидел эту малянку, он написал лучшую свою поэму под названием «Весенние лепестки». А когда с ней на улице нечаянно столкнулся ученый Знайка, он открыл закон Архимеда, что и позволило ему изобрести дирижабль. Для Таблеткина встреча с Бабаягой закончилась горячкой с температурой тридцать девять и пять и бредом. Таблеткин так очумел, что выдумал несуществующую, но смертельную болезнь под названием «веснуха» и сделал от нее прививку всему населению города. Таблеткин выделил для веснухи целую главу в медицинской энциклопедии, которую он сам написал. Там рассказывалось, какая это опасная болезнь и как по весне, нанюхавшись ароматов цветов, людишки заболевают веснухой и сходят с ума.

Бабаяге надоело, что из-за ее красоты все смотрят на нее, как на чудо, и она нарочно, перед тем, как выйти из дома, стала мазать лицо сажей, а вместо одежды надевать грязные, рваные лохмотья. Как раз тогда она и выдумала себе это имя: Бабаяга и всем, кто спрашивал, говорила, что ее так зовут.

Но ничего это не помогло. Натерев волосы жидким мылом и высушив потом феном, чтобы были как мочалка, намазав золой щеки, в грязном, разорванном платьице, в котором дыр больше, чем материи, Бабаяга все равно была самой красивой малянкой в городе. Некоторые малянцы так прямым текстом и заявляли: в лохмотьях, с чумазым лицом она, мол, намного симпатичнее, чем другие малянки, которые носят модные платья и пользуются косметикой. Особенно малянцы вроде Пустомели, которые и сами-то не любят мыться. Надо ли говорить, что после таких высказываний малянки Цветограда, почти все до единой, возненавидели Бабаягу.

С ней дружила одна только Кнопочка. Кнопочке было наплевать на собственную красоту. Она никогда не смотрелась в зеркало, надевала на себя что попало, в жизни не красилась, и малянцы ей были глубоко безразличны. (Кстати, это была совсем не та Кнопочка, которую любил таскать за косички Пустомеля, а другая малянка, ее тезка).

— О, почему, почему они считают меня главной крайсавицей? — жаловалась бедная Бабаяга подруге, по-иностранному выговаривая слова.

В ее родном языке звуки в словах часто идут в другом порядке, поэтому многим цветоградцам трудно бывает понять речь Бабаяги. Но Кнопочка давно привыкла к акценту подруги и не обращала на него внимания.

— Почему, — жаловалась та, — почему смотрят на меня, как на скультпуру в музее или чудно-юдный цветок? Щеки гуталином мазала, на волосы оликвовое масло лила, перцем насыпала, даже макаронами! На улицу выхожу — платье рнваное, грязное. Ничего не погомает. Глядят, откроя рот — вот и всё! А я совсем не чудно-юдный цветок и не скультпура! Я — обычная малянка, такая же, как все. И между прочим, я тоже личность, не меньшая, чем они. Я не красотка с ангельным лицом! У меня, между прочим, душа есть!

Бабаяга плакала, а Кнопочка утешала ее.

— Ну что ты... другие счастливы были бы иметь такие огромные зеленые глаза и такие длинные ресницы, как у тебя. Я, правда, этого тоже не понимаю, но Ласточка мне говорила, что, если бы у нее были ресницы ровно в два раза короче твоих и пусть даже не такие густые и не рыжие, а просто коричневые — она бы была на седьмом небе от счастья.

— Но я-то от всего этого совсем не попала на седьмное небо! — всхлипывала Бабаяга. И крупные прозрачные слезы текли по ее прекрасным щекам.

— Не расстраивайся. Другие твоей красоте завидуют. Но что в этом хорошего?

— Вот именно, что ничего нет хоршего.

— Нет, я имею в виду, для них — что хорошего завидовать-то? Зависть — плохое чувство.

— Ты хотя бы меня не завидаешь?

— Ну что ты... как ты можешь так думать? И знаешь... не обращай на них внимания.

— Вот я не обращаю. А чтобы не таращили на меня — одеваюсь в рнваные ломхотья, намазываю на себя сажу и гуталин...

Кнопочка немного подумала.

— Знаешь что? — сказала она. — Я думаю, ты не совсем права. Красота — она прекрасна. Людишкам хочется смотреть на красоту — что же в этом плохого? Вот ты — разве не любишь смотреть на красивые деревья, цветы?

— И ты туда же... ну разве я цветок? Я ведь живая малянка! У меня есть душа! А ни у кого до этого дела нет!

— Да-да, ты права, — соглашалась Кнопочка.

Ей было безмерно жаль несчастную Бабаягу.

— Знаешь, я так не люблю грязь, — жаловалась та подруге. — Очень тяжело гулять по гоорду в таком виде...

Она действительно терпеть не могла грязь. Придя из магазина, первым делом залезала в ванну, намыливалась с головы до ног и оттирала с лица и рук противную сажу. Потом долго вымывала и расчесывала свои густые волосы и заплетала в две длинные косы.

Отчего Бабаяга казалась всем такой красивой — даже в рваных лохмотьях, сквозь которые просвечивали ее длинные белые ноги — понять трудно. «И что, нет, вот что они в ней нашли?!» — возмущалась другие малянки. Даже некоторые малянцы задумывались. А ученый Знайка, которому всегда хотелось докопаться до истины, написал небольшую книжку, которая так и называлась: «Чем нас очаровала Баба-Яга?» Книга начиналась с истории появления сказочной Бабы-Яги. Знайка провел научное исследование. Он объяснял, откуда она появилась в сказках, почему у нее костяная нога, а живет она в избушке на курьих ножках. А потом от Бабы-Яги плавно перешел к малянке по имени Бабаяга и стал рассуждать, почему ее красота так сильно действует на людишек. Положа руку на сердце, Знайка не собирался писать про сказочную Бабу-Ягу, тем более, что он в нее не верил. Он хотел написать книжку только про малянку Бабаягу, но подумал, что некоторым такая книжка может не понравиться. И, на всякий случай, начал не с прекрасной малянки, а с ее сказочной тезки.

Но это ему не помогло. Вскоре после издания пришлось ученому Знайке самому свою книгу запретить и все копии изъять, даже из библиотеки. Потому что возмущенные цветоградки накинулись на Знайку.

— Если этот мерзкий пасквиль, эта отвратительная клевета не будет немедленно уничтожена, мы поднимем восстание! Мы взорвем твою научную лабораторию и сожжем все твои книги! Мы засунем тебя в твой дирижабль и отправим в атмосферу! А еще лучше — в космос, чтобы ты там как следует подумал.

Это объявила ученому в мегафон малянка по имени Бантик, возглавлявшая мирную демонстрацию малянок против красизма. До этого утра, пока он не услышал под своими окнами крики разъяренных демонстранток, Знайка даже и не знал такого слова. Оказывается, красизм — это когда кого-нибудь ущемляют, если он недостаточно красивый.

— Мы не позволим никого ущемлять! — гудел из динамиков гневный голос малянки Пудельки.

Ее кудрявые волосики грозно торчали из головы, словно колючие пружинки.

— Что вы, что вы, милые! — воскликнул Знайка, протирая глаза и высовываясь из окна по пояс.

При этом он поцарапал себе живот об оконную раму, которую давно не красили, и от нее отшелушились щепки. Знайка очень боялся конфликтов и всегда старался решить дело мирным путем. А

малянки уже держали в каждой руке по яйцу колибри, готовые подвергнуть бомбардировке дом номер пятнадцать по улице Незабудок.

— Дорогие мои! Голубушки! — кричал из другого окна доктор Таблеткин, выскочивший из постели в одной пижаме. — Конечно же, Знайка сейчас же уничтожит свою дурацкую книжку! И как это я недосмотрел и позволил ему ее напечатать! У него наверняка поднялась высокая температура, и он сделал это в бреду. Сейчас же возьму у него мазок из горла и пропишу курс уколов!

По счастью, дело кончилось миром. Знайка послал Напильника и Молотка, которые на машине объехали библиотеки и книжные магазины города и изъяли злосчастное произведение. Удовлетворенные демонстрантки разорвали все экземпляры в клочки и разошлись по домам. Некоторые даже извинялись, что наделали столько шума.

— В следующий раз приходите сразу ко мне, незачем устраивать демонстрации, — на прощанье сказал Знайка Пуделькe и тут же пожалел об этих словах.

— Надеюсь, что следующего раза не будет! — прогудел из мегафона ее металлический голос.

Знайке пришлось прочистить оглохшее ухо концом мизинца. Словно из водосточной трубы окатила.

— Надеюсь, вы избавились от ваших красистских взглядов навсегда, доктор Знайка!

— Конечно-конечно, — пролепетал бедный ученый.

Вот, оказывается, какую знаменитую малянку спас Никтошка. Правда, как я уже говорил, об этом его героическом поступке никто так и не узнал. Кроме самой Бабаяги. Потом она рассказала своей подруге Кнопочке, что ее спас какой-то малянец в синем шарфике. Но Кнопочка не могла припомнить, кто в Цветограде носит синий шарфик, и так они и не узнали, что это был Никтошка. Сам же Никтошка раньше с Бабаягой не встречался и ничего про нее не слыхал. Да и немудрено: Никтошка был словно не от мира сего. Никого он не знал.

Никтошка так устал и был так голоден, что решил — это у него головокружение от голода. Он осторожно убрал ряску с рыжих волос малянки. Ее лицо, плечи и руки были бледные, как белый шелк, из которого в Цветограде шьют пододеяльники и простыни. А глаза у нее были зеленые, чуть темнее листьев кувшинок.

Тут послышались голоса малянцев и малянок. Дирижабль, который строили людишки на улице Незабудок, к этому времени уже был готов. Ученый Знайка сказал, что теперь нужно немного отдохнуть перед полетом. День был очень жаркий, и все побежали на Кабачковую речку купаться. Людишки с визгом прыгали в воду и плыли на другой берег, а некоторые сели в лодки, чтобы первыми добраться до тарзанки.

— Что тут случилось? — закричали приплывшие на лодке ученый Знайка и доктор Таблеткин.

Не успел еще Никтошка ничего сказать, как Бабаягу уже обступили малянцы и малянки, прибывшие на нескольких лодках. Никтошку оттеснили от Бабаяги, он отошел подальше и прилег на пенек, чтобы отдохнуть. Ведь он сегодня еще не завтракал, и теперь сил у него совсем не осталось. Он даже шатался — так устал. Такой уж у Никтошки был организм: стоило ему вовремя не перекусить, как у него сразу же кончались все силы и начинала страшно болеть голова. Никтошка это знал и всегда старался поесть вовремя. Он слышал, как малянцы и малянки наперебой расспрашивали Бабаягу, что с ней случилось, и как она рассказала им, что сорвалась с тарзанки и ее засосало в болото. А потом, как она очнулась и увидела, что висит вниз головой на дереве.

— Ну и враки! — сказал Пустомеля.

— Да уж, на что Пустомеля иногда приврать любит, но таких врак даже и он бы не выдумал, — сказал стоявший рядом Шмунька.

Удивительно — когда малянцев было много, красота Бабаяги на них совсем почти не действовала. Но стоило кому-нибудь столкнуться с ней на улице, как...

— Нужно ей искусственное дыхание делать, — сказал доктор Таблеткин. — Ну-ка, Мальберт, дай свой платок!

Художник Мальберт передал Таблеткину шейный платок.

— Будем делать искусственное дыхание методом «рот-в-рот», — стал объяснять Таблеткин. — Это каждому полезно уметь. На рот кладется платок, чтобы пациент не заразился. Затем двумя пальцами ему зажимается нос, и через открытый рот вдыхается воздух.

Ученый Знайка, слесарь Напильник, охотник Патрон и другие малянцы встали вокруг Бабаяги, чтобы делать ей искусственное дыхание.

— Но ведь она и так дышит, — удивился Пустомеля. — Зачем же искусственное дыхание?

— Пожалйуста, не надо мне искувственное дыханье, — взмолилась Бабаяга и заплакала.

— Ничего, что дышит, она может в любой момент перестать, — сказал Таблеткин. — Она сама не понимает, что это нужно, а наш долг ей помочь.

В это время из-за кустов выбежала Кнопочка. Она держала наперевес огромную корягу.

— А ну, пошли все отсюда к чёрту! — громко закричала Кнопочка и так замахнулась корягой, что Таблеткин со Знайкой отпрянули назад, а испугавшийся Разиня упал в воду. Юбка у Кнопочки сбилась на бок, волосы растрепались, и вообще, вид у нее был страшный. Таблеткин, к которому ближе всех подступила Кнопочка, понял, что сейчас она его огреет корягой по голове. Он сделал шаг назад и сказал:

— Не хочет — не надо! Мы насильно никого лечить не собираемся.

— Пойдемте, товарищи, у нас и так полно дел! — сказал Знайка.

— Вот и проваливайте поскорее, — мрачно изрекла Кнопочка.

Размахивая корягой, она разогнала зевак, чтобы Бабаяга могла спокойно отдохнуть. Подруги Кнопочки Мошка и Капелька принесли всякой еды, расстелили покрывальце и устроили небольшой пикник, чтобы накормить Бабаягу.

А Никтошка, полежав на пенечке и набравшись сил, побрел к своему дубу, возле которого он оставил нарезанные для завтрака ломти кабачка.

Глава шестая.

КАК НИКТОШКА ВСЕ-ТАКИ ПОЛЕТЕЛ НА ДИРИЖАБЛЕ, НО ЭТОГО НИКТО НЕ ЗАМЕТИЛ

Никтошке очень хотелось полететь на дирижабле, но получалось как-то неудобно. Позавчера утром, когда ученый Знайка собрал людишек в столовой и рассказал им про дирижабль, Никтошка еще крепко спал в своей кровати, и его, как всегда, забыли позвать. А потом, когда он, ни о чем не подозревая, гулял в поле, то встретил Пустомелю, собиравшего одуванчиковый пух.

— Привет, — сказал Никтошка.

— Привет, бездельник, — сказал Пустомеля.

— Разве я бездельник?

— А разве нет? Все работают, собирают одуванчиковый пух, а ты что?

— А зачем вам всем пух понадобился? — удивился Никтошка.

— Ты что, разве не знаешь, что мы на дирижабле летим?

— Нет, — сказал Никтошка. — Мне никто об этом не говорил.

— Это потому, что ты вечно отдельно от всех, — сказал Пустомеля. — Вообще непонятно, с нами ты живешь или нет. Вроде ты есть, а вроде тебя и нет.

«Да я есть», — хотел было возразить Никтошка, но Пустомеля сказал:

— Ты какой-то не наш совсем. Нечего тебе с нами и на дирижабле лететь, потому что мы тебя совсем не знаем, тебя и не видно никогда. Мы только своих берем, ясно?

Никтошка заморгал глазами. Он хотел что-то ответить, у него в голове появилось множество слов, которые ему хотелось сказать, но все они почему-то стали застревать в горле. Никтошка почувствовал, что слезы вот-вот брызнут у него из глаз. А Пустомеля вообще был сегодня в плохом настроении. Потому что перед этим он поссорился и подрался со своим лучшим другом Шмунькой и у него болело ухо, по которому Шмунька его стукнул.

— А знаешь, кто ты такой? — спросил Пустомеля и сделал загадочное лицо.

Никтошка молча помотал головой.

— Ты никто — вот ты кто, — засмеялся Пустомеля. — Поэтому тебя и зовут Никтошкой!

Слезы закапали у Никтошки из глаз, и он повернулся и побежал, а Пустомеля кричал ему вдогонку только что сочиненную дразнилку:

Никто-никто-Никтошка

Гуляет по дорожке.

Никто-никто-Никтошка

Споткнулась об картошку.

Никто-никто-Никтошка

Упала на дорожку,

По никто-никто-Никтошке

Ползет сороконожка!

Последних слов этой дразнилки Никтошка уже не слышал. Он бежал очень долго, пока не устал, а потом долго шел, не разбирая дороги, через какое-то ромашковое поле. Белые лепестки ромашек хлестали его по щекам, а пыльца с их желтых головок забивалась ему в нос, и от нее так хотелось плакать! Тут никого не было, но Никтошка все равно не плакал, и только слезы текли у него по щекам, но это ведь было от пыльцы. У него просто слезились глаза, а он шел, размахивая руками и отбиваясь от ромашковых стеблей.

— Я — никто! — говорил он своему мысленному другу Вилке, а может быть, еще кому-нибудь, кто мог бы быть тут рядом и слышать. — Я — никто, меня вообще нет, я — пустое место. Вот оно идет по дороге — пустое место, и его никто не видит, потому что оно пустое. Потому что оно пустое, поэтому его никто не видит. А не видят его потому, что оно пустое. Да ведь это же всем ясно! Если чего-то нет, то его не видно — это всем понятно. Но и наоборот тоже верно: если ничего не видно, то, значит, ничего и нет! А если это Ничто идет и что-то там себе думает — это еще не значит, что Оно существует. Существует только то, что другие замечают. А если никто никогда ничего не замечает — значит, ничего и никого и нет! Нет тебя, дурака, ясно тебе? — И Никтошка стукнул сам себя кулаком по голове. — В этом-то все и дело!

Слезы текли и текли у него по щекам, смешиваясь с ромашковой пыльцой. И наконец все его лицо стало желтое, и его белая рубашка стала желтая, а джинсы — зелеными, потому что если смешиваешь синий и желтый цвет, то получается зеленый. Никтошка шел все вперед и вперед, поливая ромашки слезами и не замечая, куда идет, и неожиданно ромашки кончились, и он оказался у обрыва Кабачковой реки. Никтошка даже не успел заметить, как ромашки пропали, а он полетел с высокого обрыва в реку.

Плавал Никтошка как рыба. Окунувшись в воду, он вынырнул и поплыл на другой берег. Когда он вылез из воды, взобрался на кочку и сел на нее, глядя в воду, то оказалось, что вся обида уже прошла. Никтошка был весь мокрый, и с него капало. Почему-то ему даже стало весело.

— Ну и здорово, что меня никто не замечает! — вслух сказал он. — Я могу быть разведчиком и незамеченным пробираться в тыл врага. И на дирижабль их я тоже проберусь!

Никтошка по своей природе был оптимистом и никогда не унывал. Хоть у него и не было друзей, но он надеялся, что когда-нибудь обязательно их найдет.

На следующий день Никтошка уже совсем не помнил обиды, которую нанес ему Пустомеля. Он не умел долго дуться. Никтошка не очень-то представлял себе, что это за дирижабль и как на нем летают. Но он решил полететь во что бы то ни стало. У него не было определенного плана. Он вообще не любил планов и делал все спонтанно. То есть, всегда придумывал, что ему делать, в самый последний момент. «Там видно будет», — решил Никтошка. Он позавтракал грибом-сыроежкой, которую сам спилил, разрезал на кусочки и посолил. Сыроежки ведь можно есть сырыми.

Вокруг их дома собралась такая толпа, что он еле протиснулся к лужайке во дворе, над которой уже плавал привязанный к гондоле, надутый теплым воздухом дирижабль. Никтошка подобрался к самому дирижаблю, и никто его, как обычно, не заметил. Он и правда мог бы быть разведчиком. Такой уж у него был талант — оставаться незамеченным.

Наконец-таки Никтошка увидел дирижабль. Он был огромным — величиной с их двухэтажный дом — и плавал над высоким кустом роз. На дирижабль была надета веревочная сеть, к которой снизу была привязана большая плетеная гондола. Гондола была размером с целую комнату, правда, не очень большую. В ней и должны были полететь людишки.

Никтошка обошел вокруг гондолы и увидел, что она вся просвечивает насквозь. «Не очень-то качественно они ее сделали, как ты думаешь, Вилка?» — мысленно спросил друга Никтошка. Все-таки они с Вилкой чаще всего разговаривали телепатически — то есть, мысленно. Особенно, когда рядом кто-нибудь был и мог услышать. «Да уж», — телепатически ответил Вилка.

И правда, во многих местах в березовой коре, из которой была сплетена гондола, были довольно большие дыры. В них можно было просунуть руку, а в некоторые даже ногу. Время от времени кто-нибудь из суетящихся вокруг людишек задевал гондолу, и она при этом ужасно скрипела. Неприятная мысль поразила Никтошку: «А вдруг кто-нибудь в такую дыру провалится и выпадет наружу?» Он на минуту представил себе, что дирижабль будет лететь на очень большой высоте. Он ведь такой огромный. Наверное, даже орлы так высоко не летают. «Слушай, Вилка. Высоко в небе, может быть, дуют сильные ветры. А если эта гондола от ветра развалится на куски и людишки выпадут из нее?» — «Вот и я о том же, — отвечал Вилка. — Или одна из дыр расширится, и кто-нибудь в нее проскользнет». Но, оглянувшись на людишек и увидев спокойный и сосредоточенный вид ученого Знайки, деловито руководившего работой, Никтошка с Вилкой подумали, что не всё так страшно. «Нет, Знайка знает, что

делает. Они с Напильником и Молотком всё рассчитали». — «Согласен. Ничего плохого не может случиться». И Никтошка перестал бояться.

Только возьмут ли его? Ведь он не работал, да и вообще, как сказал Пустомеля, они «только своих берут». А просить кого-нибудь Никтошка терпеть не мог.

Людишки тем временем уже сложили на дно гондолы парашюты, и теперь Знайка велел всем наполнять мешки песком и тоже класть их в гондолу.

— Это чтобы когда воздух в дирижабле остынет и он начнет опускаться, можно было выкинуть мешки и остановить падение, — объяснил Знайка.

И тут Никтошку осенила гениальная мысль. Он даже Вилке ничего не стал говорить. В суматохе, взяв потихоньку пустой мешок, он подобрался к лесенке, ведущей в гондолу, и надел мешок себе на голову. Затем, быстро взбежав по ступенькам, повалился на другие мешки, которые уже лежали на дне. Все были так заняты, что никто ничего не заметил. Никтошка перекатился через два другие мешка, торчавшие кверху, и улегся поудобнее рядом. Потом он перевернулся внутри своего мешка так, чтобы быть головой к выходу.

Когда Никтошка еще только решил как-нибудь тайно на дирижабль пробраться, ему все-таки неудобно было, что он не помогал, не делал ничего, а хочет полететь. Но когда он узнал, что летят мешки с песком, совесть его успокоилась. «Ну чем я хуже его? — решил Никтошка, ткнув кулаком соседний мешок. — Он тоже лежит на полу и ничего не делает».

Хоть Знайкино изобретение и называлось дирижаблем, но на самом деле этот дирижабль был практически то же самое, что обыкновенный воздушный шар. Дирижабль отличается от воздушного шара тем, что у него есть двигатель с пропеллером. Таким образом, дирижабль — не просто игрушка ветра, которая летит невесть куда безо всякого управления. С помощью винта дирижабль может двигаться, куда нужно его пассажирам.

Но это в теории. А на практике слесарю Напильнику и монтёру Молотку так и не удалось создать двигатель, который мог бы противостоять силе ветра. Они вместе со Знайкой несколько раз испытывали дирижабль — то установив на нем паровую машину с котлом и огромным запасом угля, то электромотор с тяжеленным аккумулятором, то приладив к гондоле реактивные сопла... Пытались даже приспособить к скамейкам велосипедные педали, чтобы людишки сами крутили пропеллер. Да только ничего из этого не вышло. Все двигатели оказались настолько тяжелыми, что дирижабль не мог с ними подняться в воздух. А рассчитав тягу пропеллера, которую разовьют шестнадцать людишек, если будут изо всех сил крутить педали, Знайка понял, что нечего даже думать об этом. Людишки ведь маленькие, с небольшой огурец, силёнок у них совсем чуть-чуть. Где им справиться с ветром! И ученый отказался от двигателей и педалей. Он столько раз испытывал дирижабль с разными приспособлениями и столько раз неудачно, что уже решил: пора этому аппарату, наконец, хоть как-нибудь полететь. Пусть даже в качестве простого воздушного шара, отдавшись на волю ветров. Но все по привычке продолжали называть аппарат дирижаблем.

Никтошка лежал в мешке и слушал, что происходит вокруг, и ему стало очень грустно. «Ну почему я всегда поступаю так, почему? — думалось ему. — Ведь нужно было просто подойти к ученому Знайке и поговорить с ним, и они взяли бы меня с собой, ведь я же живу в этом доме!» Но разговаривать с кем-нибудь, а тем более просить — было для Никтошки очень тяжело. Хуже, чем горькую горчицу есть. Он любил действовать в одиночку и ненавидел кого-нибудь о чем-нибудь просить. А вдруг не дадут? Да он бы лучше сдал анализ крови из пальца, чем попросил у них! И заниматься чем бы то ни было Никтошка любил только, когда он один. А вдруг запретят?

Людишки всё суетились вокруг дирижабля. Никтошка так устал за сегодняшний день, что не заметил, как уснул. Его разбудило громкое «ура» малянок и малянцев, раздавшееся, когда дирижабль начал подниматься в воздух. «Я лечу», — подумал Никтошка. Хорошо было бы вылезти из мешка и посмотреть, что там делается за бортом. Но тогда пришлось бы разговаривать со Знайкой. Да еще и с остальными. И все стали бы говорить, что он ничего не делал, не помогал, а полетел. Никтошка вспомнил, как Пустомеля обидел его вчера в поле. «Нет уж, — подумал он, — как-нибудь долечу в мешке. А там, на месте, вылезу потихонечку, когда никто не будет видеть. Зато попаду в далекие края». Он столько читал книг про приключения и про дальние страны, а теперь вот он скоро в эти страны попадет, и приключения начнутся.

Гондола поднималась все выше, и через дырочку в полу Никтошке было видно, как быстро уменьшалась внизу земля. Сначала их двор с толпящимися провожающими превратился в маленький пестрый квадратик, потом вся улица Незабудок стала едва различимой цветной ленточкой, а вскоре и весь Цветоград собрался в крошечное пятнышко, которое делалось все меньше и меньше и терялось среди других пятен — лесов и полей. Как Никтошка и думал, гондолу качало и она ужасно скрипела. Пол, на котором Никтошка лежал, ходил ходуном, и ему казалось, что щели между кусками березовой коры всё увеличиваются. «Как бы не провалиться», — беспокоился Никтошка. Он чувствовал, что под боком у него как раз одна из таких щелей. Никтошка немного поерзал и попытался прощупать, насколько она большая. Кажется, когда он только сюда залез, промежуток был намного меньше. «Только бы долететь, пока береста совсем не разлезется и я не вывалюсь через эту дыру», — нервничал он.

В это время Разиня, у ног которого лежал Никтошкин мешок, заложил ногу за ногу и нечаянно пихнул Никтошку чем-то мягким прямо в лицо. Никтошка осторожно приподнял голову и увидел у себя перед носом что-то белое и пушистое. «Это Разинина подушка», — догадался он. Подушка пришлась очень кстати, потому что Никтошке не на что было положить голову. Его уху, прижимавшемуся к чьему-то ботинку, кажется, Пустомелиному, было очень твердо. Никтошка потихоньку придвинул подушку к себе. Он обнял ее и зарылся в подушку лицом. Подушка была очень мягкая и нежно пахла одуванчиками. И Никтошка успокоился. «Ничего, как-нибудь долетим», — подумал он.

Никтошка стал думать о малянке, которую вытащил из болота. Как ее зовут — он не знал. Кажется, она сказала «Баба-Яга», но ясно же, что ее так звать не могут. Это она непонятно почему сказала. Может, она еще не совсем в себя пришла. А может, у Никтошки тогда был такой вид, что он на

Бабу-Ягу был похож, и она ему хотела сказать: «Привет, Баба-Яга», но от слабости смогла произнести только «Баба-Яга». Так думал Никтошка. И он про себя называл Бабаягу «та малянка».

Раньше он ее никогда не встречал. Жаль, что не удалось даже с ней поговорить. Никтошка ни с кем не дружил, но теперь почему-то подумал, что с той малянкой он хотел бы дружить. Как все-таки страшно было, когда он вытаскивал ее из болота, думал Никтошка. А вдруг бы она умерла? «Хорошо, что не умерла», — подумал он. И вспомнил, что сначала принял ее за русалку. У нее такие зеленые глаза и такие рыжие волосы... «Интересно, зеленые у русалок волосы или нет? — думал Никтошка. — Если они живут под водой, то должны быть зеленые. Но бывает ведь, что они выходят на сушу и вместо хвоста у них оказываются ноги, как у Русалочки из сказки. И они становятся обыкновенными девочками. А значит, у них и волосы должны быть обыкновенные, а то сразу будет видно, что они необыкновенные. А у той малянки рыжие».

Никтошка лежал в мешке, не шевелясь. Он слушал, как Пустомеля глупо удивляется, что земля за бортом такая маленькая и что их домик остался внизу. Потом он слушал, как Пустомеля с Угрюмом спорили. Никтошке из его мешка видны были только ботинки Разини и краешек гондолы. Между кусками бересты просвечивало голубое небо. Дирижабль плавно качало, и ветер нес его в неизвестность. Никтошка уснул. Ему снилось, как он вытаскивает рыжеволосую малянку из тины.

Глава седьмая.

ПАДЕНИЕ

Тем временем дирижабль поднялся совсем уже высоко, он летел выше облаков, и здесь было очень холодно. Все замерзли, а у Разини, который забыл дома шапку, даже выросли на подбородке сосульки. Никтошка тоже замерз во сне. Сквозь сон он услышал какой-то треск. Это куски березовой коры разошлись в стороны, образовав под Никтошкой широкую дыру. У Никтошки всё как будто внутри оборвалось. «Я вывалился», — только и успел подумать Никтошка. Он открыл глаза и увидел под собой кудрявые облака, которые росли на глазах и приближались к нему. Он попытался повернуть голову, чтобы посмотреть, что стало с дирижаблем, но тут его окружил какой-то плотный белый туман, через который ничего не было видно. Никтошка попал в облако.

Известно, что когда падаешь с высоты, то первые несколько секунд ускоряешься — то есть, набираешь скорость. В это время внутри возникает очень неприятное чувство, как будто в животе что-то оборвалось, а еще кружится голова и тошнит. Но секунд через десять ускорение заканчивается, и продолжаешь падать уже с постоянной скоростью. И тогда как будто плаваешь в воздухе, словно в воде. Можно грести руками, плыть вперед или поворачивать, перевертываться на живот или на спину. Правда, при этом опускаешься все ниже и ниже, пока не достигнешь земли. Парашютисты, которые прыгают с самолета, сначала долго летят вот так в воздухе, плавают и даже кувыркаются. Уже ближе к земле они раскрывают парашют, чтобы не разбиться. Да его и нельзя раскрывать на большой высоте, а то ветер

унесет парашютиста невесть куда. У Никтошки-то парашюта не было, но не бойтесь, милые читатели, он обязательно спасется.

Так вот, Никтошка падал теперь с постоянной скоростью, и его больше не тошнило. Странно, в облаке не чувствовалось холода, и было даже как-то приятно. Никтошке казалось, что он плывет, словно рыба. Он стал разводить в стороны руками и отталкиваться ногами — как обычно делают, когда плывут под водой. А Никтошка ведь здорово умел плавать. В облаке было очень тихо и совсем ничего не видно вокруг, кроме белого тумана, похожего на молоко. Никтошка греб руками и ногами и плыл вперед. Хотя, где тут перёд — было непонятно. Он совершенно потерял ориентацию и не знал даже, где верх, а где низ.

«Интересно, когда же кончится это облако?» — подумал Никтошка, но тут оно кончилось. И он увидел под собой огромную, тянущуюся во все стороны землю. Она была ужасно широкая и большая. Где-то очень далеко внизу желтели поля и зеленели леса. Земля состояла из каких-то разноцветных пятен, от которых у Никтошки рябило в глазах, так что он ничего не мог рассмотреть. Снова стала кружиться голова. Все же Никтошка успел заметить, что среди желтых пятен полей тянется тонкая синяя ленточка, которая потом теряется где-то в лесу. Это была Кабачковая река.

Земля все приближалась. Никтошка летел вниз, лежа на животе, и вскоре прямо внизу, под собой, посреди зеленого леса, увидел круглое синее пятно. К нему тянулась тонкая, извилистая полоска Кабачковой реки. «Значит, она впадает в это лесное озеро, — успел подумать Никтошка, — я упаду в воду».

— Спасен! — радостно закричал он, но, видимо, из-за быстрого падения сам не услышал своего голоса — ветер унес слова высоко вверх.

На большой высоте падение не было так заметно, но чем ближе к земле, тем стремительней она стала приближаться. Уже видны были отдельные деревья, уже раздвинулось во все стороны круглое озеро — оно росло и летело навстречу со страшной быстротой. Никтошка падал вниз головой и успел только выставить вперед руки, как вода ударила его с такой силой, что он потерял сознание. Так окончилось воздушное путешествие Никтошки, но началось подводное.

Глава восьмая.

У ЦАРЯ НЕПТУНА

Точно не известно, сколько прошло времени, а только Никтошка очнулся и почувствовал, что он где-то лежит и что он легкий, как пушинка, а вокруг везде что-то очень вязкое. От сильного удара он не помнил, что с ним произошло. Никтошке было очень легко лежать, ему казалось, что он ничего не весит. Как будто воздух вокруг стал тяжелым, а сам Никтошка — очень легким. Было так тепло и приятно, и не хотелось открывать глаза. Никтошка подумал, что он спит, и ему не захотелось просыпаться, поэтому он не открывал глаз. Слышался какой-то шелест или шепот, и откуда-то издалека как будто звучали тоненькие струны, которые приятно убаюкивали его.

Никтошка решил еще поспать, но нечаянно открыл один глаз. Это у Никтошки такая была привычка — если проснется среди ночи, то, перед тем как снова заснуть, он на секундочку приоткрывает один глаз. Увидит рядом только темноту — закроет глаз и снова засыпает. Но сейчас темноты рядом не было. Всё было какое-то голубо-зеленое. Он открыл и второй глаз. Никтошка лежал на какой-то очень пушистой кровати. Вокруг росли странные и удивительные растения. Бурые, оранжевые и зеленые, они тянулись своими гибкими стеблями высоко вверх. Никтошка находился вроде бы в комнате, а вроде бы и нет. Стены неровные, потолка не видно. Скорее, это было что-то типа пещеры. Стояла всякая странная мебель. Справа — нечто вроде кресла, очень мохнатого, с длинным сиреневым ворсом, и этот ворс шевелился, точно живой. Слева — шкаф, сделанный из огромной перламутровой ракушки с раскрытой створкой. Над головой — люстра с пятью тусклыми розовыми лампочками в виде рыб.

Никтошка протянул руку и потрогал толстый стебель растения. Его рука двигалась медленно, словно ватная. Так бывает во сне, когда хочешь что-нибудь сделать быстро, а получается очень долго. Никтошка от удивления даже рот раскрыл, и ему показалось, будто у него полон рот воды. Он никак не мог понять, как он тут очутился, помнил только, что видел какой-то сон. Никтошка проглотил воду, которая была у него во рту, но рот снова наполнился водой. Да ведь он же под водой, на дне! — понял вдруг Никтошка и сейчас же вспомнил всё, что с ним было. И как на Пустомелю обиделся, и как всю ночь читал «Русалочку», и как спас рыжеволосую малянку, которая сказала, что ее зовут Баба-Яга. И как залез в мешок и спрятался в гондоле, как потом вывалился, и лоскутную землю внизу, и огромное озеро, ударившее его по голове.

Никтошка приподнялся, чтобы слезть с кровати. И почувствовал, что он плавает, не касаясь пола. Он оттолкнулся от перламутровой спинки кровати, оплетенной тонкими, почти прозрачными водорослями, и поплыл вперед. Откуда-то из-за шкафа выскочила стайка зеленых рыбок и проплыла мимо него. Никтошка хорошо умел плавать и нырять и мог надолго задерживать дыхание. Но сейчас он не задерживал дыхание, а дышал, так, будто был не под водой, а на земле. Он вдыхал и выдыхал воду. Правда, каждый выдох-вдох занимал у него, наверно, целую минуту. Ведь вода намного тяжелее воздуха. «Как же я дышу? — думал Никтошка. — Наверное, это все-таки сон».

За шкафом ему открылось большое пространство подводного грота. Здесь было намного просторнее и светлее. Высокий потолок поддерживали золотые девушки-кариатиды, стоящие на колоннах зеленого мрамора. На мраморных стенах, поросших подводным мхом, висели большие картины в золотых рамах. На картинах были изображены тонущие корабли. Один налетел на огромные серые скалы, мачты его сломались, палуба накренилась. Громадные волны подбираются к одетым в старинные одежды испуганным людям, вцепившимся в корабельные снасти. На другой картине корабль уже под водой и идет ко дну. Людей на нем не видно, а вокруг кружатся веселые рыбки. Две девушки-русалки через разбитый иллюминатор вытаскивают сундук с золотом. Никтошка засмотрелся на картины и не заметил, что он не один.

Кто-то покашлял за его спиной. Никтошка повернулся и увидел старичка, лежавшего на диванчике возле противоположной стены. Старичок был в бледно-желтом халате и старинных розовых туфлях. У него была длинная зеленая борода и маленькая золотая корона на голове.

— Не бойся, — произнес старичок.

Вообще, он был не страшный. Никтошка не испугался и подплыл поближе. По короне Никтошка понял, что перед ним царь. Так и оказалось.

— Здравствуй, о чужеземец!

В сказках цари всегда так говорят: «О чужеземец», — так что Никтошка ничуть не удивился.

— Здравствуй, о чужеземец! Я царь этого озера, и меня зовут Нептун. Ты, конечно, слышал о могущественном Нептуне, повелителе морей. Вот и моя фамилия тоже Нептун, и я прихожусь морскому царю дальним родственником — он мой четвероюродный дедушка.

И в подтверждение своих слов Нептун показал Никтошке золотой трезубец, который всегда бывает у повелителей морей. Ну, и рек, и озер тоже.

— А это две мои дочери, царевны Афра и Дита, — сказал Нептун, показывая трезубцем налево и направо.

Никтошка удивился, потому что никаких дочерей не было видно. Но тут в стене грота открылись два отверстия в виде перламутровых раковин, из которых выплыли две русалки. Они подплыли к Никтошке, и та, что была немного пониже его, со светло-зелеными волосами и зелеными глазами, протянула ему руку и сказала: «Дита». А та, что была повыше и постарше своей сестры, с темно-зелеными волосами и карими глазами, тоже протянула ему руку и сказала: «Афра». На Дите был бежевый купальник с желтыми рыбками. На Афре — бордовый, с морскими звездами.

— Зефир, — неожиданно для себя представился Никтошка обеим дочерям.

Почему-то Никтошке не захотелось называть свое настоящее имя. «Как-то оно не звучит», — мелькнуло у него в голове. Он пожал русалкам руки. Все-таки они были удивительные — русалки. Там, где у человека кончается живот, у них начиналась блестящая, серебристая чешуя, а дальше вниз —

хвост, как у рыбы. Их хвосты блестели и переливались — серебряным, зеленым и малиновым цветом. Если бы не треугольный плавник на конце хвоста, можно было бы подумать, что сестры Афра и Дита собрались на какой-нибудь день рожденья, надев длинные блестящие вечерние платья. В ушах у каждой были сережки. На правом запястье — браслет, а на шее — ожерелье. У светлой Диты — из белого, а у более смуглой Афры — из розового крупного жемчуга. «Неужели это всё не сон?» — думал Никтошка. Он, конечно, верил в сказки, которых прочел очень много. Но Никтошка даже не мечтал, что когда-нибудь по-настоящему попадет в какое-нибудь сказочное место.

Царевны-русалки подплыли к своему отцу и сели на диван — одна справа, другая слева. Удивительно, что маленький диванчик в это время удлинился, так что всем хватило места. На самом деле этот диван оказался не диваном, а рыбой в форме дивана, которая умела удлиняться и укорачиваться, в зависимости от того, сколько народу на нее усаживается. И еще Никтошка увидел, что блестящие хвосты с чешуей у Афры и Диты пропали, а вместо них появились человеческие ноги. Как это произошло, Никтошка не заметил, а только вдруг вместо хвостов появились белые ноги — и всё.

До Никтошки сзади кто-то дотронулся. Он хотел оглянуться, но почувствовал, что уже сидит в очень удобном и приятном на ощупь кресле. Оно тоже оказалось рыбой — с мягкой, словно плюшевой, чешуей. Никтошка сидел на рыбе-кресле напротив царя Нептуна с его дочерьми-царевнами. Несколько минут все молчали. Здесь, под водой, было так спокойно, тепло и тихо. Всё располагало к отдыху.

— Дорогой Зефир! — сказал наконец Нептун. — Будь нашим гостем. Отдыхай и веселись. Мои дочери покажут тебе нашу подводную страну. Мы очень рады твоему визиту.

— О да, к нам так редко кто-нибудь приходит! — сказала Афра.

— Папа, давай напоим Зефира чаем! — воскликнула младшая дочь Дита, всплеснув своими длинными руками.

— Правильно, — сказал старичок. — Афра, поставь, дочка, самовар. А ты, Дита, включи музыку, чтоб весело было.

«Как же это можно пить чай под водой?» — подумал Никтошка.

Но оказалось, что можно. И даже не просто чай, а чай с разными вкусными вещами: подводными конфетами, пирожными и другими сладостями.

У царевен снова появились хвосты, и они поплыли выполнять папины поручения.

— Как это у них появляются и пропадают хвосты? — спросил Никтошка. — Вот я читал сказку про русалочку. Она очень хотела, чтобы у нее вместо хвоста были ноги. Ведьма приготовила волшебный напиток...

— Знаю, знаю, — не дослушав, перебил озерный царь. — Слышал эту печальную историю. Бедная девочка!

Казалось, на глаза его навернулись слезы, но точно сказать было нельзя — ведь под водой слёз не видно.

— Теперь всё совсем не так, — сказал царь. — Наука продвинулась далеко вперед. Мы можем менять хвост на ноги и ноги на хвост в любой момент, когда захотим.

Нептун хлопнул в свои зеленые ладоши, и тут же в пустом гроте стало оживленно и весело. Отовсюду наползло и наплыло множество разных обитателей озерного дна.

— Познакомься с моим советником по военным делам, — сказал царь и представил Никтошке большого красного рака.

— Раккарак, — отчетливо произнес военный советник, и Никтошка два раза повторил это имя про себя, чтобы запомнить.

Раккарак осторожно пожал Никтошкину руку своей огромной клешней. Она напоминала ножницы для разрезания железа, которые Никтошка видел в мастерской слесаря Напильника и монтёра Молотка. Подплыл толстый зеркальный карп, по фамилии Баркап, который был экономическим советником. Научным советником оказался длинный-предлинный угорь Угряп.

— Здравствуй, Диточка! — сказал карп Баркап и поцеловал царевну в обе щеки своими круглыми губами. — Как ты выросла! Я так давно тебя не видел! И тебя, — погладил он Афру по волосам своими коротенькими плавничками.

— И я тебя, милая, давно не видел, можно я тебя обниму? — прошелестел ученый угорь и обвился вокруг Дитиной талии. — И Афрочку мою дорогую обниму!

Ученый угорь Угряп разговаривал свистящим шепотом, похожим на шелест листьев в лесу. Только листья шелестят тихо, а под водой все звуки слышны намного громче, чем на воздухе.

Нептун объяснил, что хотя Баркап с Угряпом и живут неподалеку, но появляются крайне редко — очень заняты делами. И что они оба, и военный советник Раккарак тоже — все его, Нептуна, родственники, хотя на него и не похожи.

Пока все обнимались да целовались, две полосатые лягушки принесли огромный самовар с трубой. А Дита достала из перламутрового шкафа старинный граммофон и пластинки.

— Здорово сохранился, правда? — похвастался Нептун. — Он попал к нам сто лет назад. Одна графиня со своим графом каталась по озеру, и ее лодка перевернулась. Это мой младший сынишка-хулиган в них врезался, когда катался на соме, и лодку перевернул. Я тебя еще со своими сыновьями познакомлю, они сейчас в отъезде. Граф умел плавать, и он выплыл на берег, а графиня не умела. Она утонула и попала к нам, на дно. Ей очень понравилось у нас. Она была такая веселая. Научила нас разным танцам, которые танцуют у вас на земле, и подарила этот граммофон с пластинками. Он вместе с ней утонул.

— А еще она подарила нам вот этот зонтик, — сказала Афра. Оттолкнувшись хвостом, она подплыла к шкафу и вытащила из него белый зонтик с кружевными оборочками.

— Мы иногда под ним сидим, — сказала Дита.

— Хотя, конечно, у нас и не бывает солнца или дождя, как на земле, — сказала Афра.

— Но все равно, приятно иногда посидеть под зонтом, где-нибудь на лавочке, в подводном саду, — сказала Дита.

— Когда есть настроение, — добавила Афра, завернувшись в свой собственный хвост, как в шаль.

Дита поставила пластинку и завела граммофон. В воде звук, как известно, распространяется гораздо лучше, чем в воздухе. Вот почему музыка заиграла так громко, и от нее сразу же стало так весело. Графиня, по-видимому, и правда была веселой, если любила такую музыку. Играл вальс.

— Умеешь танцевать, Зефир? — спросила Дита.

— Кажется, нет.

— Я раньше тоже не умела, а потом сама научилась. Я тебя сейчас научу.

Она превратила свой хвост в ноги и встала на дно перед Никтошкой.

— Считать умеешь?

— Вообще-то, да...

— Я умею до десяти, — сказала Дита, — но нужно всего до трех. Смотри на меня и повторяй: раз-два-три, раз-два-три.

Никтошка раньше никогда не танцевал. Он только читал в книжках, как танцуют. Оказывается, вальс — это очень просто, если умеешь считать до трех. Никтошка раньше думал, что танцевать сложно и надо способности иметь, а оказывается, так легко!

Веселый вальс играл, и Дита с Никтошкой кружились по подводному гроту. Танцевали парами рыбки: крупные — внизу, ближе к полу, а мелюзга — под самым потолком. Иногда танцующая пара совсем маленьких рыбок оказывалась близко к лицу Никтошки, и он видел, как они улыбаются и разговаривают друг с другом.

— А я раньше думал, что рыбы говорить не умеют.

— А разве ты до этого был знаком с рыбами? — засмеялась Дита. — Ведь ты жил там, наверху, а рыбы живут в воде.

Никтошка раньше никогда не оказывался так ужасно близко к малянке. Дита смотрела на него своими зелеными глазами, и эти глаза были настолько рядом, что Никтошке даже стало как-то не по себе. Но не плохо «не по себе», а «не по себе» хорошо. Как будто это уже не он, как будто он превратился в кого-то другого. Словно приблизился лицом к какому-то горячему огню, который хоть и горячий, но не обжигает, а только горит ярко. На секунду Никтошка опускал глаза и видел Дитины улыбающиеся губы, и тут же поднимал глаза, стараясь больше не смотреть вниз. Но это не получалось, и вскоре его глаза сами собой опускались и опять смотрели на ее губы.

Они танцевали все время по кругу — летели, словно на карусели. Дита, время от времени сменив ноги на хвост, делала им несколько сильных взмахов, чтобы набрать скорость.

— Держи меня крепко, — сказала она. — А то мы разлетимся в разные стороны.

Советник Баркап улыбался своими круглыми губами, покачиваясь из стороны в сторону и помахивая коротенькими плавниками. Раккарак танцевал с большой сиреневой в розовую полосочку лягушкой. Как потом узнал Никтошка, ее звали Полина.

Они протанцевали первый вальс, но когда начался следующий, Дита сказала:

— Этот придется пропустить.

— Почему? — не понял Никтошка.

— Слишком быстрый. Наверное, у вас, на земле, так быстро можно танцевать, а у нас не получится.

Никтошка и правда заметил, что под водой у него все движения выходят намного медленнее, чем на суше. Но зато медленный подводный мир был таким спокойным!

В это время к ним подплыл Нептун:

— Дочка, хватит мучить гостя. Он и так с дороги устал, вон сколько по воздуху пролетел, бедный. Веди его к столу.

— Правда, тебе нужно что-нибудь съесть! — сказала Дита.

Рыбки отнесли граммофон подальше, чтобы вальс не мешал разговаривать. Но он продолжал звучать издалека и был такой веселый, что у всех было хорошее настроение. Танцующие расплылись в разные стороны.

Как раз в это время в подводную гостиную задом наперед вплыла большая и круглая рыба, очень похожая на стол. Афра накрыла эту рыбу скатертью из зеленой тины. Отовсюду наплыло множество маленьких рыбешек, тех, которые танцевали только что. Каждая тащила что-нибудь в плавничках: одна — ложечку, другая — блюдце, третья — чашку. Никтошка смотрел на рыбок и удивлялся: как это они удерживают своими маленькими плавниками все эти чашки и ложки? Но в воде-

то всё весит намного меньше — вот рыбкам и не тяжело. На воздухе ни одна, даже очень сильная рыба не сможет нести посуду.

Помощников было так много и они так ловко сновали вокруг, что через две минуты рыба-стол была уже празднично накрыта. Вилки и ложки были золотыми, а тарелки с чашками снизу и по краям тоже золотые, а в середине — перламутровые.

— Я, вообще-то, скромный царь, — сказал Нептун. — Но приходится пользоваться золотой посудой. Понимаешь, Зефир, золото ведь не ржавеет.

— Мы добываем золото на затонувших кораблях, — сказала Афра.

— Правда, в нашем озере давно уже никто не тонул, — вздохнул царь. — Вот и приходится время от времени совершать экспедиции к морю. Ты не думай, мы не воруем чужое золото. По подводным законам, всё, что пошло на дно, становится собственностью государства.

Полосатые лягушки поставили на стол самовар и стали его разжигать. Увидев, что Никтошка от удивления даже рот разинул, царь спросил:

— У вас, на земле, тоже самовары есть?

— Есть, — ответил Никтошка.

— Ну и я так думал. К нам этот самовар от вас попал. Я даже и сам не знаю, чей он. Давно это было...

— Да-да, — перебила Дита, — мы сидели с папочкой тут, в гостиной, и смотрели картинки в одной книжке, и вдруг прямо с неба к нам упал самовар.

— Да, прямо оттуда, — подтвердил Нептун и указал своим трезубцем вверх.

— Наверное, нам его кто-нибудь подарил, — сказала Афра.

— Но как же можно разжечь огонь под водой? — спросил Никтошка.

— Очень просто, — ответила Афра.

— Да, Афрочка знает, она в науке у нас хорошо разбирается, — сказал царь.

— Есть вещества, которые горят под водой, — сказала Афра. — Например, белый фосфор. Мы его получаем из рыб. Как известно, у рыб много фосфора.

— Бедные рыбы, — сказала Дита, но Афра ей не ответила.

Две маленькие, почти прозрачные лягушки принесли перламутровую коробочку. Афра достала из нее несколько серых камешков, открыла у самовара дверку, куда кладут дрова, и положила эти камешки туда.

— Просто так фосфор гореть не будет, — объясняла Афра. — Мы его используем для получения того, что у нас называется подводными дровами.

К стыду своему, Никтошка совсем не разбирался в химии, поэтому ничего из ее объяснений не понял. И решил, что когда вернется домой, обязательно попросит ученого Знайку заняться с ним науками. Правда, из этого потом ничего не вышло. Знайка обрадовался, что Никтошка наукой заинтересовался. Но только Никтошка совсем не способный к химии оказался, так что занятия вскоре пришлось прекратить, а то Знайка страшно сердился.

— Только надо брать его щипцами, — объясняла Афра, — а то он едкий.

Она все рассказывала, как из белого фосфора, бензина, алюминия и чего-то еще можно получать вполне приличные подводные дрова. А дровами они топят печки и плиту, на которой готовят.

Наконец Афра разожгла самовар, и из его трубы пошел белый дым. Только в воде дым не просто идет, как на воздухе, а булькает и кверху поднимается пузырями.

— Скоро закипит, — сказала Дита.

Никтошка решил не ломать голову, как же можно пить чай под водой, а подождать и посмотреть. Тем временем проворные рыбки расставили на столе угощения. Такой еды Никтошка сроду не видывал. В воде, как известно, растворяются многие продукты. Например, сахар. Так что посыпать печенье сахаром под водой не имеет смысла. Да и само печенье размокнет. Зато всякие там жиры и маслá под водой себя чувствуют отлично. Поэтому озерные сладости снаружи все жирные. Тут были разноцветные пирожные, похожие на кораллы, конфеты в форме ракушек — прозрачные, а внутри них виднелись крупинки сахара. Светящиеся фосфорные пряники, баклава из водорослей и пористо-коралловая пастила. По блюду, сделанному из огромной ракушки, растекся пирог-желе, над которым колыхались сладкие актиниевые ножки — они были словно живые.

— А это что за трубочки? — спросил Никтошка.

— Ква! Это суши, — сказала лягушка Полина.

В Цветограде никто не умел готовить суши, даже повар Кастрюля про них никогда не слыхал. Вначале Никтошка подумал, что это то же самое, что сушки. Но вкус оказался совсем другой. «Всё тут, под водой, другое», — подумал Никтошка. Впрочем, ему суши понравились. Когда голодный, Никтошка не любил начинать со сладостей. А эти суши были соленые.

— А как же я дышу водой и не умираю? — спросил Никтошка царя Нептуна.

— А об этом ты спроси мою старшую дочь Афру, она у нас в науке понимает. Очень много книжек прочла.

Афра потом объяснила Никтошке, что у них есть такое специальное вещество — оно называется катализатор — которое добывает из воды кислород. Кислород необходим для дыхания всем живым

существам: и людям, и зверям, и рыбам, и даже растениям. Кислород есть в воздухе, но и в воде его много. Рыбы умеют его из воды получать, а наземные жители — нет. Когда Никтошка попал к ним, под воду, Афра влила ему в рот несколько капель специально приготовленного химического напитка, и у него в крови теперь есть катализатор. И теперь он легко может дышать водой. «Эх, если бы тут был ученый Знайка, — подумал Никтошка, — он бы, наверное, понял, что это за катализатор. Может быть, Знайка смог бы его получить, и людишки стали бы жить то в воде, то на суше».

Тут как раз самовар закипел, но вместо того, чтобы пыхтеть, он стал громко булькать. Крышка его поднималась, и из-под нее вылезали огромные пузыри, которые всплывали кверху.

— Ну вот, давайте наконец пить чай! — сказала Дита, обрадованная, что можно прекратить скучный разговор о катализаторе. И стала разливать чай. Она взяла у Никтошки чашку и открыла самоварный краник. Но только ничего из краника не вылилось. Да и как может вода литься из самовара под водой? Но оказывается, может. У самовара сверху была специальная железная палка — поршень. Дита нажала на нее, поршень создал в самоваре избыточное давление, и из краника полился чай. Он уже был крепко заварен.

Пока Никтошка глядел на коричневую струю чая, медленно льющуюся в перламутровую чашку, у него вдруг зарябило в глазах. Вся вода вокруг заколебалась. Стол, за которым он сидел, тарелки и чашки, кушанья и подводные жители, — всё искривилось, стало колыхаться. Казалось, сейчас растает. Никтошка тряхнул головой, протер глаза…

— Ты что, не слышишь, Зефир? — спросила Дита, потянув его за плечо. — У вас тоже пьют чай?

Никтошка повернул к ней голову, и всё прошло. Вода теперь не колебалась, стол с тарелками и чашками стоял на месте, и подводные жители больше не собирались таять и расплываться. «Наверное, я очень устал», — подумал Никтошка.

— Эй, ку-ку! У вас тоже пьют чай?

— Да, только мы вначале отдельно наливаем заварку, а потом в нее горячую воду, — ответил он Дите.

— У нас так нельзя, — сказал карп Баркап. — Воду в воде не будет видно. И мы завариваем наш чай очень крепко. Потому что он потом немного разбавляется окружающей водой.

— Расскажи нам, милый Зефир, как ты путешествовал по небу. Что с тобой случилось, и почему ты упал прямо в наше озеро? — попросил Никтошку царь Нептун.

— Да, — сказала Афра, — мне это тоже очень интересно. Вчера, после обеда, я пошла в свою обсерваторию для того, чтобы посмотреть на солнечные пятна. Вы ведь знаете, что несколько дней назад я открыла, что на солнце тоже есть пятна.

— Нет, я не знаю, — сказал царь. — Какие же могут быть на солнце пятна, если оно ужасно горячее?

— Согласен, — прошелестел научный советник Угряп. — На солнце никаких пятен быть не может, потому что, если бы они были, они бы давно уже сгорели.

— А вот есть, папочка, я тебе как-нибудь дам посмотреть. И вам, дядя, дам, — сказала Афра Угряпу, погладив его по длинной, скользкой спине.

— Знаете, мой старший брат Медавр привез мне с моря подзорную трубу, — повернулась она к Никтошке. — Брат нашел ее на затонувшем корабле. Вот, посмотрите, — Афра вытащила из-под стола блестящую медную трубу и протянула Никтошке.

Никтошка один раз смотрел в подзорную трубу — у астронома Звёздина. Однажды, поздно вечером Никтошка проходил мимо его дома. А Звёздин как раз увидел в свою трубу что-то очень интересное. Он был так возбужден, ему страшно хотелось кому-нибудь показать то, что он увидел! А рядом никого, кроме Никтошки, не оказалось. Звёздин позвал его посмотреть в свою трубу. «Я открыл, что у планеты Сатурн есть кольца!» — почти кричал Звёздин.

Звёздин очень рассердился тогда на Никтошку. За то, что Никтошка так и не смог увидеть у Сатурна никаких колец. По правде говоря, Никтошка и сам Сатурн не увидел. Дело в том, что тогда Звёздин еще не изобрел специальный штатив, на котором закреплялась труба. И нужно было держать трубу руками. А труба была страшно тяжелая. Звёздин-то привык, а Никтошка нет. Как ни старался он найти на небе Сатурн там, где ему показывал Звёздин — Сатурн всё никак не находился. Руки у Никтошки очень быстро устали. Труба все время прыгала, так что вместо планет и звезд Никтошка видел на небе размазанные линии, похожие на вспышки салюта.

В конце концов Звёздин рассердился и прогнал Никтошку. А на следующий день погода испортилась. Началась осень, и три месяца подряд нельзя было наблюдать звездное небо, потому что оно было затянуто тучами и облаками. И Звёздин никому не мог продемонстрировать свое открытие. Он ужасно тогда был зол на Никтошку. Но Никтошка и в самом деле не хотел обидеть Звёздина — просто так вышло. С тех пор Никтошка настороженно относился к подзорным трубам.

Он взглянул в трубу, которую протянула ему Афра. Оказалось, что она совсем легкая, не такая, как у Звёздина. Это потому, что в воде все предметы намного легче, чем на воздухе. Никтошка направил трубу вверх, туда, где в потолке грота было большое круглое отверстие. Через него в грот попадал свет. Никтошка навел туда трубу, но вот беда — ничего не смог увидеть.

— Видите что-нибудь? — спросила Афра.

Никтошка очень боялся, как бы Афра на него не обиделась так же, как Звёздин.

— Да, кажется, что-то такое просматривается, — пробормотал он.

На самом деле Никтошка видел одну только водную рябь.

— Очень странно, — сказала Афра. — Как вам удается что-нибудь увидеть? Ведь вода настолько искажает изображение, что через нее вообще нельзя смотреть в трубу.

Никтошка уже было испугался, что сейчас из-за этой подзорной трубы он поссорится с Афрой, но лягушка Полина проквакала, обращаясь к Афре:

— Зачем же ты смотришь?

— И что такое «искажает изображение»? — спросила Дита.

— Это значит, что плохо видно сквозь воду, — ответила Афра. — В воде всегда полно разных мелких волн и ряби. Но они очень маленькие, и мы их не замечаем. А труба увеличивает рябь — она становится огромная, и сквозь нее уже ничего другого не видно. Поэтому смотреть можно только, если высовываешь конец трубы из воды на воздух. Вот я и сделала обсерваторию возле поверхности воды.

— Все-таки, я не понимаю, почему нельзя смотреть через рябь, — сказала Полина.

— Смотреть можно, — объяснил научный советник Угряп. — Только увидеть ничего нельзя.

— А-а-а! Вон оно что! — сказала Полина. — Теперь я поняла.

— Смотрела вчера и увидела ваш дирижабль, — продолжала Афра. — Он на несколько секунд показался из-за облака и снова пропал.

— Что это была за берижаба? — поинтересовался экономический советник Баркап.

— Не берижаба, а ди-ри-жабль, — поправила Афра. — Дирижабль — это такой воздушный шар. На нем прилетел наш гость Зефир.

— Я не слышал, чтобы на шарах летали, — сказал царь Нептун. — В воде можно плавать на пузырях. Вот у рыб, например, внутри есть пузырь... Но по воздуху летают только на коврах-самолетах.

— Да-да, для этого ковер-самолет очень удобен, — подтвердил военный советник Раккарак.

— Я читал одну сказку, как Иван-царевич летал на ковре-самолете, — вспомнил Баркап.

— Не Иван-царевич, а Андрей-стрелок, — поправил его царь.

— Вот я и говорю, Андрей-стрелок.

— Дайте ему рассказать, — с досадой остановила их Афра. — Откуда вам знать, на чем летают по воздуху, если вы там никогда не были?

— Я был в молодости, — возразил Баркап. — Меня поймали сетью. Я тогда был еще совсем юн…

— Мы уже слышали эту историю, — перебила Афра. — Зефир, расскажите, пожалуйста, про шар, — попросила она. — То есть, тьфу, про дирижабль.

Никтошка стал рассказывать о своем путешествии. Маленькие рыбки, которые постоянно приносили всякие новые кушанья, тоже захотели послушать. Каждая из них принесла себе по маленькому стульчику. Одни уселись в кружок на столе, рядом с Никтошкиной тарелкой, другие примостились над столом, чуть ниже его подбородка — чтобы лучше слышать. Никтошка просто не мог поверить своим глазам — как рыба может сидеть на стуле: ведь у нее нет ни рук, ни ног, ни того, на чем сидят! Но тем не менее все эти рыбки сидели. И слушали, что рассказывает Никтошка. Они так внимательно его слушали и так смешно шевелили при этом губами, повторяя отдельные слова, что Никтошка поначалу еле сдерживал улыбку. Только нетерпеливая Дита все время перебивала. И одна из полосатых лягушек — не та, которую звали Полина, а та, которая покрупнее и более сиреневая — тоже перебивала.

— Я летел на дирижабле, — начал свой рассказ Никтошка.

— Я так и не поняла-ква... какая это «бери жаба», — проквакала лягушка Полина.

— Ах, пожалуйста, не перебивайте, — раздражённо сказала Афра.

— Я не перебиваю-ква. Просто надо же мне понимать-ква, о чем речь, а иначе квакой смысл ему продолжать, если мы не-ква поняли то, что он сказал до сих пор?

— Не говорите «мы», — сказала Афра. — Это только *вы* не поняли.

Полина повернулась всем телом к рыбкам и другим лягушками, и те кивками подтвердили, что тоже не поняли.

— Дирижабль, — стал объяснять Никтошка, — это очень большой шар, сделанный из резины...

— А что такое резина? — перебила царевна Дита.

— Да сколько можно! — возмутилась Афра.

— Резина — это такой материал...

— Тогда понятно. Мы сами много шьем себе платьев и хорошо разбираемся в материалах. У нас даже швейная машинка есть. — И, превратив ноги в хвост, она почесала себе лоб кончиком хвоста. — Продолжай, милый Зефир, прошу тебя!

— Ну, слава богу! — сердито прошипела Афра.

— Дирижабль большой, огромный... — Никтошка стал говорить скороговоркой, чтобы его не успели перебить. — Огромный… его надувают... надувают горячим воздухом, и он взмывает высоко в небо... а к дирижаблю привязана гондола, в которой сидят людишки. И таким образом они вместе с

дирижаблем попадают на небо, высоко, выше облаков... вокруг летят птицы, свистит ветер… бегут облака... земля оттуда кажется такой маленькой, что на ней ничего нельзя разглядеть.

— Маленькой? — переспросила Дита.

— Ну... скорее наоборот, она кажется очень большой. Её страшно много вокруг, а всё на ней кажется очень маленьким.

Никтошка перевел дыхание — в воде говорить тяжело, и у него заболело горло от такой длинной речи. Он отхлебнул уже остывшего чая и положил в рот еще одну восхитительную сладкую ракушку.

— Ска-жи-те, — медленно проквакала полосатая лягушка (не Полина, а другая). — Ска-жи-те, по-жа-луй-ста! Что такое дон-до-ла, кто такие ма-лян-цы, зачем им попадать на небо, что они разглядывают на земле? — Тут она на минутку остановилась перевести дух. — Всё, кажется, все вопросы задала.

— Вот и молодец, — сказала Афра. — Только отвечать он на них не будет. Потому что он занимается тем, что рассказывает, а не тем, что отвечает.

— Правильно, — сказал царь. — Я запрещаю вопросы.

Все умолкли и стали слушать дальше. Несмотря на боль в горле и на усталость, Никтошка чувствовал себя счастливым. На земле, в Цветограде, его никто не замечал и у него не было друзей. А тут — с ним хотели дружить все. Царь пригласил гостя сыграть с ним после обеда в подводные шахматы. Дита сказала, что у нее есть еще целых шесть граммофонных пластинок с разными танцами и она хочет все эти танцы с Зефиром перетанцевать. С Афрой они договорились, как только стемнеет — пойти в ее обсерваторию смотреть на звезды: в Крабовидной туманности как раз вчера вспыхнула сверхновая звезда. Лягушка Полина приглашала к себе домой — ей не терпелось познакомить Зефира со своей семьей. Военный советник Раккарак звал в казармы, осматривать его образцовый креветочный гарнизон, экономический советник Баркап — в царскую сокровищницу, где хранилась самая крупная в северном полушарии жемчужина. Научный советник Угряп мечтал показать Зефиру новую холодильную установку, способную заморозить одиннадцать миллионов литров воды.

«У меня есть друзья», — думал Никтошка, и от этой мысли у него во рту или в горле, а может быть, где-то в животе, становилось тепло и сладко — слаще, чем от сахарных ракушек и коралловой пастилы. Никтошка всем им обещал: потанцевать, поиграть и посетить — и думал, как бы ему везде успеть и как бы кого-нибудь не разочаровать или не обидеть.

Но сейчас царь попросил никого к гостю не приставать, а внимательно слушать его рассказ о том, что делается на земле и на небе, потому что он, царь Нептун, будет потом задавать всем вопросы. Чтобы проверить, внимательно ли они слушали.

И Никтошка рассказывал. Он говорил долго: про дирижабль, про людишек, про Цветоград, про небо, про птиц, про леса и про деревья. Он сам себе удивлялся — как это он стал такой разговорчивый? Бывало, за целую неделю ни с кем и словом не перекинется. Но Никтошке показалось, что не все понимают, о чем он говорит. Некоторые рыбки кивали — но не головами, как люди, а всем телом, наклоняя его вначале немного вверх, а потом немного вниз. Но при этом у них были такие круглые глаза, словно они не понимали вообще ничего. А полосатая лягушка зевала через каждое Никтошкино слово. При этом она так широко раскрывала свой розовый рот, что туда бы легко могли поместиться самовар с граммофоном и еще что-нибудь.

— А у нас есть рынок, — квакнула вдруг Полина, перебив Никтошку как раз в том месте, где он провалился через дыру в гондоле.

— Да что же это такое? — возмутилась Афра, но Полина ее не стала слушать, а Дита сказала:

— А хотите, я вам его покажу?

— Но до рынка же два часа ехать, а он устал, тебе, что ли, непонятно?

— А я ему в зеркальце покажу!

— Афрочка, дай гостю немного отдохнуть, — сказал царь Нептун. — Ему, наверное, тяжело так долго говорить с непривычки.

— Почему? — спросила полосатая лягушка — не Полина, а другая.

— Потому что он привык говорить на воздухе, а в воде он не привык.

— А-а-а! Поняла… ну и что?

У Никтошки на самом деле уже болело горло. Говорить в воде непросто, с непривычки язык очень устает. Дита сплавала в другую комнату и вернулась оттуда с маленьким зеркальцем в золотой оправе. Оно было чуть больше ладони. «Так вот оно, волшебное зеркальце, — подумал Никтошка. — Значит, оно на самом деле существует». Он поднес зеркальце к глазам. Но в нем отражалось только его собственное лицо.

— Нужно его потрогать легонько, — сказала Дита, — тогда покажет.

Никтошка осторожно коснулся поверхности зеркальца пальцем. И тут произошло чудо! Зеркальце стало прозрачным, и Никтошка стал видеть сквозь него. Сначала он ничего не мог разобрать. Только какие-то цветные пятна. Но, приглядевшись, увидел подводный базар, о котором говорила Дита, и услышал далекий шум.

— Сегодня выходной, — сказала Дита. — На базаре полно народу.

Там и правда толпилось множество разного подводного народу, но видно было очень издалека, так что трудно разглядеть.

— Нужно приблизить, — сказала Дита. — Зеркало-то волшебное.

Она коснулась его поверхности двумя пальцами и как бы раздвинула ее в стороны. Никтошка до этого никогда не встречал волшебных предметов. Шапок-невидимок, скатертей-самобранок, волшебных зеркалец... Это было просто поразительно. Он и во сне такого не видел! Зеркало начало приближать, и вот уже стал ясно виден прилавок, где продавали разные морские фрукты.

— Сам попробуй, — сказала Дита.

Ну что это было за удивительное зеркальце! Просто не верилось, ну просто чудо какое-то! Никтошка водил по нему пальцем — и всё в нем поворачивалось. И прилавок, и подводные деревья, и жители, — всё, что там было! Зеркало было таким послушным, делало точно, как хотелось Никтошке. Раздвигал он пальцы в стороны — всё приближалось, сдвигал вместе — удалялось. Поведет пальцем вбок — и всё двигается, куда Никтошка хочет.

На базаре было очень оживленно. Огромные сомы, груженные корзинами с продуктами, ждали своих хозяев, привязанные к стволам подводных деревьев. Зеленоволосые русалки с корзинами, сплетенными из водорослей, покупали товары. Спешил куда-то невиданный морской человечек с рыбьим хвостом и большой ракушкой на спине. На одном прилавке торговали тканями — сиреневый рак отрезал материю своей острой клешней. Другой прилавок был завален разными морскими продуктами: устрицами, мидиями. Рыбы всякого-разного размера, цвета и формы плавали между лотками. Некоторые в своих плавниках несли корзины, у других были рюкзачки. Встречались тут и морские жители — видимо, приплыли к кому-нибудь в гости из соленых вод. Никтошка увидел двух небольших осьминогов — мужа и жену, державших друг друга под щупальца. Муж выбирал в лотке справа себе галстук — он их уже держал в своих щупальцах штук шесть. Жена перебирала на соседнем прилавке цветной, почти прозрачный шифон.

Морской краб торговал селедкой. Через зеркальце было слышно, как он смешно зазывал плывущий мимо народ: «Эй, сэлодка салоный! Марынованный! Цэлный, прамо из бочки! Порэзанный на кусочки! Хочиш — свэжий, хочиш — консэравыровный! Разный-образный!» Наверное, там, откуда он приехал, по-другому разговаривали.

— Мне ваше озеро показалось таким маленьким, когда я падал сверху, — сказал Никтошка.

— О, это только снаружи, — сказала Дита. — Наша подводная страна огромная и тянется очень далеко, на много дней пути на сомах.

— Как же так получается?

— Это потому, что наша страна волшебная.

Никтошка двигал пальцем по зеркальцу, и зеркальце послушно вело его по базару все дальше и дальше. В перламутровом гроте, в стены которого были вкраплены разноцветные камушки, продавали всякие украшения. Жемчужные ожерелья, янтарные подвески, изумрудные серьги.

— Ой, Афра, кулон, как ты хотела! — воскликнула Дита. — С розовым кораллом!

— Правда? — подплыла Афра. — Покажите, я так давно искала.

Тут Никтошке пришла пора удивиться еще больше. Это было просто чудо техники какое-то! Знайке такое и не снилось! Афра просунула руку сквозь зеркальце и взяла кулон.

— Я посмотрю — и сейчас верну! — крикнула она в зеркальце.

— Пожалуйста-пожалуйста! — послышался оттуда голос морского конька-ювелира. — У нас много кораллов есть: и розовые, и красные, и белые. Прямо с коралловых рифов, что возле острова Фиджи!

Афра примерила украшение: золотой кулон с крупным кораллом в форме веточки.

— Ну как?

— По-моему, вам очень идет, — сказал Никтошка.

— Бери, — посоветовала Дита, — потом специально искать будешь — не найдешь.

— Беру! — крикнула Афра и передала в зеркальце золотую монету. — Сдачи не надо!

— О, благодарю вас, милая царевна, вы очень добры ко мне! — послышался голос конька.

— Можно мне? — сказала Дита. — Я там себе одни сережки присмотрела, янтарные.

Никтошка отдал ей зеркальце, и Дита стала мерить сережки, которые передавал ей конек. Он был такой маленький, что иногда и сам проплывал сквозь зеркальце, чтобы помочь Дите надеть сережки.

Глава девятая.

ВОЙНА

От всех этих чудес Никтошка почувствовал себя каким-то усталым. Слишком много всего на него навалилось за сегодняшний день. И полет на дирижабле, и ужасное падение, и сказочный подводный мир… ему захотелось куда-нибудь прилечь и отдохнуть. Никтошка заскучал по своему лесному гнездышку, где у него была такая удобная кроватка. Как же он все-таки попадет обратно на землю?

Тут его мысли прервал советник Раккарак, мрачно ковырявший вилкой в коралловом желе.

— Вот все мы тут веселимся, — промолвил он. — А положение очень тяжелое.

— Что вы имеете в виду? — спросил Никтошка.

— А то, что в любой момент может разразиться война, и всему этому веселью придет конец.

— Война? С кем?

— С нашими ужасными соседями. Соседнегорцами. Раньше они только бросали в нас бомбы, а месяц назад обстреляли ракетами.

— Ракетами? — поразился Никтошка.

В Цветограде ракеты использовались для фейерверка, который он видел только один раз, в прошлом году. Это было в день рожденья Знайки.

— Видите, у меня перевязана рука? Я поймал и перекусил ракету пополам, но при этом у меня треснула кость.

Раккарак показал Никтошке свою перевязанную клешню.

— Зачем же ваши соседи стреляют в вас ракетами? — спросил Никтошка. — Чего они от вас хотят?

— То-то и оно, что никто не знает, чего они хотят.

— А нельзя их об этом спросить?

— Мы их никогда не видели. Только их руки.

Афра с Дитой услыхали этот разговор и подплыли поближе.

— Ах, милый Раккарак, вы опять про эту войну! Зачем портить всем настроение, пока она не началась?

— Мы должны к ней готовиться, чтобы враги не застали нас врасплох.

— Знаешь, — сказала Дита Никтошке, — когда ты к нам упал, мы вначале подумали, что началась война. У нас ведь совсем недавно была война, вот буквально неделю назад закончилась.

— Но вы же никогда не видели их… этих…

— Соседнегорцев, — подсказал Раккарак.

— Да.

— Мы-то их не видели, но они в нас стреляют ракетами.

— А где живут эти ваши соседи?

— Они живут в соседней горе, поэтому и называются соседнегорцы.

Тут все услышали, что Раккарак, царевны и Зефир разговаривают про войну и с криками сбежались к ним.

— Противные соседнегорцы стреляют в нас бомбами, — запищала маленькая розовая рыбка, подплывшая к самому уху Никтошки.

— Не бомбами, а ра-ке-та-ми, — проквакала полосатая Полина.

— Нам приходится сидеть в бомбоубежище, — сказала Дита.

— В ракетоубежище, дорогая, — поправил ее Баркап.

— Но не всем приходится в нем сидеть, а только тем, кто живет возле Соседней горы.

— А к нам они не долетают.

— Зато у нас так весело было в эту войну! — воскликнула Дита.

— Да уж, у нас собрались все наши родственники с севера, — сказала Афра. — Тут была такая теснота! Проплыть негде!

— Да, так весело было! — стала рассказывать Дита. — Мы до поздней ночи играли с моими двоюродными братьями и троюродной сестрой, а еще с маленьким племянником — он недавно родился. Такой сладкий!

— А как же эти соседногорцы могут по вам стрелять? — спросил Никтошка.

— Не соседнОгорцы, а соседнЕгорцы, — поправила его Афра. — Северная часть нашей страны граничит с Соседнегорией. Край озера упирается в огромную, высокую скалу. Прямо из этой скалы вылетают бомбы и ракеты, которые взрываются у нас и производят ужасные разрушения.

— Бомбы падают сверху, со скалы, прямо в озеро!

— А ракеты вылетают из этой скалы прямо под водой и попадают к нам!

Маленькие рыбки столпились вокруг и грустно кивали.

— Ах, это такой ужас, — проквакала бледно-сиреневая лягушка, имени которой Никтошка не знал.

— А нельзя с этими вашими соседями как-нибудь договориться? — спросил Никтошка.

— У них очень злой царь — сказала Дита.

— Не царь, а диктатор, — поправила Афра.

— У них квалитарный режим, — добавила Полина.

— Не квалитарный, а тоталитарный, — сказала Афра.

— Они вообще какие-то непонятные существа, — сказал Баркап.

— К сожалению, мы их никогда не видели, — пояснил советник Раккарак.

Никтошка ничего не понимал. Откуда же они знают про диктатора этих злых соседнегорцев, если они их даже никогда не видели?

— Понимаете, эти странные существа не похожи ни на людей, ни на рыб, ни на змей, ни на лягушек, — объяснил научный советник Угряп. — Они живут в раскаленной лаве.

— В раскаленной лаве?

Никтошка читал про лаву в одной книжке. Там отважные путешественники спустились в жерло вулкана и попали глубоко под землю. Они хотели пройти к самому центру земли, но им помешала раскаленная лава. Ведь чем глубже опускаешься под землю, тем становится горячей, и наконец на большой глубине уже так горячо, что там даже камни расплавляются и становятся жидкими. Вот эти расплавленные камни и есть лава.

— Но как же эти существа могут жить в лаве? — удивился Никтошка.

— А вот так! Они в ней плавают. Они живут под землей, в раскаленной лаве. Лава для них — дом родной, как для нас наше озеро.

— Я слышала, что у них там целые города.

— Они совсем не такие, как мы. Кажется, они вообще железные.

— Нет, они не железные, а вообще жидкие.

— Ничего вы не знаете, они и железные, и жидкие. Они сделаны из жидкого железа.

— Это чистая правда. И поэтому они могут проходить сквозь любые стены.

— Только воду они боятся. Потому что, попав в воду, они сразу охладятся и застынут. А жить они могут только когда они жидкие. А если они застывают, то они умирают.

— Да, и на поверхность земли они не могут выходить, потому что для них там слишком холодно. Им нужно пятьсот градусов, а если хотя бы четыреста, то они уже дрожат от мороза.

— Вот когда вы к нам упали, мы и подумали сначала, что это снова Бадам Мадам сюда ракету запустил.

— А кто это — Бадам Мадам?

— А это их диктатор. Самый главный соседнегорец.

— Он расплавленный, раскаленный.

— Свирепый и ужасный.

— Отвратительный. Бр-рр-ррр!

— Когда вы упали, у нас так бабахнуло, и сразу же завыли сирены! Ах, это ужасно, как они воют. Вы когда-нибудь видели сирен?

— Нет, я о них только в сказках читал.

— Вам повезло, а то они бы вас обязательно съели. Они людьми питаются.

— Нас-то они не трогают, — квакнула Полина.

— А людей они привлекают своими прекрасными голосами, когда те мимо на кораблях плывут. Люди приближаются, тут сирены начинают ужасно визжать, люди пугаются…

— Ах, пожалуйста, прошу вас! — воскликнула Полина. — Не надо, я так боюсь!

— Это я про морских сирен рассказываю. А наши сирены, речные — хорошие. Они нас предупреждают, когда ракеты летят.

— Как только они ракету заметят — так сразу дико завоют!

— Я однажды спала, и на меня от страха шкаф упал, так они ужасно завыли!

— Расскажите Зефиру всё по порядку, — сказал царь. — А то из ваших криков ничего понять невозможно!

Все немного успокоились и расселись по местам. Дита налила всем еще по чашечке чая и каждому положила по пирожку с морской капустой и по крабовой палочке. Научный советник Угряп обвился вокруг теплой трубы самовара. В кончике хвоста он держал перламутровую чашку с чаем. Все замолчали, занятые пирожками. В подводном гроте стало так спокойно, что не верилось, что где-то могла быть какая-то война.

— Однажды соседнегорцы попытались проникнуть в нашу страну, — зашелестел Угряп.

— Да-да, было такое, очень давно, — перебила Полина.

— Но все они превратились в камни.

— Да, все они замерзли.

— Потому что у нас для них слишком холодно.

— Они шипели и превращались в застывшие камни. Эти камни и до сих пор остались у нас. Они находятся в подводном музее. Мы вам их потом покажем, уважаемый Зефир.

— Эти камни все ужасные!

— Поэтому мы и знаем, как выглядят соседнегорцы.

— Правда, только в замороженном виде.

Снова все начали кричать, тараторить, наперебой рассказывать Зефиру про ужасных соседнегорцев. У него опять зарябило в глазах и начала кружиться голова. Вода как будто заколебалась вокруг, и Никтошке показалось, что подводный грот со всеми его колоннами, скульптурами и картинами, стол с подводными угощениями, самовар, граммофон и все подводные обитатели как будто вдруг размылись и вот-вот пропадут. Никтошка зажмурил глаза.

— Тихо! — крикнула Дита. — Вы что не видите, что он устал?! Что вы все кричите хором, так что не даете ему ни секунды отдохнуть?

В эту самую минуту откуда-то издалека послышался какой-то гул. Никтошка почувствовал, как дно озера у него под ногами задрожало. Рыбки, сидевшие вокруг его тарелки на стульчиках, вскочили с них и расплылись в разные стороны.

— Боже, — прошептала маленькая полосатая лягушка. — Это они...

— Это они, — подтвердила Дита.

— Кто «они»? — спросил Никтошка, но ему не ответили.

Все были настолько перепуганы, что им было не до Никтошки.

Гул усилился. Розовая люстра под потолком затрясла своими лампочками-рыбками. На стенах закачались картины, а граммофон почему-то заиграл громче и быстрее. Рыба-стол накренилась, и все схватились друг за друга. По подводному гроту прошла волна. Она сбросила со стола несколько чашек и тарелок. Все закричали и повскакивали со стульев.

— Помогите! — кричала сиреневая лягушка.

— Спасайся, кто может! — кричал советник Баркап.

— Без паники! — крикнул военный советник Раккарак. — Будем отбиваться!

Дита схватила Никтошку за руку.

— Это соседнегорцы? — спросил Никтошка.

— Да! — ответила Дита. — Теперь они и сюда добрались. Они нас уничтожат.

— Не бойся! — крикнул Никтошка. — Мы будем с ними воевать и справимся, вот увидишь!

Дита заплакала и сказала:

— А я боюсь.

— Что нужно делать? — спросил Никтошка Раккарака.

— Сейчас они станут стрелять ракетами. Нужно не давать этим ракетам взрываться.

— А как?

— Как только увидишь ракету, спеши к ней и поворачивай ее задом наперед. Тогда она улетит к ним обратно.

— Понял! — сказал Никтошка. — Не беспокойтесь, можете на меня рассчитывать! Они нас не одолеют.

Тут снова задрожал пол, и Никтошка увидел, как в стене грота появилось яркое оранжевое отверстие, от которого кверху пошли пузыри.

— Внимание, ракета! — возвестил Раккарак.

Никтошка думал, что ракета вылетит со страшной скоростью — так вылетают ракеты, когда устраивают фейерверк. Но эта ракета вылезала из стены очень медленно. От нее во все стороны шли какие-то белые струи, а кверху всплывали пузыри.

— Еще одна! — взвизгнула Дита, дернув Никтошку за руку.

Никтошка повернул голову и увидел вторую дырку, в соседней стене. Появились еще две дырки. Ракеты проклевывались, словно цыплята сквозь яичную скорлупу.

— Как только она вылезет целиком, нужно схватить ее и повернуть задом наперед, — сказал Раккарак. — Тогда она улетит обратно.

Он был спокоен, и, глядя на него, Никтошка тоже не боялся.

— Не ходи туда, я боюсь! — сказала Дита, вцепившись ему в плечо.

— Я должен! — сказал Никтошка.

Он мягко убрал Дитины руки и поплыл к стене. Никтошка видел перед собой ярко светящийся оранжевый нос ракеты и белые струи воды, расходящиеся от него в стороны. Но странно: Никтошка почувствовал, что вода становится холоднее.

Вдруг сзади раздался громкий треск, словно разрывали какую-то прочную материю.

— Спасайтесь, соседнегорец! — закричал кто-то. — Мы окружены!

Никтошка повернул голову и увидел, что прямо из противоположной стены грота высунулась чья-то огромная рука. Размером она была, наверное, с царя Нептуна, и на ней было не пять, а только три пальца, которые шевелились и казалось, куда-то тянулись. Пальцы руки двигались очень медленно, словно улитки. Никтошка снова услышал противный треск, и неподалеку от первой руки из стены стала появляться другая, такая же гадкая. От обеих этих рук во все стороны шли мутные водяные струи и кверху поднимались пузыри.

«Они очень горячие, — подумал Никтошка. — Вода от них кипит».

Решив не обращать внимания на эти руки, Никтошка повернулся и поплыл к ракете. Странно, ему совсем не было страшно. «Вот они — приключения!» — мелькнуло в голове.

Ракета теперь вылезла из стены уже больше чем наполовину. Уже показался ее треугольный хвост. Никтошка подплыл к ней ближе. По какой-то непонятной причине тут было уже совсем холодно. Рядом с первой ракетой медленно, как черепахи, из стены лезли еще три. «Мы еще померимся силами с этими черепашьими руками и ракетами! — сказал сам себе Никтошка. — Подумаешь! Мы двигаемся в десять — нет, в сто раз быстрее их!» И он встал наготове прямо перед первой ракетой. Чтобы, как только она полностью вылезет, сразу же повернуть ее обратно, как сказал Раккарак.

В подводном гроте царил хаос. Рыба-стол убралась восвояси. Золотые чашки, тарелки и ложки попадали на пол, а пирожки с морской капустой, крабовые палочки, сладкие ракушки, хрустящие креветочные печеньки, — всё это плавало по гроту, мешая всем и норовя попасть в рот. Повсюду плавало разлившееся коралловое желе, которое лезло в глаза, и Никтошка едва не задохнулся, когда нечаянно втянул его носом. Граммофон, словно решив подбодрить растерянных обитателей озерного дна, громко играл какой-то военный марш. Мелкие рыбки стайками проносились то в одну, то в другую сторону. По полу бегали речные крабы и скакали лягушки. В клешнях и лапках они тащили какие-то странные, изогнутые орудия, которыми, по-видимому, собирались воевать с соседнегорцами. Всеми руководил Раккарак, громко отдавая приказы, и его помощник, краб-отшельник Нозрег. Откуда-то набежало несколько десятков раков, таких же красных, как военный советник. Они выстроились перед противоположной стеной грота, чтобы впиваться своими клешнями в отвратительные трехпалые руки врагов. Царя, экономического советника Баркапа и научного советника Угряпа нигде не было видно. Афра с лягушкой Полиной в ужасе застыли посреди грота — подальше от ракет с одной стороны и противных рук с другой. Дита, сидя на коленках в рыбе-кресле, что-то нервно искала в волшебном зеркальце.

Ракеты вылезали из стены очень медленно. Никтошка все никак не мог дождаться, пока первая из них окажется наконец полностью в воде, чтобы перевернуть ее и засунуть обратно. Вода вокруг стала настолько холодной, что Никтошка весь дрожал. Ведь эти соседнегорцы должны быть горячие, раскаленные!.. «Что-то тут не то», — думал Никтошка, но никак не мог понять, в чем же дело. Чтобы не замерзнуть, он изо всех сил пытался топать ногами и дрыгать руками, словно делал зарядку. Так он думал хоть как-то согреться, но в воде это очень слабо помогает.

Никтошка оглянулся, чтобы посмотреть, что происходит за его спиной, и увидел, что весь грот заволокло каким-то белым туманом. Вода становилась все менее и менее прозрачной. То тут, то там в ней образовывались маленькие льдинки, которые всплывали кверху. Стена возле ракет уже была покрыта толстым слоем льда, и из нее, словно щетина, росли сосульки. Ракеты лезли все медленнее. Никтошке стало казаться, что они вообще остановились.

— Афра, Дита! — закричал он, но ему никто не ответил. — Советник Раккарак! Где вы? — крикнул он.

Никакого ответа. Только по всей воде стоит глухой гул, а издалека доносится ужасный треск разрываемой материи. Никтошка почувствовал, что если он останется здесь еще на минуту, он просто умрет от холода. «Нужно всплывать на поверхность», — решил он. Никтошка хотел поднять ногу, но почувствовал, что она примерзла ко дну озера. «Ничего не понимаю, — сказал он сам себе. — Эти, как их там… — от холода забыл, как они называются. — Ведь они очень горячие, они живут в лаве, где температура пятьсот градусов. А тут — всё наоборот выходит!»

Наконец ракета полностью вылезла из стены, и Никтошка подхватил ее. Какая же она была ледяная! Никтошкины руки моментально примерзли к ее твердому боку. Послышался страшный треск, и Никтошка увидел, что вся вода в гроте превращается в лед. Она снова стала прозрачной. Весь грот превратился в один огромный кусок льда. Никтошка видел, как зеленоволосые сестры-русалки беспомощно застряли в этом льде, но ничем не мог им помочь. Лед накрепко сковал Никтошкины руки и ноги и подступил к его лицу. От ужаса Никтошка крепко зажмурил глаза и… проснулся.

Глава десятая.

О ТОМ, КАК НИКТОШКА СНОВА СПУСТИЛСЯ С НЕБЕС НА ЗЕМЛЮ

Никтошка лежал в своем мешке на дне гондолы, обняв Разинину подушку. Он осторожно приоткрыл глаза и увидел перед собой грязные ботинки Пустомели и рядом — дыру в березовом борту гондолы, через которую виднелось голубое небо. Значит, это был только сон...

Боже, как у него затекло все тело! Руки и ноги болели от того, что он, наверное, уже часа три лежал совершенно без движения, а вовсе не потому, что их сковал лед. Никтошке очень хотелось пошевелиться, но тогда его могли бы заметить, и он решил еще потерпеть. Видимо, дирижабль поднялся уже совсем высоко, потому что холод стоял невыносимый. Никтошка так замерз и у него так затекли ноги и руки, что ему и правда казалось, будто он превратился в кусок льда. Он был таким слабым, так заледенел — ему сейчас хотелось только одного: снова уснуть. Никтошка опять закрыл глаза и начал уже засыпать. Сквозь сон он услышал разговор людишек над своей головой:

— Почему это мы вниз полетели? — спросил кто-то.

— Воздух в дирижабле остыл, — ответил голос Знайки.

— Значит, мы теперь опустимся на землю?

— А для чего же мешки с песком? Надо выбросить мешок, тогда дирижабль станет легче и снова полетит вверх. «Какой мешок?» — только и успел подумать дрожащий от холода Никтошка, как уже очутился за бортом.

Торопыга все делал быстро — он схватил мешок и выкинул его. А Никтошка даже не успел крикнуть, чтобы его не выбрасывали. Людишки ничего не заметили. Они ведь не знали, что в мешке вместо песка — Никтошка. Знайка только сказал Торопыге, чтобы тот в следующий раз не выбрасывал целый мешок, а только высыпал из него песок за борт. А то такой мешок может упасть кому-нибудь на голову и убить его.

«Опять меня не заметили», — только и успел подумать Никтошка. И почувствовал, что у него всё как будто оборвалось внутри. Он кувыркался в воздухе. Перед глазами мелькали то белые облака внизу, то голубое небо вверху с маленькой точечкой дирижабля, уносящегося все дальше и дальше. Мешок спал с Никтошки и улетел, подхваченный ветром, а Никтошка продолжал стремительно падать, сжимая обеими руками подушку Разини.

От ускорения его тошнило, но скоро ускорение кончилось, и Никтошка влетел в молочно-белый туман. «Я в облаке», — подумал он точно так же, как подумал тогда, когда падал во сне. Но он вспомнил, что тогда ему было совсем не страшно. А вот теперь почему-то было *еще как* страшно. Если только читатель представит себе, хоть на одну минуту, как это ужасно — оказаться одному, высоко над

землей! Не на самолете и не на вертолете, и не на горе или крыше высокого дома. А совершенно без ничего, в полном одиночестве, не считая, конечно, подушки.

Никтошка даже закричал от страха, но на ледяном ветру его горло настолько простыло, что из него вырвался только слабый хрип. Никтошка продолжал переворачиваться через голову. Ему не хотелось выпускать из рук Разинину подушку, но чтобы перестать вращаться, нужно было вытянуться и грести руками, как в воде. Никтошка кувыркался в облаке, и от постоянного вращения он совсем потерял ориентацию и не знал, где земля, где небо. Ледяной ветер пробрал его до самых костей. Тут, за бортом, было намного холодней, чем в гондоле дирижабля.

«Неужели всё это был сон?» — летел и думал Никтошка. Не может быть! Он так отчетливо видел перед собой лицо Диты! «А может быть, это я уснул под водой, в подводном царстве и мне снится сон, как я снова упал с дирижабля? Ведь часто так бывает, что видишь во сне то, что с тобой недавно было, особенно если это тебя сильно напугало».

«Ну, если так, то это плохой сон, — сказал сам себе Никтошка. — Я не хочу его. Я хочу проснуться!» Тут он вспомнил верное средство узнать, во сне ты или нет. Нужно сильно ущипнуть себя за нос. И тогда сразу всё поймешь. Никтошка изловчился и, не выпуская подушки, изо всех сил ущипнул себя правой рукой за кончик носа. И не просто ущипнул, а прямо-таки впился в него ногтями. А ногти у Никтошки отросли длинные — он как раз позавчера собирался их постричь да забыл.

Как же это оказалось больно-то! «Значит, не сон», — сразу же всё понял Никтошка. Тут он вылетел из облака и увидел, что там, где ему казалось, что это верх, на самом деле был низ, и в этом низу раскинулась огромная разноцветная земля. Никтошка продолжал вращаться, правда, медленнее. До земли было еще далеко. «Она все-таки сверху красивая, — подумал Никтошка. — И совсем не такая, как была во сне». Хотя теперь он уже не мог вспомнить, какая она была, потому что сон вдруг стал забываться.

Наяву земля оказалась похожей на лоскутное одеяло. Больше всего было зеленых лоскутков — это росли леса. Темно-зеленый хвойный лес и более светлый — лиственный. В одну сторону лесá тянулись сколько хватал глаз. В другую — за полукруглым пятном соснового бора начиналось желтое пшеничное поле. За этот желтый лоскуток цеплялся длинный бежевый — наверное, это была вспаханная земля. К бежевому прилипли розовый, белый и красный — это были луга, где цвели розовый клевер, белая кашка и красные маки. Между всеми этими лоскутками и заплатками тянулась извилистая лента Кабачковой реки. Только голубая ленточка эта была не прямо внизу, а где-то далеко сбоку. Но главное — никакого озера под ногами не было! А были одни только темно- и светло-зеленые полосы хвойного и лиственного леса.

«Ну всё, крышка мне!» — решил Никтошка. Странно, в этот момент ему почему-то уже опять не было страшно. Он так устал от всех этих снов — не снов. Его тошнило, кружилась голова, он дрожал от холода. Болел нос, а пальцы, державшие подушку, совсем окоченели. Никтошке не хотелось бросать ее, с ней ему было как-то мягче. И тут он заметил, что из подушки вылетают пушинки. Он присмотрелся и понял, что это маленькие одуванчиковые семена-парашютики. Никтошка пощупал подушку и

почувствовал, что у нее внутри есть что-то твердое и круглое. «Интересно, что это Разиня по рассеянности запихнул в свою подушку?» — подумалось ему. И он вспомнил запах одуванчиков, которым она пахла во сне. И в это мгновение Никтошку осенило, что никакая это не подушка, а Разинин парашют. «Конечно! — хотел он громко крикнуть, но вместо этого тихо прохрипел. — Откуда у Разини на дирижабле подушка?!»

Никтошка увидел, что земля внизу уже совсем близко. Белая и красная заплатки отодвинулись куда-то вдаль, а розовая и светло-зеленая превратились в клеверовое поле и березовый лес. Парашют хорош, если им вовремя воспользоваться. Никтошка вспомнил: еще на земле, лежа в мешке, он слышал, что Знайка объясняет, как пользоваться парашютом. Никтошка помнил только, что надо дернуть за кольцо. Зеленый лес разбежался далеко в стороны и летел навстречу со страшной скоростью. Никтошка сунул руку в парашют, схватился за кольцо и изо всех сил потянул его. Он уже различал под собой белые стволы берез, когда вдруг что-то сильно дернуло его кверху так, что Никтошка едва не отпустил руки. Но все-таки удержался — онемевшие от холода пальцы вцепились в какие-то ремни мертвой хваткой. Никтошка поднял голову и увидел над собой огромный белый купол раскрывшегося парашюта.

Остальные людишки тем временем летели дальше, даже и не подозревая о печальной участи своего такого незаметного товарища. К вечеру дирижабль приземлился в Шоколадгороде. За весь полет о Никтошке так никто и не вспомнил. Только через несколько дней, гуляя по Шоколадгороду и любуясь его красотами, повар Кастрюля спросил Пустомелю, почему Никтошка не полетел с ними.

— Да не захотел он, — сказал Пустомеля. — Он только живет с нами в одном доме, а сам все время отдельно от нас. И нечего ему было с нами лететь.

— Все-таки нехорошо как-то, — сказал Кастрюля. — Нужно было ему про дирижабль сказать.

— Да я ему и сказал. Я его в поле встретил. Все трудятся, собирают одуванчиковый пух, а этот знай себе бездельничает. Книжки читает у себя в лесу где-то.

Глава одиннадцатая.

НА ЗЕМЛЕ

Никтошка сидел на пенечке под березой, на которой безжизненно повис застрявший в ветвях парашют. Было жарко и душно, и воздух был абсолютно неподвижным. Солнце уже садилось, между оранжевыми от заката березами протянулись длинные тени. Никтошка любил это время суток, ему нравился оранжевый цвет. Он лежал на пеньке и курил свою трубочку, которую, выходя утром из дома, сунул в карман. Странно — хотя он только что чудом избежал верной смерти, Никтошка чувствовал себя абсолютно спокойным. Словно он не упал десять минут назад с высоты трех тысяч метров, а пришел в этот лес, чтобы в тишине посидеть на пенечке, покурить и полюбоваться на заходящее солнце. Только пальцы у Никтошки почему-то дрожали, так что пару раз он едва не выронил свою трубку.

Вечер был жарким и душным, и хотя Никтошка продрог, пока падал с дирижабля, здесь, на земле, он быстро согрелся. Никтошка был очень голоден, ведь он ничего не ел с самого утра, а теперь был уже почти вечер! Странно, что еще не начала болеть голова, но Никтошка ожидал этого с минуты на минуту. А ведь он столько всего съел во сне — пока гостил под водой у царя и его дочерей.

— Ну, вот тебе и доказательство, что это был самый настоящий сон, — сказал Никтошка своему мысленному другу Вилке. — Иначе мы не были бы такие голодные.

Дым от Никтошкиной трубки поднимался прямо вверх. Пахло березовой корой и лесными травами. Вокруг вилось полно мошкары, а значит, и завтрашний день будет таким же жарким. «Это хорошо», — подумал Никтошка и поежился, вспомнив ледяной ветер, который так пробрал его во время падения. Никтошка стал припоминать, что произошло с ним сегодня. Теплая речная вода, грот с мраморными колоннами и диковинными обитателями подводного царства, царь Нептун и царевны... Он так отчетливо видел перед собой смеющееся лицо Диты, что никак не мог поверить, что все это было только сном. Ему казалось, что ее смех все еще стоит у него в ушах.

На Никтошку вдруг напала тоска. Она щемила его сердце. Ему захотелось вскочить и куда-то бежать. Никтошка слез со своего пенька, беспомощно огляделся по сторонам. Вокруг ни души — он был один. Только пронзительно щебетали птицы, а в конце июня они особенно нервные, потому что очень мало спят. Ведь птицы могут спать только когда на улице темно, а в июне, как известно, ночи такие короткие, что темнеет всего часа на три, не больше.

— Боже мой, боже мой! — громко произнес Никтошка, схватившись за голову, и слезы навернулись ему на глаза. — Неужели всё это было сном?! Всё — подводное царство Нептуна, его прекрасные дочки Афра и Дита, военный советник Раккарак…

Он так отчетливо помнил, как они с Дитой танцевали вальс, как играл граммофон, как выпускал огромные пузыри дыма самовар и как рыбки сидели на своих маленьких стульчиках вокруг его тарелки и слушали Никтошкин рассказ про жизнь на земле и про дирижабль...

Никтошка почувствовал себя таким одиноким! Вокруг него простирался огромный лес. «Он, наверное, тянется на многие километры, — думал Никтошка, — и во всем этом лесу не встретишь ни души». Слезы лились и лились у него из глаз. Но тут справа послышался шорох, и из-под вороха прошлогодних листьев выглянула удивленная мордочка лесной мыши. Мышь для Никтошки была словно для нас целый кабан, но он не боялся мышей. Он привык их встречать в лесу возле Цветограда. Но эта мышь, видимо, никогда раньше не видела людишек. Она боялась приблизиться к Никтошке и долго его удивленно разглядывала. Наконец она поняла, что Никтошка не представляет опасности, и вышла из своего укрытия. Подойдя ближе, мышка стала обнюхивать его штаны и ботинки, словно учуяла запах чего-то вкусного.

— Привет, — сказал Никтошка и улыбнулся сквозь слезы. — Меня зовут Никтошка, а ты кто?

Но мышь только водила носом вправо-влево и продолжала обнюхивать это странное для нее существо.

— Не понимаешь, — грустно сказал Никтошка и похлопал мышь по мягкой, меховой спине.

Поняв, что у него нет никакой еды, мышь побежала дальше, шурша прошлогодними листьями. «Надо ложиться спать», — решил Никтошка. Подводное царство приснилось ему во сне. И теперь пора спать. Может быть, этот сон снова придет к нему ночью.

Но Никтошке ничего не приснилось. Стоило ему закрыть глаза, как он тут же провалился во что-то черное, где совсем ничего нет. Словно исчез. А когда открыл глаза, был уже день и вокруг звонко щебетали невыспавшиеся, нервные птицы. Впрочем, теперь они не показались Никтошке такими уж нервными. Кажется, прошла всего одна минута. Но когда он закрывал глаза, у него было плохое настроение и тоскливо на душе, а когда открыл — настроение стало прекрасное и на душе весело. Словно доктор Таблеткин сделал ему один из своих чудодейственных уколов.

Глава двенадцатая.

ВСПОМНИЛИ

Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как Никтошка упал с дирижабля. Никто, кроме него, правда, так об этом и не узнал. Когда людишки возвратились из путешествия в Шоколадгород, они не заметили исчезновения Никтошки. Вот уж до чего незаметный он был людишка — даже незаметнее Молчалина. Хотя Молчалин, кстати сказать, был не такой уж и незаметный. Правда, он все время молчал. Но зато был ростом на целую голову выше других людишек, и почему-то всегда так получалось, что все на него натыкались. Особенно, когда куда-нибудь спешили. Если доктор Таблеткин торопился к больному и бегал по дому, разыскивая какое-нибудь лекарство, он почему-то постоянно врезался в стоящего где-нибудь Молчалина.

— И что ты все стоишь на дороге? — в сердцах спрашивал его доктор Таблеткин. — Не можешь себе другого места найти, чтобы стоять?

Молчалин молча кивал головой и переходил на другое место, где вскоре Таблеткин снова натыкался на него.

— Наказание с тобой одно! — восклицал Таблеткин. — Ну вот, из-за тебя я уже и забыл, что ищу. Валидол? Корвалол? Ну, что ты стоишь, помоги вспомнить хоть!

Молчалин напрягал память, пытаясь вспомнить, что искал Таблеткин. Тот всегда искал «вслух». Таблеткин вообще все любил делать «вслух» — то есть, делал что-нибудь и приговаривал: «Вот сейчас тебе укольчик поставим», или: «Так-с, намажем нарывчик йодиком, чтобы не загангренилось...»

Молчалин молча шевелил губами, стараясь припомнить сложные названия лекарств, которые повторял Таблеткин, но это ему оказывалось не под силу.

— Ну, не можешь вспомнить — так иди отсюда куда-нибудь подальше, не мешайся на дороге! — кричал Таблеткин.

А за окном слесарь Напильник уже включил сирену на своем автомобиле, чтобы ехать по вызову.

— Вспомнил! — закричал Таблеткин, — я искал слабительное! Или нет, кажется, наоборот, крепительное — то есть, средство против поноса.

— Что ты так мучаешься, Таблеткин? — крикнул ему музыкант Рояль, пытаясь перекричать сирену. — Бери оба лекарства, не прогадаешь!

Ну так вот, на Молчалина, по крайней мере, обращали внимание, когда врезались в него на бегу, потому что он был очень большой. А Никтошку вообще никто никогда не замечал. Вот людишки, вернувшись из путешествия, и не заметили его. То есть, не заметили, что его нет. Потому что никто не помнил, что он вообще есть. Только осенью, когда нужно было всем делать прививки от птичьего

гриппа, который, по слухам, появился в их местности, доктор Таблеткин вдруг обнаружил, что не хватает одного людишки.

Он приготовил всего шестнадцать прививок. После долгих мучений и охоты за людишками, которые не понимали, насколько это важно — получить прививку, Таблеткин все же переловил всех и каждому воткнул шприц, куда следует. Особенно тяжело Таблеткину пришлось вначале, потому что никто ему не помогал, а все только бегали от него. Но те, кто уже получили укол, охотно помогали ловить тех, кого еще не привили. Ведь обидно все-таки — тебе-то укол сделали, а ему-то нет! Таким образом, когда остался один Пустомеля, за ним уже охотился весь дом, и — ничего не поделаешь — пришлось ему сдаться. И тут, когда уже и Пустомеля был наконец пойман и получил прививку, оказалось, что остался один лишний шприц.

«Неужели я кого-то пропустил?» — вслух спросил сам себя Таблеткин, и каждый стал говорить, что не его. Вначале Таблеткин подозревал Мальберта и Конкретика. Особенно Мальберта, который, вообще-то, был очень честным людишкой, но при виде шприца у него совершенно менялся характер, и он превращался в отчаянного вруна. А Конкретик заползал под кровати и другую мебель. Но сейчас оба так божились, что Таблеткин наконец поверил. В подтверждение своих слов каждый продемонстрировал доктору место укола. Стало ясно, что они говорят правду. Тогда Таблеткин приказал всем построиться по росту и вначале рассчитаться по порядку, а потом всем показать свое место укола. И тут выяснилось, что одного людишки не хватает. На четырнадцать мест укола пришлось пятнадцать шприцов.

А надо сказать, что в Цветограде в то время еще не было ЖЭКов, и никто не записывал, по какому адресу какой людишка живет. Малянцы только знали, что их должно быть шестнадцать — и всё. Все стали вспоминать, кого же не хватает. Вроде все, кто тут был, возвратились из Шоколадгорода, никого лишнего там не было.

— Вспомнил! — закричал Пустомеля и стукнул себя по лбу. — Этого не хватает, как его! Незаметного такого, который все время в шарфике ходит и с книжками сидит. Он еще в лесу ночует, а если не ночует, то припирается в двенадцать ночи.

— Точно! — проворчал Угрюм, который теперь уже опять был угрюмым.

Когда-то давно Угрюм сломал ногу и целый месяц пролежал в больнице. Стены больничной палаты были белые, а из окошка видно было только серую дверь сарая во дворе, а больше ничего. Когда Угрюм выздоровел и вышел оттуда, он увидел такую прекрасную зеленую травку и такое чистое голубое небо — а с погодой в тот день как раз повезло, — что он поклялся никогда больше не быть угрюмым. Но оказалось, что эту клятву не так-то просто сдержать. Со временем Угрюм снова начал угрюмничать и скоро стал выглядеть даже более угрюмым, чем прежде. «Дело тут, наверное, в его имени, — подумал как-то раз умный Знайка, когда заметил, что Угрюм снова угрюмый. — Надо было ему тогда имя сменить». Но вслух Знайка ничего не сказал, потому что он был очень воспитанный и не хотел обидеть Угрюма.

— Только я тоже не помню, как его зовут, — сказал Угрюм.

— Никтошка! — вспомнил Пустомеля. — Точно, как же это я позабыл, ведь я даже стихи про него сочинил. Хотите, прочитаю?

— Не время сейчас, Пустомеля, твои стихи слушать, — сказал доктор Таблеткин. — Да к тому же все мы знаем, что у тебя за стихи. Ты одни дразнилки всегда сочиняешь.

— Не хотите — не надо, — обиделся Пустомеля.

— Но ведь Никтошки не было с нами на дирижабле? — сказал Знайка.

— Нет, не было, не было, — подтвердили все.

— Выходит, мы его забыли позвать? — сказал музыкант Рояль.

— Хороши же мы все, нечего сказать, — сказал Напильник.

— Кажется, его не было тогда, когда Знайка всех собрал и объявил, что он дирижабль придумал.

— Точно, не было его!

— Он же часто вообще дома не ночует. Видно, тогда как раз в лесу ночевал.

— А до полета кто его последним видел?

— Да *я* его и видел, — отозвался Пустомеля. — Я его в поле встретил, когда одуванчиковый пух сдувал. То есть, тьфу, не сдувал, а собирал. Для парашютов.

— Ну, так ты ему про дирижабль сказал?

— Да сказал я, сказал.

— Ну и что?

— А он не захотел. Обиделся — и убежал куда-то в ромашковое поле.

— Обиделся, значит? — сказал Напильник. — Ну, ты, Пустомеля, известный мастер обижать.

— Что ты ему сказал? — спросил Таблеткин. — Говори!

— Ну... — замялся Пустомеля. — Я ему сказал... сказал, что он бездельник, потому что не собирает пух. Так ведь это правда! Все работают, Напильник с Молотком насос делают, другие людишки парашюты готовят, а этот...

— Так ведь он и не знал, что мы на дирижабле летим! — оборвал его Мальберт. — Эх, ты! Ни за что людишку обидел, вот он и ушел от нас, куда глаза глядят.

— Наверно, он совсем потерялся, — вздохнул охотник Патрон.

— Может, заблудился в лесу.

— Или в реке утонул...

Людишки пошли всех расспрашивать, не видел ли кто из соседей малянца по имени Никтошка, в синем шарфике. А Пустомеле стало так стыдно, что он оббегал чуть ли не весь Цветоград, но нигде ему ничего не могли сказать, потому что с Никтошкой никто знаком не был.

Глава двенадцатая с половиной.

В ЛЕСАХ

А Никтошка вот уже несколько месяцев бродил по лесам. Людишки улетали на дирижабле весной, а теперь стояла осень. Никтошка так загорел, что его было не узнать. Питался он земляникой и малиной, которые в изобилии росли в окрестных лесах, и еще грибами. Целый гриб спилить складным ножичком Никтошке было не под силу, но он вырезал из грибов кусочки, накалывал их на веточку и поджаривал на костре. Никтошка научился выкапывать из земли маленькие корнеплоды, похожие на морковку, но по вкусу напоминающие батат. Их Никтошка тоже жарил на огне, и они становились мягкие и сладкие.

Дни стояли жаркие, так что шарф он затолкал в рукав своей джинсовой курточки, а ее нес на плече. Иногда вечером становилось прохладно, и тогда Никтошка грелся у костра. А потом тушил его, расстилал куртку на теплой золе и ложился спать, укрывшись шарфиком. Какому-нибудь другому людишке, наверно, было бы страшно ночевать вот так, одному, да еще и под открытым небом. Но Никтошка давно уже привык к лесу — ведь и в Цветограде он нередко оставался там на ночь. Пугающее уханье совы, противное тявканье лисицы, шебуршание ежей в прошлогодней листве и даже предутренний плачь выпи, наводящий тоску на путника, которому случайно пришлось заночевать в лесу, — все эти звуки только убаюкивали Никтошку. Разве что дождик мог его разбудить. Когда на лицо падали первые капли (а ведь для людишки каждая капля — как для нас целая чашка воды), Никтошка просыпался, заползал под какой-нибудь лопух или укрывался кленовым листом, и снова засыпал.

Днем Никтошка совершал большие переходы. Шел все время на юг. Дирижабль-то унес его на север, вот он и возвращался обратно, на юг. Компаса у Никтошки не было, но он легко находил направление по разным приметам, которых полно в лесу. Например, мох на деревьях всегда растет с северной стороны, потому что мох любит сырость и не любит солнце, вот и прячется от него. А еще — если дерево стоит на поляне, то больше всего у него веток с южной стороны, потому что там больше света, и дерево тянется к нему. Наступала осень, и караваны птиц уже направлялись к югу — так Никтошка смог проверить, что не ошибся в выборе направления: по птицам. Но хоть Никтошка и слышал Знайкины слова, когда тот сказал, что дирижабль летит на север, а возвращаться нужно будет на юг, а все-таки непонятно было — туда он идет, куда надо, или нет. Не так-то просто отыскать среди лесов и полей небольшой городок людишек.

— Может, я его давно уже пропустил, как ты думаешь, Вилка? — спрашивал Никтошка своего мысленного друга, когда они вечером, поужинав, закуривали трубочку и глядели на звезды.

Осень выдалась в этом году на редкость теплая, дни стояли солнечные, ночи — ясные и звездные. В лесу, на полянке, фонарей нет и звезды очень яркие. А если луна светит — то разве что читать нельзя, но в лесу каждую веточку видно.

— Слушай, Вилка. Хоть мы и идем в правильном направлении, а все-таки, может, мы Цветоград стороной прошли? — спрашивал Никтошка Вилку.

— Вполне возможно, — отвечал Вилка. — И тогда город остался где-то сбоку, а мы теперь все удаляемся и удаляемся от него.

Пару раз на пути встречалась река, и приходилось переплывать ее. Никтошка раздевался, завязывал в узелок трубку, спички и маленькую книжку сказок, которую успел прихватить с собой из дома. Он плыл на другой берег, держа узелок над водой. Можно было, конечно, из веток попытаться построить плот и плыть по реке, но река эта не текла на север, а текла куда-то на восток. Никтошка не знал, Кабачковая это река или какая-нибудь другая. Если бы это была Кабачковая река, и то не ясно — понесет она его к Цветограду или от него. А если это не Кабачковая река, то она может впадать в Кабачковую реку, а может и не впадать в нее. Если впадает, то, опять-таки, неизвестно: впадает до Цветограда или после. Если до — тогда всё нормально. Но вдруг после? Ну, а если это не Кабачковая река и она не впадает в Кабачковую реку или в какую-нибудь другую реку, которая впадает в Кабачковую реку, причем, до Цветограда, — то тогда по ней вообще можно заплыть невесть куда.

К северу от Цветограда полно лесов. Никтошка шел и шел по ним. Сосновый бор сменялся березовой рощей, березовая роща переходила в дубраву, а дубрава постепенно становилась смешанным лесом. В смешанном лесу березы встречались все чаще и чаще, пока Никтошка вдруг не замечал, что идет уже среди одних берез. «Опять березовая роща», — говорил сам себе Никтошка. Так он путешествовал много дней. Казалось, лесам не будет конца.

Один раз Никтошка проснулся утром после того, как ему всю ночь снился Цветоград. Он бродил по улицам и всё хотел найти свой дом на улице Незабудок, но никак не мог. Дело в том, что в его сне в Цветограде не было улицы Незабудок. Он шел по какой-то незнакомой улице, и ему показалось, что за поворотом начинается другая улица, знакомая, с которой пересекается улица Незабудок. Но когда Никтошка подошел к повороту, выяснилось, что поворота на самом деле нет и что никакая знакомая улица, которая пересекается с улицей Незабудок, там не начинается.

Людишки, попадавшиеся Никтошке на пути в его сне, были тоже все незнакомые, и Никтошке как-то неловко было обратиться к ним и спросить, как пройти. «Да я уж отсюда и сам знаю», — каждый раз говорил сам себе Никтошка, когда уже совсем было решался к кому-нибудь обратиться. Но почему-то оказывалось, что он все-таки не знает. Наконец Никтошка забрел в какой-то глухой район, и прохожие перестали попадаться. Но зато это место уже совсем было похоже на соседний с улицей Незабудок переулок Хризантем. Было темно, фонари почему-то не горели. Переулок Хризантем

выходит своим узким концом на улицу Незабудок. Никтошка повернул на свою улицу, и вдруг сразу наступил день. От яркого света стало больно глазам. Никтошка проснулся.

Оказывается, вечером он дошел наконец до того места, где лес кончается, и лег спать под небольшой березой у самой опушки. Было темно, и Никтошке не было видно поля. Но сейчас он проснулся, а над головой у него было яркое голубое небо, которое тянулось далеко — к самому горизонту. Никтошка вскочил на ноги и выбежал поскорее из леса.

Глава тринадцатая.

ВРУША И ПРАВДЮША

В поле, неподалеку от Цветограда, жили два брата-близнеца Вруша и Правдюша. Они были фермерами. Хозяйство их состояло из пяти коров и всего, что необходимо для того, чтобы этих коров кормить, доить и отправлять их молоко в Цветоград.

В окрестностях Цветограда Вруша и Правдюша были единственными фермерами, которые держали крупный рогатый скот. Мелкие рогатые фермы были и другие, но крупная рогатая — только одна. Кроме этих пяти коров никаких других коров там и в помине не было. Был еще, правда, один приходящий бык, который приходил неизвестно откуда и уходил неизвестно куда. Но бык не в счет. Братья снабжали молоком, простоквашей, творогом, сыром, йогуртами и другими молочными продуктами всё население Цветограда и даже экспортировали часть своей продукции в Солнцеград и в Шоколадгород.

Читатель может удивиться — как это пять коров способны дать столько молока, чтобы хватило на целый город, да и еще лишнее осталось? Но не стоит забывать, что людишки-то совсем крошечные, ростом с небольшой огурец. А коровы — самые что ни на есть настоящие, два с половиной метра в длину и полтора в высоту. Корова для людишки была все равно, что для нас динозавр из породы тираннозавр-рекс. Или нет, рексы, как известно, были хищниками. Лучше бронтозавр, который, как и корова, питался травой. Только представьте себе, что бронтозавры могли бы давать молоко! Тогда пяти таких зверюшек хватило бы на среднюю столицу, вроде Киева или Рима, а десяток мог бы легко прокормить Москву, Лондон или даже Токио, жители которого, как известно, так любят молоко, что просто помешаны на нем. Но, к сожалению, динозавры давать молоко не умели. Эволюция изобрела молочные продукты намного позже, когда появились млекопитающие — типа коров. Но зато динозавры несли яйца. Пары яиц динозавра хватило бы на такую яичницу, которой наелась бы до отвала тысяча человек!

Но я отвлекся, а собирался рассказать о братьях-близнецах Врушe и Правдюше. Жили они в деревянном доме посреди огромного поля, в котором пасли пять своих коров. Пасли они их по очереди: день Врушa пасет, день — Правдюша. Братья были похожи друг на друга как две капли воды. Никто их различить не мог. Даже бригада людишек из Солнцеграда, проработавшая на ферме целый месяц. Эти строители сооружали молокопровод, доставляющий молоко по трубам в город. Да-да, прямо в центр города, где на улицах сделали краники и каждый желающий мог попить парного молочка. Приходилось, правда, добавлять в него специальное химическое вещество, чтобы не скисало по дороге. Доктор Таблеткин, посоветовавшись с ученым Знайкой, даже написал статью в газете, в которой объяснял, как это вещество полезно для желудка. Впрочем, те, кто хотели пить молоко без добавок, могли приехать на машине прямо в поле, на ферму братьев, и получить у них сколько угодно свежего молока, сыра, йогуртов и всего остального, что из молока делают.

Так вот, братья-близнецы были так похожи друг на друга, что различить их было совершенно невозможно. Ни один людишка не мог с уверенностью сказать, кого из братьев он сейчас видит перед

собой. А если видит обоих, то кто из них кто. Только коровы их отличали — и как им только это удавалось?

Словно нарочно, братья одевались абсолютно одинаково. Оба носили темно-синие брюки-клёш, полосатые тельняшки и шапки-бескозырки. Так одеваются матросы на кораблях, но для фермера, согласитесь, подобный костюм весьма странен. Но эти близнецы вообще были слегка со странностями. Например, несмотря на то что они были фермерами и жили вдали от всех, братья много читали. Каждый раз, когда кто-нибудь ездил по делам в Цветоград, он отвозил в библиотеку уже прочитанные книги и привозил новые. Больше всего им нравились приключения и особенно — морские. Поэтому, наверно, они и одевались, как моряки. Хотя мóря они ни разу не видели. От Цветограда до него было далеко! Но если появлялась новая книжка про мореплавателей или про разные кораблекрушения, или про пиратов, — братья засаживались за нее вместе и читали, упершись друг в друга своими огромными лбами, пока всю до конца не прочитывали. Так и сидели голодные до вечера, а когда дом сотрясался от грозного мычания недоеных коров — даже бровью не вели.

Близнецы во всем были одинаковые. Оба носили одинаковые рыжие бородки, делали всё одинаково — одинаково доили коров, одинаково играли на дудочках, которые вырезали из тоненьких тростинок, растущих вдоль берега Кабачковой реки.

Братья отличались только одним. Правдюша всегда говорил правду. Даже когда эта правда могла кого-нибудь очень сильно расстроить. А Вруша все время врал. К месту и не к месту, нужно это ему было или не нужно. Другие врут для того, чтобы поиметь с этого какую-нибудь выгоду. Вруша врал из принципа. Он давно уже так привык и теперь, даже если б захотел, не смог бы ни на один вопрос дать правдивый ответ, потому что привычка — штука въедливая, и если уж ты ее приобрел, потом очень трудно бывает от нее отделаться. А Вруша от своей привычки отделываться вообще не собирался. Называлось это у него «закинуть вралинку». «Вот сейчас закину вралинку», — думал про себя Вруша, разговаривая с каким-нибудь людишкой, — и начиналось...

Братья любили друг друга. И только в одном не соглашались.

— Ну скажи, зачем ты все время врешь? — спрашивал Врушу Правдюша. — Ну неужели тебе доставляет такое удовольствие обманывать людишек? Ну хоть раз бы для разнообразия сказал по-честному, всё как есть?

— А тебе не надоело все время говорить одну только правду, правду и ничего, кроме правды? Это же скучно!

— Говорить правду — мой жизненный принцип, — отвечал Правдюша. — Каждый людишка может положиться на мои слова так, словно это он сам их самому себе сказал. Что бы ни случилось, я ему скажу одну лишь правду. Людишки могут мне доверять.

— И тем не менее, о нас идет не самая лучшая слава, — возражал Вруша. — И тебе это известно не хуже, чем мне.

— Вот именно! Это происходит потому, что нас друг от друга не отличить. И людишки, думая, что говорят со мной, на самом деле говорят с тобой, а ты им вместо правды говоришь сплошную неправду!

— Но согласись, что в чем-то я поступаю с ними даже по-честному. Представь себе, что я бы раз сказал неправду, а другой взял бы да и сказал правду — что бы тут началось? Сплошная путаница!

— А ты не можешь совсем перестать врать?

— Ну что ты, конечно нет! — отвечал Вруша. — Ведь меня даже так и зовут: Вруша. Если я начну говорить правду, это будет нечестно. Вруша, а не врет — черт знает что такое!

— Да ну тебя, ты меня запутал совсем! Не будем больше спорить, говори что хочешь. Только зачем ты всем, кого встретишь, называешься мной, Правдюшей?

— Но разве ты забыл, что я всегда вру? Как же я могу сказать, что я — Вруша? Ведь это будет правдой, а мне ее говорить нельзя.

— Но ведь так людишки путаются! Они думают, что говорят со мной, а на самом деле говорят с тобой!

— Но ведь и когда они говорят с тобой, они могут подумать, что говорят со мной, — возразил Вруша.

— Это почему?

— А потому, что они-то знают, что я все время вру. Вот вчера ко мне приезжали слесарь Напильник с монтёром Молотком из города. Они сказали мне: «Привет, Вруша!»

— А я им говорю: «Привет, только я не Вруша».

— А они говорят: «Извини, дорогой Правдюша, мы приняли тебя за твоего брата-обманщика». «Пожалуйста-пожалуйста, — говорю я. — Нас все путают, мы очень похожи...»

— Интересно, а почему это ты тогда сказал им, что мы очень похожи? — прервал Правдюша Врушу.

— А что я должен был им сказать? — удивился Вруша.

— Ведь ты сказал правду — мы действительно похожи, а ты никогда не говоришь правду. Получается, что ты сам себе противоречишь.

— Это не совсем так, — сказал Вруша, немного подумав. — Видишь ли, милый мой братик. Ты выбрал в жизни легкий путь, а поскольку я хотел хоть в чем-то от тебя отличаться, мне пришлось выбирать тяжелый.

— Это ты о чем?

— А о том, что говорить правду — дело простое и легкое, а врать тяжело и нужно постоянно раскидывать мозгами. Моя цель не просто сказать неправду — тогда все будут считать меня сумасшедшим. Что же я буду им говорить, что трава не зеленая, а небо не голубое? Нет, моя цель сделать так, чтобы людишки *поверили* в неправду.

— Значит, ты говоришь не просто неправду, а такую неправду, в которую можно поверить?

— Не просто можно, а *нужно* поверить! Я всегда говорю самую правдоподобную неправду. А иначе совсем не интересно!

— Эх, какой же ты все-таки *вруша*! — сказал Правдюша. — Но я тебя очень люблю, потому что ты мой брат! — И Правдюша обнял брата.

— И я тебя люблю, правдюшечка ты моя, — отвечал Вруша, стискивая брата так, что у того аж кости затрещали. — Хоть мне тебя очень жаль, потому что говорить все время правду — ужасная скукотища.

— Сам ты скукотища! — снова рассердился Правдюша, вырываясь из Врушиных рук. — Это твое вранье — скукотища!

— А вот и нет. Врать никогда не бывает скучно, потому что нужно постоянно что-нибудь придумывать.

— Да уж, весело, что и говори, было наврать Пустомеле, будто у наших коров — коровье бешенство. Которым их заразил приходящий бык. И что бешеные коровы очень любят бежать на красный свет.

— Ну уж нет, про красный свет я ему не говорил. Ведь это сущая правда, коровы действительно бодаются, если видят что-нибудь красное. Тем более, быки. А я правду никогда не говорю, ты ведь знаешь.

— Ну, значит, это Пустомеля откуда-то и раньше знал.

— Но как же я мог предвидеть, что Пустомеля побежит домой и начнет там врать, будто бешеные коровы несутся на Цветоград, потому что они увидели заходящее солнце, которое село прямо туда? А ведь солнце, когда оно заходит, бывает красное! И что вот-вот по улицам пронесется пять громадных бешеных коров и один бешеный бык, разрушая дома и топча своими огромными копытами всё, что попадется им на пути?!

— Да уж. Мне потом этот квадратненький людишка рассказал. Не помню, как его зовут — тот, который к нам часто приезжает молоко пить?

— Кастрюля, что ли?

— Вот именно. Кастрюля-повар. Весь город, говорит, кто по погребам и подвалам попрятался, кто на деревья залез. Ну что, бери топор, пойдем траву косить, что ли? — И Правдюша своей огромной рукой хлопнул Врушу по плечу так, что тот даже на полшага отступил.

— Ну, пойдем! —хлопнул Вруша Правдюшу, тоже по-дружески, так, что тот чуть не отлетел.

Оба брата были огромного — для людишек, конечно, — роста, широкие в плечах и ужасно сильные. Правдюша мог без посторонней помощи вырвать из земли взрослый подберезовик. А Вруша, если увидит вылезшую на двор жабу — хватал ее за задние ноги и забрасывал чуть не на самую середину пруда. Братья частенько ругались. Но стоило им хлопануть друг друга по плечу или по лбу, или пообниматься объятьями, от которых любой другой людишка попал бы с переломами костей к доктору Таблеткину, как оба сразу добрели и переставали сердиться. Вообще, братья были очень добрыми.

Глава тринадцатая с половиной.

В ПОЛЯХ

Какой свежий и прекрасный воздух был в поле! Как нежно пахло цветами и травами! Какие огромные и раскидистые сосны, достающие ветвями до неба, росли возле дороги, уходящей вдаль, к горизонту! Никтошке хотелось обнять это поле, эти травы и цветы, эти пушистые сосны и белые облака, похожие на большие мягкие подушки. Никтошке почудилось, будто он огромный-преогромный, и ему захотелось обхватить облака руками и зарыться в их прохладную глубину.

— Я желаю вам спокойного плавания! — сказал Никтошка облакам. — Плывите в дальние страны, но не забудьте когда-нибудь вернуться обратно, а то я буду по вам скучать!

Никтошка понимал, что это глупо — разговаривать с облаками, но ведь никто из людишек его не слышал, и он еще шепотом добавил:

— До свидания! Когда вернетесь — расскажите, что вы там видели!

— Пока! Пока! — раздалось откуда-то с неба, и было непонятно: то ли это и вправду сказали облака, то ли Никтошке просто послышалось.

«Вряд ли послышалось, — подумал Никтошка. — Это ведь очень редко бывает, когда кому-нибудь что-нибудь послышится. И уж совсем редко бывает, что людишки обращаются к облакам. А тут такое совпадение: облака ответили как раз, когда я сказал им «До свиданья». Таких совпадений не бывает. Значит, это не послышалось».

— А раз не послышалось, тогда что? — спросил он своего мысленного друга Вилку.

— Тогда почудилось, — сказал Вилка.

— Да нет же! Не почудилось, а по-настоящему. Это был настоящий разговор людишки с облаками.

— Совершенно согласен! — согласился Вилка.

Попрощавшись с Никтошкой, облака поплыли дальше, словно громадные белые корабли, совершающие кругосветное путешествие. А Никтошка вошел в поле по узенькой тропинке, идущей среди травинок, колокольчиков, «куриной слепоты» и клевера. Уже созрела пшеница, и на дороге ему попадались упавшие зерна.

Пшеничные зерна были для Никтошки большие, каждое величиной со сдобную булку. Никтошка пригнул колос к земле и вытащил из него несколько зерен. Грустно вспомнив про сдобные булки, которые по утрам выпекала малянка Булочка в своей пекарне на улице Цикория, Никтошка съел одно из этих зерен. Три других положил в плетеную сумочку, которую сплел себе из сухой травы. Напившись из нескольких колокольчиков, в чашечках которых после ночного дождя еще оставалась вода, Никтошка пошел дальше.

Глава тринадцатая с четвертью.

КОРОВЫ

Вначале Никтошка был так рад, что лес наконец кончился и начались поля! Но вот уже целую неделю блуждал он по этим полям, а конца-краю им не было видно. В то утро, когда его разбудило далекое мычание коровы, пастухом у этой коровы был Вруша. Правдюша уехал в город к ветеринару. У братьев как раз закончились лекарства для коров. Коровы недавно болели, а лекарства они пили прямо ведрами. Конечно же, это было вовсе не коровье бешенство, которым Пустомеля перепугал весь город, а обыкновенный коровий грипп. У коров разыгрался сильный насморк, и они громко чихали, а две из них, которые не так давно родились и были еще только тёлками, слегли с температурой. Лечить коров не так-то просто, особенно, если они размером с пятиэтажный дом. Вруша едва не погиб, когда самая большая корова, по имени Мышуня, собираясь чихнуть, втянула его вместе с воздухом, а потом вычихнула обратно. Увидев летящего у себя над головой брата, Правдюша подумал: «Ну, все. Конец Вруше. Придется мне теперь на ферме всё одному делать». Но к счастью, Вруша угодил в огромный стог сена, которое Правдюша недавно накосил, то есть, нарубил, и всё обошлось. Сено-то людишки не косили, а рубили — больно оно для них было толстое.

Вначале, когда лес кончился и Никтошка вышел в поле, он очень обрадовался. Так ему эти деревья надоели. Но теперь Никтошка уже целую неделю шел по полям, а никакого Цветограда или какого-нибудь другого города не появлялось. Грибов и ягод в поле не росло, и Никтошке приходилось по три раза в день питаться одними зернами. От этой пищи — в которой совсем нет витаминов — он так ослаб, что у него уже совсем не было сил двигаться дальше. Никтошка лег рано вечером и намеревался проспать до полудня. Когда он спал, ему снились разные сны, и это было приятно, потому что сны

Никтошке снились хорошие. Ему снился Цветоград, а еще бывало, что ему снилось подводное царство и царевна Дита. А иногда ему что-то снилось, но наутро он всё забывал.

Вот так и на этот раз. Никтошке снился какой-то длинный сон, из которого он ничего не запомнил. Кроме того, что кто-то все время мычал. На протяжении всего сна. Солнце уже давно взошло, а Никтошка всё никак не просыпался. Но как только он наконец открыл глаза, сон сразу же исчез и забылся. А мычание осталось. «Мычат», — подумал Никтошка. Он встал на ноги и огляделся. Собственно, он оглядел верхушки соседних травинок, потому что трава была выше его, и ничего, кроме нее и голубого неба, вокруг не было видно. Над Никтошкиной головой качались колосья. От несильного ветерка шелестела осока, из-за стеблей которой выглядывали сиреневые колокольчики. В траве стрекотали невидимые кузнечики, и откуда-то очень издалека доносилось мычание коровы. Оно было слабым и далеким. Никтошка прислушался.

Теперь он различил, что попеременно мычат две коровы: одна — низким, густым басом, а другая — тоже басом, но не таким густым, а слегка колеблющимся и чуть-чуть повыше. Наверное, это мычали корова-мама и ее теленок. Никтошка сразу же понял, что если где-то есть коровы, значит, там есть и людишки. Диких же коров не бывает! Ну, разве что в Африке. В общем, надо до этих коров дойти.

Но в какой стороне их искать — он не знал. «Вот если бы была какая-нибудь примета насчет коров, — сказал сам себе Никтошка. — Например, ласточки — к дождю низко летают. А мошки собираются в кучу — к жаре». Никтошка повернулся так, чтобы солнце светило ему в правый глаз. Сейчас утро, значит, солнце на востоке, сзади — юг, а впереди — север. Но в какую сторону обычно мычат коровы по утрам? Этого Никтошка, к сожалению, не знал. Пришлось ему идти туда, куда его вела тропинка, по которой Никтошка сюда пришел вчера вечером. «Ведь идти без дороги прямо через поле очень тяжело, — рассудил Никтошка, — а возвращаться по тропинке назад — неправильно. Потому что ведь там, откуда я пришел, не было слышно, чтобы кто-нибудь мычал». И он пошел вперед.

Никтошка шел целый день и остановился только один раз, чтобы пообедать двумя зернами. Мычание становилось все громче. Теперь Никтошка уже мог иногда различить три мычания одновременно, а иногда ему даже казалось, что он слышит целых пять коровьих голосов. Стояло бабье лето. День был жаркий, и Никтошка очень устал. Одно время ему казалось, что он уже совсем близко от коров и вот-вот увидит их. Но наступал вечер, и, по-видимому, коровы собирались уходить со своего пастбища, потому что голоса их вдруг начали удаляться. Никтошка собрал последние силы и побежал по тропинке.

— Эй! — закричал он, — эй, коровы! Подождите!

Он бежал так быстро, что иногда спотыкался и падал, но тут же снова вскакивал и бежал дальше.

— Подождите! — кричал Никтошка, задыхаясь от быстрого бега. — Эй!

Тропинка, по которой бежал Никтошка, петляла и все время заворачивала куда-то вправо, и Никтошка боялся, как бы она вообще не увела его от коров. Вдруг она разветвилась, и Никтошка остановился в нерешительности. Он не знал, какое из двух направлений ему выбрать. Но тут, где-то уже совсем недалеко справа, раздалось новое мычание. Никтошка выбрал правую тропинку и понесся по ней. И тут он ее увидел...

Надо сказать, что Никтошка до этого ни разу в жизни не встречал настоящих коров, а только нарисованных в книжке, на картинке. Корова выросла перед ним огромным пятиэтажным домом. Таких высоких зданий даже в Цветограде было совсем немного — в основном, там строили двух- и одноэтажные домики. И этот громадный пятиэтажный дом двигался Никтошке навстречу. На него глядели глаза размером с автомобильное колесо. Из огромного рта коровы, в который легко бы поместился целый микроавтобус с людишками, свешивались в стороны снопы травы — животное медленно пережевывало ее на ходу. Каждая из четырех коровьих ног была в несколько раз толще фонарного столба, а полное молока вымя — никак не меньше цистерны водонапорной башни, снабжающей водой всю улицу Незабудок. Оказывается, корова была совсем близко, просто Никтошка ее раньше не видел из-за высоких колосьев. Корова была уже буквально в двух шагах от Никтошки — конечно, не его маленьких шагах, а своих, коровьих. Она как раз собиралась ступить на ту тропинку, по которой прибежал Никтошка, чтобы идти домой. Солнце уже почти село, и коровам пора было готовиться ко сну.

Никтошка повернулся и побежал по тропинке обратно. Теперь он бежал вдвое быстрее — от страха Никтошка не чуял под собой ног.

— Эй! — снова закричал он, на этот раз уже зовя на помощь. — Помогите! Помогите, корова! Она меня зарогает!

Хотя Никтошка бежал очень быстро, а корова шла очень медленно, все же она его, наверно, бы догнала, потому что каждый шаг у нее был примерно как двадцать Никтошкиных. Но Никтошка успел добежать до той самой развилки, где повернул направо, и на этот раз повернул налево, как раз в ту минуту, когда корова прошла мимо, избрав другой путь. Никтошка не знал, что коровы очень добрые и ни за что не задавят людишку. Это белое в черных пятнах животное с огромными грустными глазами его прекрасно видело и давить не собиралось. Но Никтошка, разумеется, об этом не подозревал. Он бежал и на полном ходу врезался в малянца, который стоял и жевал травинку, удивленно прислушиваясь к Никтошкиным крикам. Никтошка бежал так быстро, что когда он наскочил на людишку, оба кубарем покатились на землю. Никтошка вцепился руками в матросский бушлат Вруши — а это был он — и, изо всех сил держась за малянца, замер, жадно вдыхая воздух. Он никак не мог отдышаться. Вруша широко раскрытыми от удивления глазами смотрел на Никтошку и ничего не говорил.

— О! — сказал наконец Никтошка, — О!

Больше он ничего не мог сказать. Некоторое время оба молчали. Никтошка никак не мог отдышаться — так он быстро бежал, а Вруша, как деревенский житель, не любил зря разговаривать с

неизвестными. Наконец он отцепил от своего бушлата Никтошкины руки, поднял его с земли и поставил на ноги.

— Ты кто такой? — спросил он.

— Никтошка, — сказал Никтошка, протянув руку незнакомцу.

— Правдюша, — ответил Вруша, пожимая руку.

— Я наткнулся на корову... она пошла прямо на меня...

— Ну и что?

— Она могла меня задавить.

— Корова даже муравья никогда не задавит.

Никтошка замолчал. Потом он сказал:

— Это не потому, что я испугался. Это от неожиданности.

— Да? — недоверчиво спросил Вруша.

— Я был далеко... я услышал, что коровы мычат, и побежал.

— Зачем же так бежать, они все время мычат.

— Да нет, не в этом дело.

— А в чем же?

— Я заблудился.

— А, вот оно что. Так ты услыхал коров и нашел дорогу?

— Никтошка кивнул.

— Тогда понятно. Есть хочешь?

Никтошка сильно закивал головой. Он очень хотел есть. Вруша вытащил из кармана краюху хлеба и протянул Никтошке. Никтошка набросился на хлеб с такой силой, что Вруша невольно сделал шаг назад.

— Ты что, голодный, что ли?

— Му-гу, — промычал Никтошка, чувствуя, что ему нужно есть помедленнее, чтобы не подавиться.

— Ну, пойдем скорее, я тебя накормлю.

Врушa свистнул коровам, и они пошли сами куда надо — коровы у братьев были обученные. А Врушa с Никтошкой двинулись к дому братьев.

— Не спеши так, подавишься, — сказал Врушa.

Никтошка ничего не ответил, продолжая съедать хлеб.

— Борщ хочешь? — спросил Врушa. — Мой брат с утра приготовил, надо только разогреть.

Никтошка кивнул.

— Сыр будешь?

— Угу.

— Молоко?

— Гу.

— Гриб жареный?

Никтошка глядел на Врушу такими голодными глазами, что тот подумал: если этого людишку сейчас не накормить, он его самого на части разорвет и съест. Врушa пошел быстрее, и через несколько минут они оказались на крыльце большого деревянного дома. Никтошка не помнил, как он добрался до стола. Он только в какой-то момент понял, что сидит перед огромной глубокой тарелкой и хлебает из нее суп огромной деревянной ложкой.

— Ты чего горох целиком в рот, как удав, пихаешь? — удивился Врушa. — Ты его откусывал бы, что ли, а то смотри — подавишься!

Никтошка не слышал. Он всё ел и ел.

— Ну-ка... знаешь что? Хватит-ка с тебя, — сказал Врушa, отодвигая от Никтошки тарелку.

— Покему эко? — спросил Никтошка с набитым ртом.

— А потому, что если людишка долго голодный был и ему дать есть, то много ему есть нельзя, а то живот с непривычки разорвется.

— Не могэт бык!

— А вот может. Я это от своего брата слышал.

От неожиданной встречи с Никтошкой Врушa так растерялся, что даже сказал правду. Никтошка потянулся было к тарелке, но Врушa остановил его руку.

— Нет, я сказал, да и всё!

У Никтошки не было сил спорить. Он лег лицом на стол, совсем недавно выструганный Правдюшей из широких досок и, вдохнув их березовый аромат, сейчас же уснул. Вруша перенес Никтошку на кровать, укрыл его одной тонкой простыней — потому что было жарко — и пошел проверить, всё ли правильно сделали перед сном коровы.

Глава четырнадцатая.

МОЛОКОМОБИЛЬ

Никтошка остался на ферме на несколько дней. Он помогал Вруше косить траву, доить коров и закатывать в большие плетеные корзины только что снесенные куриные яйца. Вместе они делали массаж огромному Свинохряку. Так братья-фермеры называли своего поросенка, который был ростом с двухэтажный дом. Чтобы достать ему до боков и спины, приходилось взбираться на лестницу-стремянку. Кожа у Свинохряка была такой толстой, что массаж ему надо было делать здоровенными дубинами. Вруша-то привык, а Никтошке такую дубину было еле поднять. На следующий день у него от этой работы всё тело болело. Вдвоем они колошматили Свинохряка, а Никтошка каждый раз вздрагивал, когда тот громко хрюкал от удовольствия.

Никтошка и не догадывался, что его нового друга зовут вовсе не Правдюша, а Вруша. Вруша ему, само собой разумеется, временами врал, но так ловко, что Никтошка даже не подозревал, что его обманывают. Да ему бы и в голову не пришло, что людишка с именем Правдюша может вообще врать. Фермер ведь представился ему, как Правдюша.

Но, в сущности, какая разница, был ли это сам Правдюша или его обманщик-брат, — главное, что у Никтошки наконец появился друг! С ним можно было обо всем разговаривать, играть по вечерам в шашки, обсуждать прочитанные книги... Вруша рассказывал Никтошке про книги о морских приключениях и пиратах, а Никтошка — про сказки, которых он прочел великое множество. Так прошла неделя.

Но для людишек неделя — это как для нас целых два месяца! Ведь людишки маленькие, всего с небольшой огурец, то есть, по росту примерно в десять раз меньше человека. А поскольку они в десять раз меньше нас, то и время для них течет в десять раз медленнее. Для них семь дней — как для нас семьдесят. Проведя столько времени вместе, Никтошка с Врушей очень сдружились. И все эти дни стояла прекрасная солнечная погода.

Но когда в понедельник утром зарядил дождь, и они, вместо того, чтобы работать, сидели дома и смотрели в окно, Никтошке почему-то стало страшно тоскливо. Ему очень сильно захотелось домой.

— Я очень хочу домой попасть, — сказал Никтошка.

— Подожди моего брата Врушу, — сказал фермер. — Он на машине в город поехал, вернется — тебя отвезет.

И тут Вруша, как с ним обычно бывало, подумал: «А не закинуть ли вралинку?» И когда Никтошка спросил:

— А когда он вернется?

Вруша ответил:

— Думаю, недельки через две.

— Две недели...

Никтошка вдруг почувствовал, что не вынесет на ферме больше ни одного дня. Он не мог понять — ведь еще вчера ему тут так нравилось! Трава, деревенская жизнь, коровы... «Почему бы тоже не стать фермером и не остаться тут навсегда?» — думал тогда он. Но сегодня было уже совсем не то, что вчера. Наверное, всему виной был дождь, зарядивший с самого утра. Никтошка вспомнил уютный дом на улице Незабудок, и ему стало так тоскливо, что захотелось выскочить на дождь и бежать, бежать отсюда — без оглядки.

— Тогда я сам, пешком пойду, — сказал он.

— Можно, конечно, — согласился Вруша.

— А сколько примерно до города идти?

— Если пешком, то... то месяца два, — выскочила новая вралинка.

Никтошке и в голову не могло прийти, что людишка врет.

— Два месяца?! — воскликнул он. — Да ведь это уже зима будет, снег пойдет!

— Вот именно. Так что подумай.

Никтошка был в отчаянии.

— Я так уже по дому соскучился!

С тоской кинул он взгляд в окно — на мокрое поле с маячащими вдали коровами и непролазную грязь во дворе.

— Что же делать? — так печально спросил Никтошка, что Вруше его даже стало жалко. Несмотря на постоянное вранье, у него было доброе сердце.

— Я б тебя отвез, — сказал Вруша, — да нельзя оставлять коров.

— Конечно-конечно, я понимаю.

— Слушай-ка. Ты машину водить умеешь?

— Умею, да! — обрадовался Никтошка. — Я много раз автомобиль Напильника водил.

— Ну, так я тебе наш старый автомобиль дам. Он в отличном состоянии, как новенький.

Не обращая внимание на дождь, они обошли дом и остановились перед холмиком из прошлогодних листьев.

— Тут, кажется, — сказал Вруша.

Он взялся за торчащий из кучи черенок, уперся ногой в какую-то гнилую деревяшку и вытащил большой коричневый лист. Лист наполовину свернулся в трубу, и Вруша засунул в нее голову.

— Угу-гу! — задудел он в трубу.

Никтошка тоже вытащил себе кленовый лист. Этот лучше сохранился. С одной стороны он был желтый, с другой — светло-коричневый. Никтошка завернулся в свой лист, как в плащ, а из его треугольного края сделал себе капюшон. Это было кстати — дождик моросил мелкий, противный, даже и не дождь, а просто какая-то дождевая пыль. От нее весь становишься влажным, как недосушенное белье.

Вруша тоже сделал себе капюшон, и оба начали растаскивать листья в разные стороны. В основном, они были кленовые, потому что неподалеку рос молоденький клен, но попадались и березовые, и ясеневые. Никтошка откопал даже один дубовый лист — наверное, ветер занес его из леса, который виднелся вдалеке. Листья были мокрые и грязные. Некоторые слиплись по два и по три и, когда Никтошка тянул их, рвались на части. А под кленовыми листьями оказалась еще целая охапка мокрой темно-коричневой хвои. Через час, с ног до головы вымазавшись в грязи, что для Вруши, впрочем, было делом привычным, они докопались, наконец, до дверей сарая. На дверях висел заржавленный замок, но Вруша двинул одну из створок плечом, и она упала на землю. Они вошли внутрь, и Никтошка зажег свой фонарик.

— Вот он, красавец! — радостно сказал Вруша, подойдя к громоздкому, длинному автомобилю какой-то совсем уж старинной модели — Никтошка таких даже и не видывал.

— А он ездит? — с сомнением спросил Никтошка.

— Еще как!

— А как же... — Никтошка попытался открыть дверцу, но она заржавела и не открывалась.

— В него надо через верх залезать, — сказал Вруша и прыгнул на сидение. — Заваливай! — крикнул он Никтошке и, когда тот уселся, стал рулить, нажимать на педали и реветь так, словно он, и правда, едет на автомобиле:

— Жжжж! Рррр! Ржж-г-к-г-к-г-к... ржжжжж!

Никтошка с удивлением смотрел на него. В гараже было темно. Тут пахло резиновыми шинами и грибами.

— Теперь вылезай! — сказал Вруша. — Пойдем к коровам.

— Зачем? — печально удивился Никтошка, который, увидев эту развалюху, не верил, что она вообще может сдвинуться с места.

— Надо его заправить.

— Кого?

— Автомобиль, кого же еще?

— А... — протянул Никтошка, как будто понял. — Но коровы?

— Он не на газированной воде работает, а на молоке, ясно? Это же новая модель.

Автомобили людишек обычно работают на газированной воде, добываемой из подземных источников. Эта минеральная вода, в которой растворено большое количество газов, заливается в бак машины вместо бензина. Когда газы начинают высвобождаться, они толкают поршни, которые крутят двигатель, и такой автомобиль может развить достаточно большую (для людишек, конечно) скорость. А бензином людишки не пользуются, чтобы не загрязнять свои города.

Более новые модели используют кока-колу, которая выделяет намного больше газа, чем простая минералка, и позволяет машинам достигать больших скоростей. Правда, когда кока-кольные машины только появились, они наполнили Цветоград противным коричневым дымом. И оказалось, что у многих людишек на него аллергия. Бедные цветоградцы ходили по улицам и чихали, и у них из глаз текли слезы. Знайка с Таблеткиным уже собирались запретить новый вид двигателя, когда слесарь Напильник и его помощник, монтёр Молоток, изобрели огуречный фильтр, который задерживает этот дым. В выхлопную трубу автомобиля вставляется кусочек огурца с просверленными в нем тонкими дырочками. Проходя через огурец, кока-кольная гарь впитывается в его сырую мякоть, и выходящий дым становится абсолютно безвредным. Правда, через каждые пять километров огуречный кружок нужно заменять на свежий, но пять километров для людишек — это огромное расстояние, так что припасенного в багажнике огурца хватало надолго. Тем более, что за городом можно было дымить сколько хочешь — в поле, кроме бабочек и жуков, никто не живет, а у насекомых этот дым аллергию не вызывал. Зато, пропитавшись кока-кольным газом, огурец превращался в твердую, сладкую конфету, которую после использования можно было вытащить из выхлопной трубы и понемножку сосать, вертя руль и глазея по сторонам.

— В городе-то, небось, всё еще газированные колымаги по улицам громыхают? — спросил Вруша.

— Да вообще-то... кажется, теперь их заправляют кока-колой.

— А... что газировка, что кока-кола. Нет, конечно, кока-кола — вкусная вещь, с этим не поспоришь. Я еще спрайт люблю. Один раз его пил — ваш малянец, Кастрюля-повар, привез мне бутылочку. Но, как топливо, всё это не идет ни в какое сравнение с молоком.

— Надо же... а я и не знал, — удивлялся наивный Никтошка.

Вруша, как всегда, наврал. Эта старая машина была вовсе не новой моделью, а наоборот — одним из самых древних автомобилей людишек. Его изобрел моторист Солидолыч задолго до газированного автомобиля Напильника и Молотка. Машина заправлялась парным молоком, поэтому так

и называлась — молокомобиль. При кипячении молока пар проходил по трубочкам и толкал поршень, который вертел коленчатый вал. К валу подключались шестеренки, передавая движение дальше, на маховик и так далее, и в конце концов оно добиралось до колес, которые крутились, заставляя машину ехать. Для смазки двигателя использовалась сметана, а в качестве охлаждающей жидкости — простокваша, которая замерзает при более низкой температуре. С этим молокомобилем была только одна проблема. При кипячении, как известно, на молоке образуются пенки.

— А я молоко не очень люблю, — признался Никтошка. — Особенно кипяченное. Потому что в нем пенки.

И он так поморщился, что Вруша невольно тоже поморщился, а Никтошка, поглядев на него, поморщился так, что у него чуть не свело правое ухо.

— Да уж, — согласился Вруша. — Если еще эта пенка — целая и сидит себе сверху на молоке, тогда ладно. Снял — и пей. А когда она по кусочкам...

— Вот-вот! А еще эти кусочки не сверху, а внутри молока плавают. Ты пьешь, пьёшь...

— А они в рот лезут! Тьфу! Гадость какая.

Вруша плюнул, а Никтошку чуть не стошнило.

— Да ладно. Ты же не обязан молоко пить да пенки есть... это он на них работает! — стукнул Вруша по железной спине молокомобиля.

Пенки, и правда, кого угодно могли остановить, но только не Солидолыча. Солидолыч был прекрасным механиком. Он нашел остроумное решение, позволявшее вовремя избавляться от пенок, пока они не заткнули молокопроводные трубки. Небольшая шестеренка, приспособленная к карданному валу, толкала кулачок, который с помощью шатуна и кривошипа управлял специальным пинцетным захватом. Через равные промежутки времени длинный, словно клюв аиста, пинцетный захват раскрывался, хватал образовавшуюся на молоке пенку и выбрасывал ее из молокомобиля наружу. После чего крышка котла сразу же автоматически захлопывалась — чтоб молоко не слишком остывало.

Глава четырнадцатая с половиной.

КАК СОЛИДОЛЫЧ ПОКИНУЛ ЦВЕТОГРАД

До появления молокомобиля в Цветограде ездили на прысаках. Прысаками людишки называли больших тараканов — специальную породу, выведенную еще в стародавние времена из обычных, домашних тараканов. Прысаки намного крупнее простых тараканов и гораздо резвее их. Эту породу потому так и называли: прысаки, что стоило на кухне включить свет, как прысаки прыскали в разные стороны.

Прысаков выкармливали до довольно крупных размеров, так что для маленьких людишек каждый прысак был с ездовую собаку. Их обычно запрягали в карету по шесть, по восемь, а иногда даже и по десять штук. Так вот, Солидолыч уже ездил на молокомобиле, а все остальные людишки пока что на прысаках. Это вообще было так давно, что мало уже кто помнит о том времени. Малянки тогда носили пышные платья со множеством шуршащих юбок, надетых одна поверх другой. И когда Солидолыч впервые выехал на своем автомобиле на середину бульвара Гладиолусов, чуть ли не под колеса ему бросилась одна малянка. Она сильно шуршала своими многочисленными юбками, а на голове у нее была желтая соломенная шляпка с полями. О, эта малянка была очень изящно одета! Верхняя ее юбка была сиреневая, туфли — зеленые, блузка — лимонная с вышитыми ромашками, на шее платок, на соломенной шляпке бабочки.

— Я первая! — подскочила она к машине, явно собираясь запрыгнуть на подножку и нацеливаясь на то, чтобы вцепиться в руль.

А надо сказать, что характер у Солидолыча был не очень-то. Он не только никому своей машиной порулить не давал, но даже и катать никого не собирался. У него этого и в мыслях не было! Откровенно говоря, Солидолыч был просто вредный людишка. За все время, пока молокомобиль просуществовал в Цветограде, на нем, кроме Солидолыча, прокатилась еще только одна малянка. Звали ее Крептолина...

Но это уже другая история, я, может быть, ее как-нибудь потом расскажу, но не теперь. Так вот, когда малянка в юбках уже подпрыгнула и практически вскочила на подножку молокомобиля — в этот самый момент Солидолыч резко нажал на педаль. Раздался мощный рев мотора, и бульвар Гладиолусов заволокло молочным паром, а когда он рассеялся, молокомобиля и след простыл. На изящную малянку налипло одеяло из молочной пенки.

— Как же так! — плакала бедная пострадавшая, пытаясь счистить пенку с прически.

— Неслыханное безобразие! — кричали отовсюду.

— Где этот негодяй?

— Я вызову его на дуэль!

— Мы все вызовем его на дуэль!

В те времена воспитанные людишки не дрались друг с другом просто так, а устраивали дуэли. Но молокомобиль уже объехал центр города с восточной стороны и остановился на бульваре Крепдоцинов. Посередине бульвара были устроены пруды. Там плавали кувшинки и цвели лилии. Малянцы в клетчатых пиджаках и клетчатых кепках, которые были тогда в моде, отталкиваясь тросточками, катали малянок на кувшинках. Завидев автомобиль, все прысаки так встали на дыбы, что даже перевернулось несколько карет. Солидолыч остановился, чтобы в очередной раз прочистить молокопроводные трубы. Машину тут же обступил народ. У Солидолыча, кроме прочих других, была одна проблема — он не выносил, когда его о чем-нибудь спрашивали.

— Хотите, я соглашусь, чтобы вы меня прокатили? — спросила кареглазая малянка в коричневой шляпке.

Солидолыч окинул кареглазую презрительным взглядом, но промолчал.

— Скажите, а как вам пришло в голову построить такую вещь? — спрашивала малянка, от которой нежно пахло сиреневыми духами.

Солидолыч молча пошмыгал носом. Но любопытные не отставали. День был выходной — вокруг собиралось всё больше народу.

— Как называется ваш агрегат? — поинтересовался малянец по имени Пеленчик. Он был репортером городской газеты.

Солидолыч молчал, только склонил голову вбок. Пеленчик проследил за взглядом моториста и прочел на дверце машины:

— Молокомобиль. Модель номер один. Ах, вон оно что... молокомобиль...

— А это не вредно для здоровья? — спросил профессор зоологии, которого звали Одуван.

Солидолыч молчал.

— Ну и дурак этот Солидолыч! — сказал Пустомеля, который тоже был тут.

В те времена Пустомеля носил яркий голубой цилиндр, желтые панталоны, зеленый шейный платок и оранжевый жилет, из кармана которого торчали огромные золотые часы на цепочке. Солидолыч скривил нижнюю губу, но ничего не ответил. Прочистив молокопроводные трубы, он снова завел мотор и напустил такое количество молочного пара, что платья малянок покрылись жирными желтыми пятнами.

— Странный всё-таки этот Солидолыч, — говорил в тот вечер за чаем ученый Знайка.

В те далекие времена он был еще не Знайка, а Иван Федорович Знаев. Вечер был теплый, и людишки пили в саду чай, сидя возле огромного самовара с трубой. Иван Федорович был в расстегнутом сюртуке — от чая ему было жарко. Художник Василий Никифорович Мальбертов, которого, как мы знаем, в будущем сократили до Мальберта, соглашался с Иваном Федоровичем.

— У него такой странный тип лица, — отвечал художник Мальбертов. — Иногда я успеваю уловить его улыбку, и мне кажется, что это улыбка дикого зверя. Словно тигр усмехается себе в усы.

— Если ты такой нелюдим — зачем же ездить по улицам в выходной день, когда вокруг полно народу? — негодовал Иван Федорович. — Езжай себе в поле — там и выпускай свой пар! Нет, конечно же, это гениальное изобретение — спору нет. Но почему бы не поделиться своим изобретением с коллегами? Я бы ему с удовольствием помог разобраться в вопросах механики.

Но Солидолыч делиться с коллегами не собирался. Ему нравилось, что все обращают на него внимание, но при этом он вовсе не хотел ни с кем разговаривать. Радость переполняла его сердце, когда, проезжая по улице, он слышал, как какая-нибудь восхищенная малянка говорила подруге: «Боже мой, какой талант!» Но гораздо большую радость Солидолыч испытывал, когда та же самая малянка, окутанная молочным паром, в отчаянии заламывала руки от того, что ее платье и кружевной зонтик безнадежно испорчены жиром!

— Я попросил его показать чертежи механизма, — жаловался Знаев. — Другому было бы приятно поговорить о своем изобретении с коллегой. Каждому ведь нравится, когда его слушают. А этот...

— Не дал? — посочувствовал художник.

Намучившись с молокопроводными трубами, которые вечно закупоривались, Солидолыч понял, что к ним нужно еще что-то дополнительное изобрести. Так появился пенкосниматель. В один из выходных дней стояла хорошая погода, и людишки гуляли по улицам, дыша свежим воздухом. Как обычно, Солидолыч с гордым видом выехал на бульвар Красных и белых роз. Время от времени молокомобиль издавал такой звук, словно собирался чихнуть: «Ап-ап-апх...» Затем крышка котла, в котором кипело молоко, открывалась и выпускала облачко молочного пара. Показывался длинный клюв пинцехвата, выкидывающий очередную порцию пенки, которая белой простыней накрывала бутоны цветов. На белых цветах это еще не так заметно, но читатель согласится со мной, что молочная пенка на красных розах — это уже форменное безобразие!

Прокатившись по бульвару, Солидолыч развесил пенки на всех красных розах, что росли по правой стороне дороги. Затем он развернулся и поехал обратно. Теперь слева от машины был тротуар, по которому, взявшись за руки, прогуливались малянцы и малянки. Автомобиль готовился чихнуть, раздавалось: «Ап-ап-апх...» — и теплая мокрая пенка укрывала гуляющих. Крышка захлопывалась, машина ехала дальше. Большая, пахнущая свежим молоком пенка накрыла братьев Натурия и Конкретия вместе с шахматной доской, на которой Натурий почти что поставил Конкретию мат.

Под следующую пенку попала собачка Креветка и, запутавшись в ней, дрыгала всеми своими четырьмя лапками. Малянки Душка и Бабочка, одетые в нарядные весенние платья, тоже попали в число жертв молокомобиля.

— Ой, что же это! — плакала бедная Душка, пытаясь освободить свои длинные волосы от жирной, липкой гадости.

На красное Бабочкино платье, облепленное противным молочным продуктом, было жалко смотреть. Иван Федорович Знаев был, вообще-то, очень терпеливым людишкой. Но когда склизкая пенка с размаху шлепнулась на глянцевую страницу звездного атласа, который он, по обыкновению, листал на ходу, терпению его пришел конец.

— Возмущен! — громогласно воскликнул Иван Федорович.

И не один Иван Федорович был возмущен. Терпению целого Цветограда пришел конец. На перечисление всего, чем бросались людишки в Солидолыча и его машину, а также всех слов, которыми его обзывали, ушло бы слишком много времени. Поэтому скажу только, что в результате гордый моторист навсегда покинул город вместе со своим разукрашенным помидорами и тухлыми яичными желтками средством передвижения. И управлять машиной ему пришлось из бака со сметаной, в котором он сидел, спасаясь от яиц колибри, червивых помидоров черри и гнилой земляники. Это *то*, чем обычно рассерженные людишки кидаются. Ведь куриное яйцо или гнилую картофелину им не поднять. А на следующий день монтёр Савва Молотков и слесарь Фома Напильников, по заданию Ивана Федоровича Знаева, засели за изобретение газированного автомобиля с сиропом.

Покинув Цветоград, Солидолыч нашел убежище на ферме у Вруши и Правдюши. А где еще за городом он смог бы найти молоко для своего детища? Но поселившись у братьев, он очень скоро сконструировал новую модель молокомобиля и скрылся на нем в неизвестном направлении. Эта новая машина, по словам Правдюши — а ему, в отличие от его брата, можно верить, — «была просто зверь». Она развивала такую скорость, что от нее даже коровы шарахались. Испытав молокомобиль-2 на пересеченной местности, Солидолыч однажды рано утром, когда братья еще спали, сел за руль и исчез. Больше его никто не видел.

Глава пятнадцатая.

В ДОРОГУ

Всё вчерашнее молоко пошло на сметану и масло, которые Вруша изготовил на специальной машине утром, пока Никтошка спал. Надо было надоить новое молоко. Для заправки молокомобиля его было нужно не так уж много, и Вруша не стал загонять коров в коровник и подключать их к доильным установкам. Вдвоем они принесли в поле длинную лестницу и приставили к вымени самой большой коровы — Мышуни. Пока Никтошка поддерживал лестницу, чтобы его товарищ не упал, Вруша доил Мышуню. Надоив достаточно молока, они заправили автомобилю полный бак. Вруша принес еще две запасные канистры с молоком.

— На случай, если топлива все-таки не хватит, — объяснил он. — Да и ты сможешь подкрепиться, если что.

Еще одну канистру со сметаной для смазки Вруша поставил в багажник.

— Смотри, сразу всю сметану не съедай, — предупредил Вруша. — Он сметану с такой скоростью потребляет — только успевай докладывать.

И Вруша дал Никтошке ложку, которой нужно было класть сметану в прожорливое брюхо молокомобиля.

— Ага, понятно, — кивал Никтошка.

Он не обращал внимания на дождь и трудился изо всех сил. Так ему было радостно от мысли, что скоро поедет домой. Со всей этой работой они управились только к вечеру. Почти весь день лил дождь, и вокруг дома образовались глубокие лужи. Никтошка промок и вымазался в грязи с ног до головы.

— Завтра нужно будет его из гаража выкатить, — сказал Вруша, и они пошли в дом.

Никтошка так устал, что, сняв мокрую одежду, тут же нырнул под одеяло и уснул беспробудным сном. А Вруша сидел у окна, пока совсем не стемнело, смотрел на дождь и курил Никтошкину трубку.

На следующее утро Вруша принес огромную катушку с веревкой — целый барабан. Привязал один ее конец к машине. Потом пошел к коровнику и, сунув три пальца в рот, громко свистнул один раз. Это означало: «Мышуня, на выход!» — потому что Мышуня была по величине номер один. Если свистнуть дважды — выступала Ласточка, которая была на полголовы ниже, три раза — Матильда. И так далее.

Мышуня послушно вышла из коровника и остановилась в двух шагах от Вруши, возвышаясь над ним, словно гора на четырех ногах, и ожидая дальнейших распоряжений.

— Иди сюда, — сказал Вруша, и Мышуня пошла за ним через двор. Сделав всего три шага, она остановилась возле гаража.

Никтошка на всякий случай убежал подальше, к сыроварне, и оттуда наблюдал за происходящим.

— Держи! — крикнул Вруша и бросил Мышуне конец веревки.

Корова наклонилась головой к самой земле и поймала веревку зубами. Вруша углубился в гараж и сел за руль.

— Теперь тяни! — донеслось из гаража.

Мышуня потянула. Ее силе позавидовал бы самый мощный трактор. Мышуня не то что автомобиль — пароход подняла бы. Но вот беда — корова-то она была высокая и тянула вверх, поэтому вместо того чтобы выкатить машину на улицу через ворота, она подняла ее в воздух. Молокомобиль повис на веревке, болтаясь над проломленной крышей сарая.

— Да куда ты тянешь! — закричал Вруша, вцепившись в руль руками и ногами.

У Мышуни был такой беззаботный вид, словно она держала в зубах травинку, а не веревку с автомобилем, на котором, как на качелях, раскачивался Вруша.

— Поставь сейчас же на место! — орал людишка. — Вот дура так дура! Ну что за корова! Прямо кар-рррова — да и всё! Ты что, не понимаешь своей коровьей башкой, куда надо тянуть?!

Мышуня молча опустила машину обратно на землю, так что она аккуратно встала на колеса. Потом посмотрела на Врушу. Во взгляде ее читалось столько презрения, что Никтошке стало стыдно за товарища. «Действительно, разве можно так ругаться?» — подумал он. Так же молча Мышуня развернулась и пошла обратно в коровник.

— Ну ладно, ладно! — позвал Вруша. — Чего ты... ну я же пошутил! Никакая ты вовсе не дура...

Но Мышуня не отвечала и больше не показывалась. Вместо нее вышла Ласточка. Она с укором посмотрела на Врушу.

— Вы правы, простите, лапочки!

Братья так называли своих коров — лапочки.

— Простите, лапочки, это я сам виноват! Я же не сказал, куда тянуть...

Мышуня выставила в окошко свою огромную, словно грузовик, морду. В ее глазах можно было прочесть всё, что она в эту минуту думала о хозяине.

— Вот-вот! — говорил ее взгляд. — Сперва надо сказать, куда тянуть, а потом уже ругаться.

— Ладно вам... извиняюсь. Простите! — повторял Врушa.

Он зашел в дом, вынес оттуда кусок сахара размером, наверное, с самовар, и отдал Мышуне. Потом немного подумал и проворчал:

— А то самой нельзя было своей головой догадаться, что машина не для того, чтобы ее в небо поднимать.

Мышуня глянула на Врушу и, выплюнув сахар, скрылась в коровнике.

«Ну что с ней поделаешь — такая она у нас обидчивая», — словно бы говорили, потрясая выменем, Ласточка и Матильда. За ними вышла еще и Кисуня — и втроем они быстро сгрызли брошенный Мышуней сахар.

Машина завелась на удивление просто. Вообще-то, она даже не заводилась, а включалась, как газовая плита.

— Открывай этот кран, — сказал Врушa, и, когда Никтошка открыл, Врушa бросил в какую-то дырку под котлом горящую спичку. В железном брюхе машины что-то громко стукнуло. Из-под котла полыхнули длинные языки пламени.

— Сейчас молоко закипит — и поедем, — пояснил Врушa. — Ты садись за руль.

Пришлось подождать десять минут, пока закипело молоко. Наконец оно приятно запахло, машина запыхтела, и крышка котла стала подскакивать. Из-под нее повалил белый пар.

— Готово, — сказал Врушa. — Можешь ехать.

— А как же тут... — беспомощно развел руками Никтошка. — Ни сцепления, ни коробки передач...

— А это называется «автомат». Жми на пар — да и всё тут.

— А что такое пар?

— Ну, это то же самое, что у газированного автомобиля газ — ясно? Вот *эта* педаль, тут она не «газ», а «пар» называется.

— А, понятно, — сказал Никтошка.

Он слегка нажал на «пар». В моторе что-то задвигалось и так пронзительно заскрежетало, что Никтошке захотелось заткнуть уши, но нужно было держаться руками за руль. Казалось, будто в мясорубке перекручивают железные котлеты. Машина резко дернулась, вдавив людишек в сиденья, и помчалась вперед. Никтошка едва успевал поворачивать квадратный руль, чтобы на что-нибудь не наехать. Как ни старался Никтошка нажимать плавнее на «пар» — ничего не помогало. Стоило слегка прикоснуться ногой к педали — машина, словно дикий зверь, рвалась вперед, когда же он ослабевал

нажатие на ничтожную долю — молокомобиль останавливался, как вкопанный, воткнувшись носом в землю, а Никтошка стукался лбом о руль.

— О-ох! — взмолился Никтошка после нескольких минут такой езды, — может, на сегодня хватит, а?

Но Вруша казался невозмутимым.

— Ничего, — успокоил он, — нужно шатуны немного разработать, а там ровнее пойдет.

И правда, скоро скрежет прекратился. Мотор заработал ровнее, машину перестало дергать.

— Это сметанная смазка помогла, — сказал Вруша. — Хорошо, что не пожалели смазки.

Никтошка дал еще пара, и, громко чавкая сметаной, машина покатилась по дороге в поле. Мотор был очень сильным. Они пускали машину то под гору, то в гору, чтобы проверить как следует ее ход. В гору она сильно пыхтела молоком, из-под крышки капота летели горячие сметанные брызги, но скорость была хорошая.

— Всё, можешь быть спокоен, — сказал Вруша. — До Цветограда долетишь быстрее, чем Баба-Яга на метле.

— Спасибо тебе, — сказал Никтошка. — Без тебя я бы в жизни домой не вернулся.

И он крепко пожал вымазанную в сметане Врушину руку.

На следующее утро пришла пора прощаться. Никтошка так подружился с Врушей, что ему не хотелось уезжать. А еще потому, что дождя уже не было и опять выглянуло солнышко. Когда Никтошка думал о Цветограде и родном доме, и о людишках, которые хоть его и совсем не замечали, а все-таки были ему родными, то ему очень хотелось ехать. Но Вруша, можно сказать, стал его первым настоящим другом. Хотя Никтошка-то на самом деле думал, что друга зовут Правдюшей. Да, в сущности, не все ли равно, как его зовут? Главное, чтобы людишка был хороший. «Только *вот* что, — думал про себя Никтошка, — а считает ли он меня своим другом? Может, это мне только кажется, что мы друзья, а на самом деле нет?»

Все же Никтошка решил ехать.

— Обязательно приезжай ко мне в гости! — сказал он Вруше.

— Конечно, приеду! — ответил тот. А ведь мы знаем, что Вруша всегда врал...

Кроме канистр с молоком и сметаной, необходимых для заправки, Вруша нанес в машину еще целую кучу продуктов. У него сегодня с самого утра потели мочки ушей и ногти так и чесались — а это был верный признак того, что пришло время «закинуть вралинку».

— Тут сыр, — показал он на плетеную корзинку, закрытую тряпкой, в которой на самом деле лежала четвертинка крутого куриного желтка. — А здесь бутылка с вишневым соком — смотри не разбей.

(Сок-то, на самом деле, был клубничный).

— В мешке огуречный и помидорный кружочки — там складной ножик есть, чтоб нарезать. Еще пюре из печеной морковки. Я его в фольгу завернул, чтоб не остыло.

По-настоящему в фольге было не морковное, а картофельное пюре. И никаких огуречных и помидорных кружочков с ножом, а вместо них в мешке помещалась огромная банка с нарезанной шляпкой маринованного гриба-лисички. Всем этим Вруша до отказа забил багажник молокомобиля.

И зачем Вруше понадобилось говорить на продукты, что они одно, когда они были совсем другое? Вруша и сам не знал. Просто в нем вдруг проснулось сильное желание врать. С утра ему этого вообще всегда больше хотелось, чем после обеда. Когда он называл Никтошке совсем не те продукты, которые на самом деле лежали в сумках, ему становилось как-то легче. Вообще, можно было подумать, что Вруша собирает Никтошку в путешествие на целый месяц.

— Зачем столько продуктов? Ты ведь сказал, что два часа ехать?

— Пригодится. Соседей своих накормишь.

Вруше снова ужасно захотелось поврать. Он сам стал себе противен, но ничего поделать не мог. Если Вруша долго удерживался от вранья, у него страшно зудели колени, потели мочки ушей и чесались ногти. А когда уж соврет — становилось намного легче.

«Как же все-таки мерзко врать тому, кто тебе доверяет, — горестно думал он. — Вот Никтошка уедет, и опять вокруг никого не будет, кроме коров. Да еще и братца — моего отражения».

— Знаешь, — сказал он вдруг Никтошке. — Иногда так надоест каждый день одну и ту же возле себя рожу видеть!

— Это ты о ком? — удивился Никтошка.

— Это я о своем братике. Он ведь точная копия я.

Тут Вруша сказал правду, но тут же добавил:

— Только все время врет.

— Значит, кроме вас двоих тут, больше никого нет?

— Только коровы.

— Ну так приезжай к нам. У нас в доме места много — можешь жить, сколько хочешь.

— А как же Мышуня и Ласточка, и Матильда, и остальные?

Этим он озадачил Никтошку. Мышуня по улице Незабудок вряд ли пройдет. Можно было бы, конечно, поселить ее на площади Свободы. Там много места. Но чем ее кормить?

— Ты прав, — сказал Никтошка. — С коровами вам в город нельзя.

— Вон, возле того столба начинается дорога, — сказал Вруша, показывая на полусгнивший столб на краю луга. — По ней езжай и никуда не сворачивай. Все время строго на север. И через час будешь в Цветограде. Ну, максимум — через три.

— Спасибо тебе, друг, — сказал Никтошка.

— Да не за что. Чего там...

Вруша смахнул слезу. Ему было тоже очень жалко расставаться с Никтошкой.

— Может, еще увидимся, — сказал Никтошка.

— Приезжай в гости, — сказал Вруша.

Никтошка зажег огонь в машине. Десять минут они стояли молча и ждали, пока молоко закипит. Наконец из-под крышки котла повалил пар.

— Ну, мне пора, — сказал Никтошка.

Они обнялись, и Вруша чуть не заплакал. Ему было страшно жалко этого людишку. Но что он мог с собой поделать?

— Погоди! — крикнул Вруша, скрываясь в доме.

Он вынес Никтошке завернутый в фольгу шоколад.

— Вот, мой брат Вруша сам делал, — сказал он. — Мы его только по праздникам едим. Два раза в году — на Новый год и на День рожденья.

— Может, не надо? — сказал Никтошка.

— Бери, бери.

Вруша всхлипнул.

— Тебе пригодится. Погрызи, знаешь, от него очень настроение улучшается.

— Ладно, — сказал Никтошка и положил шоколад в багажник. — Ну, пока!

— Пока!

Врушa отвернулся, а Никтошка нажал на пар. Молокомобиль, страшно заскрежетав, выехал со двора. Никтошка махнул высунувшимся из коровника коровам.

— М-у-у-у! — замычала Мышуня, а за ней и все остальные. Они мычали, как пароходы, которые покидают пристань, отправляясь в дальнее плавание. На самом деле отправлялся Никтошка.

Подъехав к полусгнившему столбу, Никтошка вырулил на дорогу, ведущую к Цветограду. Там он в последний раз обернулся, но Врушa уже скрылся в доме.

— Пока! — крикнул Никтошка.

Полчаса спустя, по другой дороге на ферму въехал Правдюша. Он привез лекарства для коров, новые инструменты, шланги для доильных установок, малиновую краску, чтобы покрасить коровник на зиму, и еще кучу разных нужных и полезных вещей.

Глава шестнадцатая.

ДОРОГА, ВЕДУЩАЯ В НИКУДА

Никтошка старался как можно аккуратнее рулить и плавнее нажимать на «пар». Но машину все равно ужасно дергало. Что-то бешено громыхало у нее внутри. Какие-то невидимые, но страшно сильные детали боролись друг с другом в железном брюхе молокомобиля. Казалось, они вот-вот вырвутся наружу, пробив крышку капота.

Машина то дико рвалась вперед, так что Никтошку вдавливало в сидение, то вдруг почему-то резко тормозила, и он едва не стукался носом об угол квадратного руля. «И почему только этот Солидолыч не изобрел нормальный круглый руль?» — думал Никтошка, подскакивая на сидении, словно поплавок на волнах.

Но это только так кажется, что изобрести что-нибудь просто. На самом деле, это, конечно же, совсем не так. Мы привыкли к круглым рулям, и для нас они — обычное дело. Но для Солидолыча, который изобрел самый первый автомобиль и никогда в жизни не видел руля, было не так-то легко понять, что круглый руль лучше квадратного. Вот он и не понял. Только много позже гениальный Знайка сообразил, что руль нужно сделать круглым, тогда не будешь стукаться о его углы.

Молокомобиль страшно трясло. От такой езды Никтошку быстро укачало. Он уже собрался выключить конфорку, чтобы остановиться и немного передохнуть. Но тут — видимо, сметана пролезла наконец из бака в мотор — грохот прекратился, тряска стала намного меньше и машина пошла плавнее. «Фу ты, наконец-то!» — вздохнул Никтошка.

Теперь можно было оглядеться по сторонам. Ферма давно скрылась из глаз, и только Мышунина рогатая голова еще маячила сзади, словно крест на колокольне. «Далеко уже отъехал», — подумал Никтошка. Ему очень хотелось закурить свою трубочку, но он пока не решался выпустить из рук квадратный руль — мало ли что взбредет в голову этому молочному чудовищу?

А молочное чудовище, смазав свои шестереночки свежей сметанкой, весело бежало по дорожке. С обеих ее сторон росли высокие полевые травы. Напуганные ревом мотора кузнечики упрыгивали подальше в поле. Один из них перепутал и скакнул прямо в машину, очутившись рядом с Никтошкой, на соседнем сидении.

— Привет, — осторожно поздоровался Никтошка.

Но кузнечик не ответил. Он смотрел на людишку огромными коричневыми глазами, гладкими, словно полированная дверца шкафа.

— Надеюсь, ты мне на плечи не прыгнешь? — спросил Никтошка. — А то мы оба в аварию попадем.

Когда Никтошка ходил по полям, кузнечики иногда прыгали на него и сбивали с ног. Для людишек-то кузнечик не такое уж маленькое существо. Примерно как для нас крупная собака или енот.

— Хочешь поехать со мной в Цветоград? — спросил Никтошка.

Кузнечик не поддерживал разговор. Казалось, он следит за тем, как открывается крышка котла и пенкосниматель выкидывает пенки.

— Да, интересное изобретение, — согласился Никтошка. — Я бы до такого вряд ли додумался.

Дорога почти все время шла точно на восток, лишь изредка немного заворачивая к северу.

— Странно, — сказал Никтошка. — Я-то думал, что Цветоград на юге, а мы на восток едем. Ну, Правдюша-то точно знает. Наверное, скоро повернем на юг.

А на самом деле дорога-то на юг поворачивать и не собиралась. Потому что эта дорога вела вовсе не в Цветоград. Дело в том, что Вруша, которого Никтошка ошибочно считал за Правдюшу, не удержался и наврал, указав приятелю неверное направление. Поэтому-то Вруша так и расстраивался. А Никтошка подумал, что это он из-за того, что ему жалко расставаться с ним, с Никтошкой. А на самом деле вовсе не поэтому, а потому, что Вруше самого Никтошку было жаль. Заведет его эта дорога невесть куда! Вруша и сам не знал, куда, но уж точно не в Цветоград.

«Что-то с беднягой будет?» — думал Вруша.

Погруженный в свои мысли, он не слушал брата, который рассказывал про свою поездку в город и как он там добывал коровьи лекарства, как разыскивал необходимые инструменты и прочее.

— А на площади Путешественников установили памятник Дирижаблю — представляешь? — радостно сообщил Правдюша.

— Кому? — переспросил Вруша.

— Дирижаблю.

— А кто это такой?

— А это ученый Знайка со своими людишками сделали такой огромный дирижабль, понимаешь?

— Нет.

— И полетели на нем путешествовать.

— Полетели?

— Да.

— А ты не врешь?

Правдюша обиделся:

— Я не ты. Я никогда не вру.

— Ах да, правда, я и забыл.

— Это ты у нас специалист.

— Да уж...

— Как тебе не надоест врать только?

— Ты знаешь... — задумчиво проговорил Вруша. — Иногда надоедает.

— Ну так переставай врать скорее!

— Не могу. Привычка.

— А ты отвыкни.

— Не могу.

— Почему?

— Да я пробовал не врать. Но если не совру хоть полдня, так плохо становится... ногти страшно чешутся, уши потеют, колени зудят. И еще тошнит...

— Да уж... вот до чего ты себя довел.

— Знаешь, давай не будем о грустном. Пошли, братик, лучше коров косить, травку доить... то есть, тьфу, наоборот всё!

— Ну, если наоборот, то пошли, а так — не пойду.

А Никтошка с кузнечиком тем временем все ехали и ехали по дорожке на восток. Изредка на пути встречались огромные жабы. Они сидели до самого последнего момента — когда автомобиль уже, казалось, вот-вот врежется в них. Солидолыч не изобрел для своей машины тормозов. Вместо них он сделал впереди крепкий бампер из толстого чугуна. Этот бампер должен был предохранить машину от разрушения в случае аварии. Гудка у молокомобиля тоже не было, и Никтошка кричал жабам:

— С дороги! С дороги!

Но жабы сидели, как каменные, и не обращали внимания. Они отпрыгивали в сторону, когда машина была уже так близко от них, что Никтошка в ужасе зажмуривал глаза, ожидая страшного столкновения. А кузнечик не боялся. Он сидел на своем месте, не двигаясь, и не мигая смотрел вперед. Наконец, Никтошка тоже перестал обращать на жаб внимание.

— Как ты думаешь, — спросил вдруг кузнечика Никтошка, — это всё был сон или нет? Могло так быть, что я упал с дирижабля в озеро и попал в подводное царство к царю Нептуну? А оттуда каким-то образом обратно на дирижабль, с которого меня сразу же опять выкинули?

Конечно, кузнечик не мог его понять — откуда кузнечикам знать язык людишек? Но Никтошка решил, что пусть будет понарошку, как будто кузнечик понимает.

— Значит, ничего не было? — повторил он. — Никакого подводного царства и русалок? Никакой войны с соседнегорцами?

Кузнечик не отвечал.

— Молчание — знак согласия, — сказал Никтошка. — Ты прав. Я тоже так думаю. Всё это мне просто приснилось.

Кузнечик снова не ответил. Никтошка ненадолго отпустил квадратный руль и вытащил из одного кармана трубку, а из другого — табак. В это время молокомобиль подпрыгнул на кочке, и Никтошка вылетел из него. Ремней безопасности-то в молокомобиле не было, и Никтошка был не пристегнут. Он перекувырнулся через голову и упал спиной на огромный лопух, росший возле дороги. К счастью, Никтошка ничего себе не вывихнул, а только немного поцарапал локоть колючкой репейника. Молокомобиль вместе с кузнечиком уехал дальше. Пока Никтошка слез с лопуха, пока разыскал табак и трубку — машины и след простыл.

— Эй! — закричал Никтошка неизвестно кому — автомобилю или кузнечику. — Эй!

Кузнечик не умел рулить. Пока дорога шла прямо, молокомобиль продолжал нестись вперед. Но скоро она стала поворачивать, и машина съехала вбок. На полном ходу она углубилась в травяные заросли. Когда Никтошка добежал до того места, где молокомобиль распрощался с дорогой, тот уже пыхтел где-то в далеко в поле, среди травы и пшеничных колосьев. Пытаясь догнать его, Никтошка протискивался между травяных стеблей и колосьев — а ведь они были толщиной с его руку.

Молокомобиль ревел все громче, а ехал все медленнее, потому что на колеса намоталось полно травы. Наконец он совсем застрял, и Никтошка догнал его. Он хотел взобраться в кабину и выключить конфорку, чтобы заглушить мотор. Но молокомобиль заревел так страшно, что Никтошка невольно отпрянул назад. В моторе грохнуло, и из него вырвалось ярко-оранжевое пламя. Оно подожгло сухую пшеницу вокруг. Ветер подхватил огонь.

— Ой! — закричал Никтошка. — Ой! Пожар будет! Всё поле сгорит!

Тут молокомобиль с грохотом взорвался, и Никтошка свалился ничком на землю. Все молоко, что было в котле и молочном баке, выплеснулось вверх и пролилось на землю теплым молочным дождем. Он-то и затушил огонь. Квадратный руль упал совсем рядом с Никтошкой, какая-то гайка больно ударила его по спине, а на затылок шлепнулось что-то мягкое, но тяжелое, так что Никтошка уткнулся носом прямо в землю. Молокомобиль затих.

Никтошка полежал немного, не решаясь поднять голову — вдруг еще что-нибудь взорвется? Но в поле было тихо. Замолкшие кузнечики снова начали стрекотать, пели птицы. Никтошка встал и, раздвигая траву, пошел к машине. Кабина была вся в сметане. В капоте зияла дыра, из который высовывались разные трубочки и железяки. Наверное, они были очень горячие, потому что от них валил молочный пар. Кузнечика нигде не было видно. «Упрыгал в траву», — решил Никтошка.

Глава семнадцатая.

РОЗЫСКИ

Знайка с Напильником и доктором Таблеткиным не оставляли попыток найти Никтошку. «Он с нами живет, значит, мы за него в ответе», — говорил Знайка. А Напильник предложил:

— Давайте на машине объездим окрестности Цветограда. Ведь Пустомеля его за городом в последний раз видел.

Знайка согласился. Они решили каждый день выбирать какой-нибудь участок за городом и обследовать его. Надо же было выйти такому совпадению, что они подъехали к ферме братьев ровно через два часа после того, как Никтошка ее покинул! За рулем был шофер Торопыга. В этот раз к ним присоединился еще и охотник Патрон со своим бультерьером. Когда охотник еще только обзавелся этим бультерьером, все его так прямо и звали: Бультерьер, потому что других бультерьеров в Цветограде не было. Но это слово слишком длинное, и вскоре людишки стали звать собачку охотника просто Булёк.

— Ну и грязища здесь! — сказал Таблеткин, стряхнув с белого халата дорожную пыль.

Булёк выскочил из машины прямо животом в грязь и с лаем кинулся взбираться на холм.

— Кажется, ферма какая-то, — сказал Напильник. — Вон что-то на столбе написано.

Они подъехали ближе и увидели дощечку с желтой надписью:

ВЬЯ ФЕРМА 5+1

Напильник остановился возле вывески, а доктор Таблеткин спросил:

— Что такое «вья ферма»?

— Тут не хватает нескольких букв, — предположил Знайка.

Напильник заглушил мотор и спрыгнул на землю. Хорошо, что на ногах у него были высокие резиновые сапоги, потому что грязи здесь было по колено. Патрон закинул за спину охотничье ружье и тоже прыгнул в грязь.

— Погодите-ка, а вот какие-то буквы валяются! — крикнул Патрон, заглянув за покосившийся столб.

Напильник достал вымазанные в грязи буквы К и Р. В это время до них донесся громкий гудок.

— Все ясно: КОРОВЬЯ ферма, — догадался Знайка, но его не услышали — очень гудело.

— Интересно, что это гудит? — сказал Таблеткин.

— Наверно пароход какой-то, — предположил Напильник.

— Откуда здесь пароходы — вокруг поля одни?

— Ой, еще один пароход! И Булёк на них лает.

— Да, явно два гудка гудят, — сказал Знайка. — Дальше ехать все равно нельзя, автомобиль завязнет.

— Или с пароходом столкнешься.

— А что делать?

— Надо, чтобы кто-нибудь сходил на разведку, — предложил охотник Патрон.

— Молодец, здорово придумал! — похвалил Таблеткин. — А я тут посижу. Мне нельзя пачкать халат — вдруг кому-нибудь понадобится медицинская помощь?

Знайка, Напильник, Торопыга и Патрон отправились на разведку. Увязая в грязи по колено, а иногда по пояс, они двинулись в том направлении, куда убежал Булёк и откуда слышались его лай и странные гудки. Читатели уже, наверное, догадались, что это никакие не пароходы, а гигантские коровы издавали такие звуки. Вообще-то, это были самые обычные коровы, и мычали они вполне обыкновенно. Но людишки ведь такие маленькие, всего-то с небольшой огурец, и уши у них тоже маленькие. Каждое ухо не больше землянички. Не удивительно, что таким малюсеньким ушкам простое мычание кажется страшным, словно пароходная сирена.

Пройдя шагов сто, людишки выбрались, наконец, на сухое место возле молодых кленов.

— А вон и ферма, — сказал Знайка.

Никто из них еще ни разу здесь не был. Это повар Кастрюля, который страшно любил мягкие сыры — бри и камамбер, часто заезжал к братьям. Он упросил Напильника и Молотка сделать ему большой автомобиль, чтобы туда вмещалось побольше продуктов. «Я же для всех стараюсь», — говорил он. Научившись водить, повар Кастрюля стал иногда навещать ферму и проводить там некоторое время. Возвращался он в Цветоград с машиной, набитой молочными продуктами. Чаще всего это было парное молоко в бутылках, сыры разных сортов и сметана. Но иногда, когда Кастрюля решал сесть на диету, он привозил полный багажник йогуртов. Которые съедал в один день. А уж после того, как всё съест — садился на диету.

За деревьями простирался огромный зеленый луг.

— Ой! — хором прошептали все, кроме охотника Патрона, привычного к крупным животным.

И тут же забежали за клен. А Патрон поспешно зарядил ружье.

— Вот это да! — сказал Знайка. — Я, конечно же, читал в книгах про коров, но чтобы такого размера...

На лугу, прямо возле деревьев, паслась Мышуня. Некоторое время людишки, словно загипнотизированные, стояли и смотрели, как корова открывает свой огромный рот и откусывает им пучок травы величиной с их дом на улице Незабудок.

— Если бы мы оказались в траве, она бы нас не заметила и... — не договорил Напильник.

— Лучше нам там не оказываться.

Возле Мышуни, которая своим похожим на ковш экскаватора ртом пережевывала траву, прыгал Булёк. Он громко лаял, а Мышуня не обращала на него внимания. Патрон передернул затвор и стал целиться в корову.

— Сейчас мы ее завалим, — радостно прошептал он.

— Ты что! — зашипел Знайка, отводя Патроново ружье. — Я тебе завалю! С ума, что ли, сошел?

— А что? В ней знаешь сколько мяса, на полгода хватит!

— Это чужая корова, ясно тебе? Она не для того, чтобы охотиться, а для того, чтобы молоко давать! Она, может, пол-Цветограда поит.

— А может, это у нас самооборона? — хитро подмигнул Патрон. — Может, она на нас напала?

— Я те нападу.

И, треснув для пущей убедительности Патрона по голове, Знайка отнял у него ружье:

— Потом отдам, когда немного остынешь.

Что-то корова была слишком уж близко, и Торопыга решил на всякий случай отойти подальше. Не сводя глаз с жующей Мышуни, он отходил все правее, туда, где росло соседнее дерево. Но стоило Торопыге дотронуться до его ствола, как дерево дернулось и сделало шаг в сторону. Оно оказалось коровьей ногой. Торопыга схватился за уши, потому что над головой его раздалось оглушительное «Мууууууууууууууу!» Он в ужасе поднял голову и увидел, что откуда-то сверху к нему спускается громадная коровья морда, которая смотрит на него своими огромными глазами и дышит огромными ноздрями.

Шофер Торопыга не помнил, как он пробежал кленовый перелесок и как прокатился по склону холма. Напильник и Знайка догнали его, когда он уже выползал из грязи, вцепившись в дверцу машины. Все тяжело дышали, а Торопыга еще и икал. Только храбрый Патрон медленно пятился ползком по склону, не переставая целиться из ружья, которое Знайка выронил на бегу, а Патрон подобрал.

А Таблеткин никого не замечал. Он стоял на капоте машины в развевающемся от ветра халате. Раскинув руки, доктор вдыхал полной грудью свежий деревенский воздух.

— Эх, что за грязища, и какой чистый воздух! — сказал он. — Рядом с такими широкими полями и необъятными лесами, мы, по идее, должны бы быть великанами. А мы такие маленькие...

— Маленькие, да удаленькие, — перебил Напильник. — Тут какие-то неизвестно чьи коровы пасутся. Кажется, мы куда-то не туда заехали. Наверно, нужно отсюда уезжать.

— Да что там коровы! — потянулся Таблеткин, скрипя затекшими суставами.

Он надел свои походные резиновые сапоги.

— Пошли! — сказал он. — Мы у них сейчас всё про Никтошку узнаем.

— У коров?

— У людишек! Коровы одни, сами по себе не бывают.

— Ка-ка-ка-ка-жется, бы-бы-вают, — возразил Торопыга.

Но в это время послышался шум мотора и на пригорке показался трактор в форме лодки. Возле кабины у него торчала длинная мачта. Парус на ней был спущен, а наверху развевался пятнистый флаг. За штурвалом сидел людишка. Он подъехал к горожанам и заглушил мотор. На людишке была матросская тельняшка и брюки клёш. На голове — бескозырка с лентами и с надписью: КОРОВЬЯ ФЕРМА 5+1.

— Вот тебе и пароходы! — свистнул Напильник.

— Привет морякам! — закричал охотник Патрон, а Булёк залаял.

— Привет! Только мы не моряки, а фермеры.

— А чего же в бескозырках?

— А чтобы было прикольнее!

— А, ну тогда всё понятно!

— Садитесь! Дальше на вашей машине не проедешь, нужно на тракторе!

Торопыга первым прыгнул в трактор и на всякий случай занял место посередине. Чтобы, если что, коровы до него не сразу добрались. Остальные тоже погрузились в трактор. Трактор поднялся на пригорок и поехал среди кленов прямо к лугу, на котором паслись Мышуня, Ласточка и остальные.

— Эй! Мы что через коров поедем? — нервно спросил Торопыга.

— Как это — через коров? — не понял людишка.

— Но мы же едем прямо на них!

— Не волнуйся! Они трактора не боятся, давно привыкли.

И, выехав на траву, людишка направил машину прямо под Мышуню. Торопыга в ужасе зажмурил глаза и сполз вниз, под сидение.

— Ка-а-кое вымя! — восхищенно проговорил Таблеткин. — Из такого вымени можно всю улицу Незабудок напоить.

— Больше нашей водонапорной башни, — прикинул Знайка.

— Так мы весь ваш Цветоград и поим, — сказал людишка.

— А, так это с вашей фермы недавно к нам молокопровод проложили?

— Ну да. Это инженеры из Солнцеграда его спроектировали.

— Как жаль, что я в этом не участвовал, — огорчился Знайка.

— Это пока вы на дирижабле куда-то летали, вам молокопровод построили.

— Я бы очень хотел у вас тут всё осмотреть.

— У нас мало времени, — сказал Таблеткин. — В семь часов я должен быть дома. У меня операция. У нас один людишка аппендицитом заболел. Нужно срочно вырезать. Он с утра наелся антибиотиков и теперь ждет, когда я его начну оперировать.

— Ну, тогда мы сюда обязательно еще раз приедем, — сказал Знайка. — После того, как Никтошку найдем.

Когда въехали на ферму, стало понятно, почему трактор в форме лодки. В некоторых местах было так глубоко, что колеса не доставали до дна и трактору приходилось плыть по грязи. Для этого у него за кормой был специальный винт. Сзади, на кабине, на всякий случай висел спасательный круг и было прикреплено весло.

— Интересная конструкция, — похвалил Знайка.

— А что если трава на винт намотается — как же он будет работать? — обратился Напильник к матросу-фермеру.

— Никак. Остановится.

— И как же тогда ехать? То есть, плыть по этой грязи?

— А парус на что?

Наконец подъехали к дому. Дом был огромный, словно здесь жили великаны. И немного кривой.

Одно окно кривое вправо, другое — влево. Третье — не прямоугольное, не квадратное — непонятно какое.

— Интересно, почему труба не вверх, а вбок? — спросил Напильник.

— Так прочищать удобней, — отозвался фермер.

— А...

— У вас тут, что, ураган был? — спросил Знайка.

— Нет, урагана не было.

— А почему же всё такое косое?

— А у нас с братом глазомер плохой.

— А вы, что, всё глазомером меряете? — удивился Напильник.

— А так быстрее, — сказал людишка.

Трактор остановился. Грязи во дворе оказалось почему-то больше, чем в поле. Тут ее было не по колено и не по пояс, а по уши. Трактор плавал вовсю.

— Как же мы выйдем? — забеспокоился доктор Таблеткин.

— Не волнуйтесь, сейчас я спущу трап, — сказал фермер. — Я знаю, что городские людишки любят чистоту.

Он спрыгнул с трактора прямо в грязь. Это был очень высокий людишка, и грязь ему доходила не до ушей, а только до плеч. Он взял широкую доску и одним концом приставил к кабине трактора, а другим — к крыльцу дома. Знайка, Напильник, Торопыга, доктор Таблеткин и охотник Патрон осторожно прошли по трапу. За ними побежал Булёк, но соскользнул и влип в грязь. Булёк громко лаял, но от этого увязал всё глубже.

— Скорее спасательный круг! — закричал Патрон не своим голосом. — Он же захлебнется!

— Спокойно! Всё под контролем, — послышалось из окна.

Другой моряк-фермер, как две капли воды похожий на первого, высунул из окна удочку с привязанным к леске спасательным кругом. Бультерьер, уже увязший так, что только нос и глаза торчали из грязи, вцепился в спасательный круг. У этого пса была мертвая хватка, и таща вдвоем за удочку, братья выволокли его из грязи.

— Держи его скорее, чтоб не начал отряхиваться! — кричал Таблеткин. — А то он мне весь белый халат забрызгает грязью!

Но было уже поздно. Булёк стал отряхиваться, как это делают все собаки, и крепко заляпал халат доктора. А также одежду и лица всех остальных людишек.

— Это ничего! — сказал первый фермер, открывая дверь и впуская гостей в дом. — Наша грязь экологически чистая, даже полезная. У нас, как сами видите, никакого химического загрязнения нет. Одни коровы!

— И все же, — пробормотал Таблеткин, протирая пенсне.

Глава восемнадцатая.

КРАПИВНЫЙ ТУПИК

Никтошка всё бродил вокруг взорванного автомобиля и никак не мог понять, что ему делать. Голова как-то не хотела работать и придумывать — что же дальше. Наконец Никтошка почувствовал, что он очень голодный. Попытался открыть багажник, в который добрый Правдюша сложил кучу разной еды. Но, видимо, от взрыва, багажник как-то весь смялся, и крышка не открывалась. Никтошка дергал ручку изо всех сил, но молокомобиль был крепкий, как скала.

Да, жалко. Там и вареное яйцо, и картошка, и помидоры, и хлеб, и даже шоколад был. Никтошка по очереди перебрал в мыслях все эти съедобные вещи. Он отвернулся от машины и посмотрел в поле. Голова еле поворачивалась, такая была тяжелая. Словно на ней лежал сверху какой-то камень.

Никтошка вспомнил, что на заднем сидении лежат две запасные канистры: одна — с молоком, другая — со сметаной, и залез в машину. Там была только одна канистра. Никтошка отвинтил крышку — молоко. Налить его было не во что, и Никтошка с трудом поднял тяжеленную канистру, чтобы напиться прямо из горлышка. Но сделав большой глоток, он почувствовал, что молоко кислое, и едва не подавился. Горлышко канистры выскочило изо рта, и кислое молоко полилось ему за шиворот. Фу, какая гадость!

Но как же так, ведь он же сам налил в эту канистру молоко прямо из-под Мышуни! Правдюша стоял на высокой лестнице и держал шланг у Мышуниного вымени, а другой конец шланга Никтошка засунул в горлышко. Не могла же Мышуня давать кислое молоко? «Может, она болеет, и от этого у нее молоко кислое?» — предположил Никтошка. Он не знал, что от сильного удара или сотрясения молоко обычно скисает. Мышуня тут была совершенно ни при чем — молоко скисло от взрыва.

От голода, а может быть, от взрыва у Никтошки болела голова. Она вообще была такая тяжелая, что он с трудом носил ее. Шея не поворачивалась. Казалось, она вот-вот согнется пополам, и голова покатится на землю. «Все ясно, — пробормотал Никтошка, — меня контузило». Никтошка так устал носить свою голову, что встал на четвереньки и хотел уже уткнуться лбом в землю, чтобы хоть немножечко отдохнуть. Но тут перед его глазами оказалась ямка, наполненная чистой дождевой водой. Ночью был дождь, а вода еще не успела высохнуть. Никтошка, конечно же, знал, что нельзя пить воду из ямок. В худшем случае от этого можно даже козленком стать. Но ему очень хотелось пить. И тут он увидел свое отражение.

У Вруши с Правдюшей в доме не было ни одного зеркала. Братья в зеркала не смотрелись. Какой смысл? Хочешь увидеть себя — посмотри на брата, он и есть твое отражение. Так что Никтошка давно себя не видел.

«Ничего себе! Неужели это я?» Из лужи на него смотрело какое-то страшно худое, черное существо с торчащими в разные стороны волосами, густо смазанными чем-то очень жирным и белым. Несомненно, это была сметана. На голове у существа возвышалась гора этого съедобного продукта — целая сметанная башня, склоненная немного набок.

— Вилка, как же это я так закоптился? — спросил Никтошка своего мысленного друга. — Да вообще, это же разве я?

— Это ты, — ответил Вилка.

В животе стояла такая голодуха... Правой рукой Никтошка снял с головы половину сметанной башни и запихнул себе в рот. О-о-о-о! Как это было приятно!

— Здорово пахнет, правда, Вилка?

— О да! — отозвался Вилка.

Быстро проглотив верхушку, Никтошка запустил пальцы в основание сметанного здания и уничтожил его. Голове сильно полегчало. Она даже перестала болеть. Никтошка покрутил шеей, помотал головой. Шея прекрасно крутилась, а голова легко моталась. Оказывается, это его не контузило, а всё дело в сметане.

Не только Никтошкина голова, но и весь он — с ног и до этой самой головы — был вымазан в сметане.

— Словно булка, которой собираются позавтракать, — сказал Никтошка Вилке.

— Вот ты теперь сам собой и позавтракаешь, — сказал Вилка.

Я тут подумал и решил: не буду описывать все несчастья, которые свалились на голову Никтошки. Иначе вместо «Приключений Никтошки» эту книжку нужно было бы назвать «Злоключения Никтошки». Упомяну только, что оставив взорванный автомобиль, он пошел дальше по той же дорожке. Он долго по ней шел, а дорожка всё сужалась, пока не исчезла совсем. Так уж получилось, что зашел Никтошка в глухое место. Вместо травы и пшеницы тут росла крапива, разбавленная репейником и чертополохом. К тому же стемнело, да и ветер сильный поднялся. Холодно стало...

Ну, бывает ведь в жизни, что не везет. Вот Никтошке и не повезло. Попал, так сказать, в безвыходное положение. И он еще все никак не мог понять, как это у него так получилось. Ведь Правдюша всё точно сказал: по этой дороге поедешь — через два часа будешь в Цветограде. А вместо Цветограда — одна крапива. Уже совсем в темноте Никтошка сел на мокрую землю и закурил свою трубку.

Глава девятнадцатая.

А ГДЕ ЖЕ НИКТОКША?

В доме оказалась всего только одна комната. Зато очень большая. И тоже слегка кривоватая. Хотя из-за того, что потолки высокие, не так было заметно, что в одном месте они ниже, а в другом — выше. Пол в некоторых местах поднимался, в других — опускался, так что, ходя по дому, можно было вообразить, будто ты плывешь по волнам. Этому соответствовала и обстановка. Напротив входа висел портрет капитана Немо. Повсюду были развешены карты морей и островов. Возле каждого окна висел спасательный круг, словно за окном сразу начиналась вода.

— Здорово сделали! — похвалил Напильник, крутанув штурвал на капитанском мостике, слегка, впрочем, кривоватом.

Людишки с интересом разглядывали помещение. Вдоль кривых стен стояла мебель, видимо, тоже сработанная фермерами, потому что она тоже была кривая. А стол на кухне все время качался, поскольку одна ножка у него была короче других трех, а из тех трех, что подлиннее, одна все-таки короче оставшихся двух. Да и эти обе разной длины. В общем, стол сильно качался. Особенно, если на него что-нибудь ставили или облокачивались. «Но это ничего, — сказал гостям один из фермеров. — Надо просто быть внимательным, и ничего не упадет. Вы скоро привыкнете!»

— Спасибо, что пригласили нас обедать, — сказал Знайка, когда все расселись по колченогим стульям. — Давайте знакомиться!

— Давайте.

Ученый поправил очки.

— Я — Знайка, а это мои помощники: доктор Таблеткин, слесарь Напильник, шофер Торопыга, охотник Патрон и его собака Булёк.

«Хм... вообще-то, я не помощник... я и сам по себе» — пробормотал Таблеткин, покачиваясь на кривом стуле.

— Правдюша! — хором представились братья.

И тут же укоризненно посмотрели друг на друга.

— Ты опять? — одновременно сказали они.

— Правдюша — это что, их обоих так зовут? — спросил Торопыга.

— Нет, это меня так зовут, — сказал один из братьев. — А его зовут Вруша.

Напильник удивленно почесал голову.

— Нет, ну это просто наглость какая-то! — возмутился другой брат. — Правдюша — это я! А он — Вруша!

— Сам ты Вруша!

— Нет ты!!

— Нет ты!!!

Они кричали всё громче, так что Знайке тоже пришлось возвысить голос:

— Уважаемые хозяева! Если гости вам надоели, мы можем уйти!

И он встал со своего стула.

— Нет, что вы, что вы! — испугались братья. — Наоборот, мы вам очень рады.

— К нам редко людишки заходят.

— Да, знаете, здесь такое глухое место. Никого, кроме коров...

— Пожалуйста, гостите у нас сколько хотите — чем дольше, тем лучше, — упрашивал брат, сидевший справа. — Видишь, что ты наделал? — сказал он левому. — Из-за тебя они собрались уходить.

— Нет, это из-за тебя, потому что ты беспрерывно врешь! Даже при гостях не можешь остановиться. Никого не стесняешься!

— Я-то как раз говорю всегда одну только правду — есть гости или нет. А вот ты только и ждешь, когда кто-нибудь придет, чтобы его обмануть. Из-за тебя на меня падает тень.

— Нет, это из-за тебя на меня падает тень.

— Нет из-за тебя!

— Нет из-за тебя!!

Брат стукнул кулаком по столу.

— Из-за тебя у нас в доме вся мебель кривая! Потому что, когда я тебя прошу что-нибудь измерить, ты все время врешь!

— Нет ты врешь! — стукнул кулаком другой брат. — Когда я тебе измеряю, ты нарочно врешь и отпиливаешь совсем не столько, сколько я намерил!

— Нет ты!

— Нет ты!!

Спор разгорался всё сильнее. Знайка снова поднялся.

— Так, значит, это те самые два брата-близнеца Вруша и Правдюша?

— Что-то я про них уже слышал, — сказал Напильник.

— Наверно, то, что один всегда говорит только правду (при этом оба брата сказали: «Я!»), а другой всегда врет, — в эту секунду оба показали друг на друга пальцем и крикнули: «Он»!

— Как же ты мне надоел! — топнул ногой близнец слева, вставая.

— Нет, это *ты* мне как надоел! — Правый брат схватился за голову и тоже вскочил.

— Ты больше!

— Нет, это ты больше!

— Видеть тебя не могу!

— А я тебя и видеть, и слышать!

— А я...

Остальные людишки тоже уже встали, а Торопыга, неудачно отодвинувший кривой стул, с грохотом полетел на пол. Фермеры озадаченно посмотрели на упавшего гостя.

— Значит, у вас все столы и стулья качаются потому, что договориться не можете? — спросил их Знайка, чтобы перевести разговор на другую тему.

Братья помогли Торопыге подняться.

— Не совсем так, — сказал брат, который помогал Торопыге справа.

— Совсем не так, — сказал помогавший слева.

— Это потому всё качается, что как на море, — объяснил правый.

— Очень мы море любим, — добавил левый.

— А вы там были? — поинтересовался Напильник.

— Пока нет, но много о нем читали.

— Надеемся побывать.

Тут стоящий на плите грибной суп с фрикадельками как раз закипел, и крышка на нем стала подпрыгивать. По кухне распространился такой аппетитный запах, что и у городских людишек, и у обоих фермеров потекли слюнки. Знайка с товарищами от свежего деревенского воздуха, а братья от тяжелой работы в поле — сильно проголодались.

— Давайте же будем скорее есть! — забыв о приличиях, воскликнул нетерпеливый Торопыга.

Братья бросились угощать своих голодных гостей. Один вытащил из буфета здоровенные глубокие тарелки, другой взял громадный половник, похожий на совковую лопату, и стал разливать суп. Даже посуда в этом доме была огромная.

За окном раздалось громкое мычание коровы. Она промычала три раза и замолкла.

— Это она как раз обеденный сигнал подает, — пояснил один из близнецов.

— Самое время обеда, — сказал другой.

Некоторое время городские людишки молча и торопливо ели — так проголодались. Фермеры ели тоже молча, но медленно. Они не спеша отламывали от огромных хлебных булок большие куски и отправляли в рот. Заедали хлеб супом и долго жевали. Бульку налили в миску и разбавили суп водой — чтобы не обжегся. Булёк лакал в бешеном темпе, и язык его крутился, словно пропеллер.

— О... что за фрикадельки! Какой вкусный суп! — радостно бормотал охотник Патрон, набивая рот суповой гущей.

— Вкусный, вкусный-превкусный! — нахваливал слесарь Напильник, закусывая хлебной горбушкой.

— Вкуснятина! — разбрызгивая капустные ниточки, поддакивал шофер Торопыга.

Он так спешил, что целых два раза подавился. Первый раз один из братьев стукнул его по спине, и кусок гриба вылетел из Торопыгиного горла. Правда, Торопыга при этом тоже отлетел к печке. А второй раз пришлось обоим братьям взять его за ноги, перевернуть вниз головой и как следует потрясти. Доктор Таблеткин дал им такую команду, когда увидел, что забыл чемоданчик с инструментами в машине. Из Торопыги вылетела застрявшая в нем картошка. Когда Торопыгу перевернули обратно, он уже хотел было снова накинуться на суп, но Знайка молча взял его тарелку и вылил в раковину.

— Хватит, — сказал он.

Торопыга обиделся, но никто не обратил на это внимания. Все, кроме него, сосредоточенно хлебали суп, погруженные в себя. Наконец наелись. Слесарь Напильник, поглаживая полный живот, откинулся на спинку кривого стула, из которого в некоторых местах торчали занозы.

«Наверно, один спросил: «Ты сострогал занозы?», а другой ответил: «Сострогал», а сам не сострогал — так занозы и остались», — подумал Напильник.

— Хорошо пошло, — сказал брат, сидевший справа.

— Совсем не плохо, — согласился левый брат.

Поев, Знайка перешел к делу.

— Не появлялся ли у вас, случайно, один людишка? — спросил он братьев.

— Людишка? — переспросили они.

— Людишка.

— Не появлялся, — ответил левый брат, а правый спросил:

— А как он выглядел?

— В синем шарфике. Маленький такой.

— В синем шарфике?

— Да.

— Незаметный?

— Незаметный, точно! — обрадовался Напильник.

— Может, мы его не заметили? — предположил правый брат.

— Нет, такого у нас здесь не было, — сказал левый.

— А какой у вас был?

— Последнее время никакого. Только вы.

— А раньше?

— Ну, раньше приезжали всякие. Вот этот, как его там? — левый брат повернулся к правому, — квадратненький такой, кругленький...

— Кастрюля! — подсказал правый.

— Точно, Кастрюля, повар! Он так сыр любит. Я все думаю: куда в него столько жидкого сыра бри влезает? Один раз целый круг съел. Вот такой! — и брат вытянул руки в стороны, показывая огромный круг. — Я думал, ему плохо будет, а он ничего — еще и заел миской сметаны, потом выпил ведро парного молока, закусил тарелкой творога с сахаром, а потом еще пироги с капустой...

— А людишка по имени Никтошка к вам не приходил? — прервал его Знайка.

— Как ты сказал? Никтошка?

— Да.

— Нет. Такого у нас не было. Ты не видел? — обратился он к брату.

— Нет, я не видел.

— И я не видел.

— Такой к нам не забредал.

— Ну, тогда нам пора, — сказал Торопыга и встал из-за стола.

— Что, уже уходите?

— Мне на операцию скоро, — сказал Таблеткин.

Но в это время случилось одно непредвиденной происшествие. С улицы донесся страшный визг и дикое хрюканье, а затем какое-то бешеное кудахтанье одновременно нескольких кур. Потом «ку-ка-ре-ку» — три раза.

Братья сорвались со своих мест и кинулись во двор.

— Что случилось? — крикнул им вдогонку Знайка, а один из братьев остановился в дверях и, замахав на него руками, сказал:

— Не вздумайте выходить — это наш Свинохряк опять взбесился. У него бывает — он с разбегу врубается в курятник и... может кого хочешь своим рылом прободать. Мы сейчас его трактором ловить будем.

И, захлопнув дверь, прыгнул с крыльца прямо в грязь. Городские людишки прильнули к окнам и смотрели, как братья пытаются поймать сошедшего с ума поросенка, которого братья-фермеры ласково звали Свинохряком. Он носился по двору, как ракета, круша всё на своем пути. Конечно, поросенок меньше коровы, но все же для маленьких людишек он — примерно как для нас слон. Представьте себе бешено скачущего слона, который, не разбирая дороги, проносится то туда, то сюда, расшвыривая все на своем пути. Из-под его копыт летели забытые братьями лопаты, ведра, шланги для полива, кормушки для куриц вместе с зерном и, конечно же, непролазная грязь.

Поросенок прорезал двор из конца в конец, везде натыкаясь на забор. К счастью, а может быть, и к несчастью, двор был обнесен очень крепким забором, который ему пробить не удавалось. Наверное, если бы поросенок смог вырваться на волю, он бы, отмахав километров двадцать, вернулся на ферму успокоившимся. Но каждый раз отражаясь от заборов, как бильярдный шар, он становился все свирепее и с истошным визгом летел дальше. Несколько раз он, не вписавшись в поворот, влетал боком в стену дома. Городские людишки, в страхе наблюдавшие за свирепым зверем, отлетали от окон на середину кухни. Со стен падали развешенные на них половники, медные тазы и сковородки. Куры, оставив разломанный курятник, в ужасе сбились в кучу возле доильного аппарата. Но иногда поросенок пробегал сквозь эту кучу, и в воздухе вырастала гора перьев, словно кто-то вспорол подушку.

Чтобы поймать поросенка, братья разделились. Один управлял коровами, другой — трактором. Трактор ревел, коровы мычали. То трактор ехал за поросенком, то поросенок бежал за трактором. Наконец, перегородив двор коровами, им удалось загнать поросенка трактором в угол, куда братья предварительно налили жидкого цемента. Пока носились по двору, цемент наполовину застыл.

Поросенок завяз в нем и уже не мог выбраться. Зато он стал так дико визжать и хрюкать, что несмотря на закрытые окна, Знайке и другим малянцам пришлось заткнуть уши. Время от времени поросенок делал отчаянные попытки выпрыгнуть из цемента. Это ему почти удавалась, но только каждый раз какая-нибудь из его четырех ног все же не отлипала. Эх, не везло ему! Наконец поросенок окончательно влип. Братья отошли в дальний угол двора и дали ему как следует нахрюкаться. После чего связали, вытащили с помощью подъемного крана — Мышуни из бетона и потащили трактором в хлев.

Пока братья возились с бедным сумасшедшим, делали ему укол, ставили компресс и мерили температуру, слесарь Напильник подобрал с пола посуду и развесил обратно по стенам. Торопыга вытер разлившийся по столу суп.

— Да. Забавные эти братья, правда? — рассмеялся Таблеткин.

— Жизнь у них, конечно, нелегкая, — посочувствовал Патрон. — Интересно, почему они не держат этого кабана на цепи?

— Смешно они так ругаются друг с другом, — сказал Торопыга. — Жаль, Никтошка и здесь не появлялся.

Знайка, вперив взгляд в стол, задумчиво крошил большую хлебную краюху. Вся скатерть возле него была усеяна крошками. Наконец он поднял глаза на товарищей.

— Что-то тут не так, — произнес он.

— Как это «не так»?

— А вот так это. Не могут оба брата говорить одно и тоже.

— Это ты про что? — спросил Торопыга.

— Про Никтошку. Если Правдюша говорит, что не видел его — то так оно и есть. Но дело в том, что и Вруша утверждает то же самое.

— Ну и что? — не понял Напильник. — Мы ведь все равно не знаем, кто из них Правдюша, а кто нет.

— А это и не важно.

— То есть как это? — удивился Патрон. — Кому же из них верить, если не известно, кто говорит правду, а кто врет?

— Попробуйте рассуждать логически.

— Ой, Знайка, опять ты со своей логикой! Не всегда нужно всё продумывать да просчитывать. Иногда надо просто верить собственной интуиции. Это я тебе как охотник говорю.

— И что же говорит тебе твоя интуиция?

— То, что Никтошки здесь нет и никогда не было.

— Правда, Знайка! Если бы Никтошка тут был, мы бы его давно нашли!

— Честно говоря, таким образом никого не найдешь. Мало ли куда этому Никтошке взбрело в голову забрести? Может, он сейчас вообще за пятнадцать километров отсюда? Например, в Шоколадгороде?

— Давайте уже поедем отсюда, — предложил Торопыга. — Может, успеем еще куда-нибудь заехать и Никтошку поискать, а то уже скоро вечер и, кажется, дождь собирается.

— Хорошо, может быть, вы правы. Мы очень скоро поедем, только позвольте мне все же составить цепь логических рассуждений.

Знайка оглянулся на дверь. Из хлева все еще доносились взволнованные голоса братьев и печальное хрюканье смирившегося поросенка.

— Допустим, охотничья интуиция Патрона его не обманывает и Никтошки здесь никогда не было. Тогда Правдюша скажет, что его не было, но Вруша будет врать и говорить, что он был. Ведь Вруша всегда врет!

— Нет, но как же это? — удивился Напильник. — По твоей логике, если Никтошка тут был, то Правдюша скажет, что он был, а Вруша, что нет — а они оба говорят, что нет... Ничего не понимаю!

— Грош цена этой логике, — сказал Торопыга. — Поедем, а?

— А по-моему, логика здесь вообще не применима, — сказал Патрон и так зевнул, что у него чуть не свело челюсть. — Вы не будете возражать, если мы с Бульком ненадолго приляжем вон на том диванчике?

— Да погодите вы, — сказал Знайка. — А что если только один из братьев видел Никтошку, а второй — нет?

— То есть как?

— А вот так!

— Ну и что?

— Допустим, Никтошку видел Правдюша, а Вруша не видел. Тогда Правдюша будет говорить, что видел, потому что он всегда говорит правду. А Вруша тоже будет говорить, что видел, потому что, хоть он Никтошку и не видел, но он ведь всегда врет, значит, будет говорить, что видел.

— Ничего не понимаю, — зевнул Патрон. — Тот видел, этот не видел, а говорит, что видел, — ерунда какая-то. У меня от вашей логики в голове уже такая путаница. Вот если бы Никтошка был уткой, я бы давно его уже подстрелил.

— Ну зачем же так жестоко? — возразил Напильник.

— Пойди его сначала найди, — заметил Торопыга.

Погладив ружье, охотник задумчиво прицелился в графин.

— Вы поняли или нет, о чем я вам толкую? — сказал Знайка. — Соображайте быстрее, а то братья скоро придут, а мы так ничего и не придумаем. Еще раз повторяю: если бы Никтошку видел только Правдюша, оба брата говорили бы, что они его видели.

— Но ведь оба говорят как раз наоборот!

— Вот именно! Предположим теперь, что наоборот: Никтошку видел только Вруша, а Правдюша его вообще не встречал.

— Ну и что?

— А то, что Правдюша, поскольку он Никтошку не видел, будет говорить, что он его не видел. А Вруша, который его видел, будет тоже говорить, что не видел.

— Почему?

— Потому что Вруша всегда врет!

— Ну и что?!

— А то, что оба они и говорят, что Никтошку не видели! Значит, используя нашу логическую цепь, делаем два логических вывода. Во-первых, Никтошка здесь был. Во-вторых, его видел Вруша, а Правдюша его не видел.

— Значит, Никтошка здесь был?! — воскликнул Торопыга

— Да тише ты! — зашипел на него Знайка. — Разве ты не понимаешь, что если Вруша узнает, что мы знаем, что он врет, что он не видел Никтошку, то он *так* станет врать, что мы вообще ничего не сможем узнать!

— Это почему же? — спросил вконец запутавшийся Торопыга.

— А потому, что пока он врет просто так, а если узнает — будет врать с целью.

— А-а-а. Ну, тогда понятно.

— А что же делать?

— Может, я ему укол сделаю?

— Так ведь аптечка твоя осталась в машине.

— Точно, забыл! — хлопнул себя по голове Таблеткин.

Тут в сенях раздался шум, и оба брата ввалились в кухню. На их тельняшках от грязи не было видно полос. Грязь крупными комьями висела на брюках клёш и бескозырках.

— Ну как ваш свинёнок?

— А... порядок! Сделали ему три укола успокоительного. Храпит без задних ног.

— И часто у него такое случается?

— Да нет, не очень.

— А чего же вы его на цепи не держите?

— Ну... это какое-то зверство, — сказал один из братьев, а другой добавил:

— У нас тут гуманная ферма, а не концлагерь. Все построено на доверии.

— Животные свободно гуляют, — сказал первый.

Знайка оглядел обоих братьев. Они были просто невероятно похожи друг на друга. Он встал и подошел к тому, что стоял правее.

— Можно сказать тебе несколько слов наедине?

— Конечно, — удивился брат. — Пошли!

— А зачем тебе? — спросил другой брат.

— Ну какая тебе разница? — сказал ему первый. — Хочет людишка меня о чем-то спросить.

И они вышли в сени, а оттуда на двор. Перед крыльцом плавал плот, и брат смело шагнул на него.

— Прыгай! — предложил он Знайке. — Не бойся! Он устойчивый. Не стоять же в грязи по уши?

Знайка встал на плоту рядом с братом. Погода явно начала портиться. Хотя было еще только три часа дня, но уже совсем стемнело. В небе собрались огромные серые тучи — вот-вот ливанет дождь. Знайка оглянулся на громадные коровьи морды, смотревшие на них из хлева.

— Неужели вы им доверяете? — спросил он, кивнув на коров.

— Конечно! — удивился брат, — а как же иначе? У нас с ними дружба и взаимопомощь. Мы их кормим, чистим, поим, а они нам дают молоко. И помогают, если надо что-нибудь тяжелое куда-нибудь подвинуть. Например, трактор из грязи вытащить.

Знайка отломал травинку, росшую между ступенек крыльца.

— Если к вам придет наш людишка... — сказал Знайка, кусая травинку и задумчиво глядя в глаза фермеру. — Допустим, к вам придет Никтошка и спросит у тебя: «Ты Правдюша?»

— И что?

— Что ты ему ответишь? — спросил Знайка, разгрызая сочную травинку.

Брату на щеку упала огромная капля дождя и потекла за воротник. Брат поглядел на небо, немного подумал и сказал:

— Я отвечу, как есть. Что я — Правдюша.

— Спасибо! — быстро сказал Знайка и, оставив фермера, пошел в дом.

Там он подошел к другому брату.

— Если к вам придет наш друг Никтошка и спросит: «Ты Правдюша?» — ты ему что ответишь?

Знайка спросил так быстро, что брат невольно стал так же быстро отвечать.

— Скажу, что, конечно же, НЕТ. То есть, тьфу! Конечно же, скажу: ДА! Ведь я Правдюша!

Знайка сделал вид, что очень удивился.

— Скажешь ДА? Ты правду сейчас говоришь?

— Нет, что я говорю. Какую правду? Я всегда говорю правду! Конечно же, я скажу НЕТ. Тьфу, ты меня совсем запутал!

— Напильник с Патроном, ну-ка подойдите сюда! — громко позвал Знайка. — Всё ясно. Возьмите этого людишку и никуда его не выпускайте. Это и есть Вруша, он все время врет. А вот это, — Знайка показал на входящего в дом другого брата, — вот это честный малянец по имени Правдюша.

— Какой такой Правдюша? Я — Правдюша! — пробовал протестовать брат, которого слесарь и охотник уже крепко держали за руки.

— Никакой ты не Правдюша, — спокойно возразил Знайка. — Когда я твоего брата спросил, что он ответит Никтошке, если тот его спросит: «Ты Правдюша?», то он мне ответил: ДА. А ты вначале ответил, что скажешь НЕТ, потом сказал, что ответишь ДА, потом опять — НЕТ. Ты и есть Вруша. Если тебя Никтошка спросит, Правдюша ли ты — ты ему скажешь ДА, потому что ты на самом деле не Правдюша, но ты все время врешь. То есть, Никтошке ты ответишь ДА. Но когда я тебя спросил, что ты ответишь Никтошке, ты мне сказал НЕТ, потому что ты и в этот раз соврал. Ты ему скажешь ДА, но мне ты соврал, что скажешь НЕТ. Вот ты и попался!

— Ребята! Надеюсь, теперь-то вы мне верите! — стал объяснять настоящий Правдюша. — Я тут не был две недели. Ездил в Цветоград за лекарствами для коров. И только сегодня утром вернулся. Может быть, этот Никтошка приходил как раз, когда меня не было?

— Да ты тут не при чем! — сказал Патрон. — Вот кто во всем виноват! — и он ткнул пальцем во Врушу. — Вот этот! Пока его честный брат ездил в город, здесь был Никтошка — это теперь всем ясно.

— Хватит отпираться, Враша! — наступали Напильник с Торопыгой.

— А не скажешь — мы на тебя нашу собаку натравим! — пригрозил Патрон. — Ну-ка, Булёк, иди сюда!

В противоположность другим собакам своей породы, бультерьер Булёк был очень добрым и абсолютно безобидным существом. Он даже пугать не умел.

— Булёк, поди сюда, кому говорю! — снова позвал Патрон.

Булёк подошел и зевнул, показывая огромные зубы.

— Подожди ты, Патрон, со своим Бульком, — остановил его Знайка. — Вечно ты пытаешься всего добиться насилием.

— А чем же еще этого негодяя пытать, как не насилием? Как от него правды добиться? Может, он нашего Никтошку давно убил и съел, а теперь хочет следы замести? Такие мерзавцы, как этот, никогда добровольно не признаются. Надо его Бульком укусить — только тогда он правду скажет.

Булёк весело залаял и лизнул Врушу в лицо. Видно, почувствовал, что фермеру плохо, и решил его утешить.

— Зачем кусать? — задумчиво произнес Таблеткин. — Есть и другие средства...

— Что он говорит? — прошептал Правдюша. — Как убил? Ты что, убил этого... этого... людишку?

— А иначе, где же он, если он здесь был, а теперь его нету? — насмешливо спросил Патрон.

Волосы на голове у Правдюши встали дыбом. Теперь они с братом сильно друг от друга отличались. Правдюша был бледный, как смерть, а Враша — красный, как рак. Он всё открывал рот и всё пытался что-то сказать, но каждый раз передумывал и останавливался. Враша никак не мог придумать, как ему всё объяснить брату и этим малянцам из города. Умнее всего было бы, конечно же, сказать правду. Тем более, что Враша Никтошку не ел и даже не убивал, а наоборот — даже с ним подружился. Но Враша не умел говорить правду.

— Как ты мог?? Как ты мог?! — сокрушался Правдюша. — Боже, и это мой брат, мой родной брат! Не могу поверить. Я всегда считал, что твое вранье не доведет тебя до добра, но чтобы ты докатился до убийства...

— И людоедства, — напомнил Торопыга.

— Что-то я не слыхал о случаях людоедства среди людишек, — заметил доктор Таблеткин.

Правдюша схватился за живот, и Напильник вовремя успел подставить ему стул, на который тот прямо упал.

— Да стойте вы! — рассердился Знайка. — Замолчи, Торопыга, что вы с Патроном несете! Никого он не ел!

— Откуда ты знаешь? Логика? — злорадно поинтересовался Патрон.

— Нет, — грустно усмехнулся Знайка. — Интуиция.

И, не слушая больше остальных, он отвел Врушу в другой конец кухни. Там у братьев стояло большое железное корыто для стирки белья.

— Садись, — Знайка пододвинул Врушe перевернутое корыто.

Враша послушно сел. Корыто лязгнуло и прогнулось под ним — такой Враша был большой и тяжелый. Но сейчас он сам себе казался меньше всех — даже меньше этого низенького ученого людишки.

— Я понимаю, что правду тебе говорить тяжело и больно. Не так ли?

Враша горестно кивнул.

— Я у тебя этого и не прошу. Говори неправду, как привык.

Враша снова кивнул.

— Людишку звали Никтошка?

— Нет.

— Он приходил, когда твой брат уезжал в Цветоград?

— Нет.

— Он сейчас на ферме?

— Да.

Враша чувствовал, что врет плохо, но продолжал. Ему очень хотелось, чтобы людишки узнали правду, но не мог же он ее прямо вот так взять — да и сказать!

— Пока из этих ответов мне всё ясно, — сказал Знайка. — Никтошка здесь был, пока Правдюша уезжал в город, а теперь его здесь нет.

Враша чувствовал себя ужасно. Это был какой-то бред. Он отвечал одно, а его понимали совсем наоборот. Но из его ответов узнавали правду. А ведь вранье — это как раз когда ты говоришь неправду и

в нее верят. А иначе это не вранье, а просто другой язык. В котором НЕТ обозначает ДА, а ДА — НЕТ. И вот теперь он, Вруша, говорит на этом странном, глупом языке. Значит, он не врет!

— Послушай, — сказал Знайка. — Ну, разве тебе не жаль бедного Никтошку? Ведь он пропал уже очень давно, и у нас о нем не было никаких вестей. Мы, можно сказать, мысленно его уже почти похоронили. И вдруг узнаем, что он жив! Но может быть, ему сейчас очень плохо, может, ему необходима помощь, может, он погибает?!

Глава двадцатая.

РЕКА

А Никтошке и впрямь нужна была помощь. Да она была ему сейчас совершенно необходима! Оказалось, что крапивный лес, в который забрел Никтошка, рос на самом краю обрыва. Блуждая в крапиве, он оступился — и скатился с крутого обрыва вниз, к реке. Хорошо, что ничего себе не сломал.

Никтошка был очень грязный. Лицо закопченное. Волосы в сметане. Из-за кислого молока, которое пролилось из канистры ему прямо на голову, от волос пахло ужасной гадостью и никуда нельзя было деться от этого мерзкого запаха. А пенки... они были хуже всего.

Очень хотелось вымыться. Но дул такой холодный ветер, что, даже застегнув джинсовую курточку на все пуговицы и замотавшись в шарф, Никтошка все равно дрожал. К тому же ему сильно хотелось спать. Так хотелось — что вот прямо сейчас взял бы и упал в лужу и тут же уснул. Но лужа была мокрой и холодной. Никтошка стал рассуждать, что ему лучше сделать: несмотря на холод раздеться и вымыться в реке или лечь спать. Но то ли от голода, то ли от ветра у него так сильно болела голова, что он ничего не мог придумать.

Возле берега плавала коряга, одним своим концом запутавшаяся в кустах. Никтошка зашел на корягу и встал на четвереньки. Ему очень хотелось лечь прямо на нее и тут же уснуть. Но в животе урчало от голода. Налетевший порыв ветра брызнул ему водой прямо в лицо. Никтошка поднял голову. В просвет между облаками выкатилась огромная желтая луна. Она осветила черный лес, и от лунного света деревья, непонятно почему, стали еще чернее. Но Никтошка не хотел смотреть на лес, а смотрел только на луну. Голова болела, и мыслям в ней было очень тяжело. Никтошка смотрел и смотрел на луну, и сам не заметил, как стал потихоньку выть. Сначала не громко, а потом громко. Он смотрел на луну и выл, а луна смотрела на него, и, когда пролетал край облака, она словно моргала или словно убирала упавшую на свое желтое лицо прядь волос.

Никтошка не помнил, сколько он так выл, а только вдруг он услышал, что ему кто-то отвечает. Он замолчал и прислушался. Из черного леса донесся ответный вой, а потом еще один — далекий, словно звал за собой куда-то. Мимо проплывал пень. С корнями, растопыренными в разные стороны, он был похож на большого черного осьминога. Никтошка и сам не знал, что это пришло ему в голову, но только он взял да и прыгнул на пень. Это был пень от какого-то большого дерева, наверное, дуба. Пень был весь потрескавшийся и изъеденный насекомыми. В середине его было углубление, в котором почему-то было сухо. Никтошка завалился в него. Сюда не доставал ветер. Никтошка свернулся калачиком и подобрал под себя ноги, как креветка. Пень качало, и он плыл, неизвестно куда. Какое-то время головная боль и голод еще боролись между собой в его усталом организме, но потом, видимо, оба тоже устав, оставили Никтошку в покое, и он наконец уснул.

Глава двадцать первая.

ВРУША РАСКОЛОЛСЯ

— Может быть, Никтошка сейчас погибает? — повторил свои слова Знайка.

Услышав это, к ним подбежали остальные малянцы.

— Как погибает?

— Где он?

— Я срочно должен ему оказать медицинскую помощь!

— Погодите! — остановил их Знайка. — Еще пока не понятно, где он.

— Так значит, он жив? — спросил Правдюша.

— Значит, этот Врушка его не съел? — спросил Торопыга.

— Не съел, не съел, — сказал Знайка.

— А может, все-таки съел? — сомневался Патрон.

«Если съел — то куда косточки засунул?» — подумал Напильник, но вслух ничего не сказал.

Примчался Булёк. Он был рад общему оживлению и стал носиться по кухне, опрокидывая кастрюли.

— Стойте! — прокричал доктор Таблеткин. — Мне пора выезжать! Больной на операционном столе уже целый час лежит — меня ждет!

— Как же мы поедем без Никтошки? — спросил Торопыга.

— Ну... можно как-нибудь в другой раз за ним вернуться, — предложил Напильник.

— Нет, так не пойдет, — сказал Знайка. — Никтошка неизвестно где. На ферме его нет, а в Цветограде он тоже не появлялся. Значит, он где-то в лесах или полях. А погода-то вон какая...

Все посмотрели в окно и увидели, что погода совсем испортилась. Поднявшийся ветер гнал по небу серые тучи. Над полем уже вспыхивали отдельные молнии. Небо ворчало далекими громами, и вот-вот должен был хлынуть проливной дождь.

— Надо нам срочно что-то решать, — сказал Знайка. — А то и Никтошка пропадет, и больной без операции умрет.

— Я знаю, что делать! — вскричал охотник Патрон. — Ну-ка, Булёк, поди сюда!

— Это еще зачем? — насторожился Знайка.

— Когда нужно быстро получить признание — Булёк незаменим!

Булёк с веселым лаем подбежал к ним, таща в своей огромной пасти кастрюлю из-под съеденного супа.

— Не надо! — попросил Вруша.

— Если бы аптечка не осталась в машине... — пробормотал доктор Таблеткин.

— Погодите, — сказал Правдюша, беря брата за руку. — Он вам сейчас и так все расскажет.

— Правда?

— Честно-честно, — прошептал Вруша.

Он очень боялся — не столько зубастого Булька, сколько его грозного хозяина. Но, как ни странно, в стрессовых ситуациях — то есть, когда страшно — Вруше всегда еще сильнее хотелось врать.

— Он сейчас всё скажет! — заверил Правдюша.

— А вдруг нет?

— А вдруг да?

— Ну давай!

— Сейчас...

— Ну же!

— Погодите! — сказал Знайка. — Дайте ему сосредоточиться. И всё вспомнить.

— Да времени же нет! Больной умирает!

— Да подождет твой больной! Не умрет. Пусть ему пока наркоз сделают.

— Да как же я им это скажу, тут, наверно, даже и телефона-то нет?!

— Почему же? Всё у нас есть. Пойдем!

И Правдюша повел доктора к телефону.

— В общем, так! — грозно подступил к брату-обманщику охотник Патрон, таща за ошейник Булька. — Даем тебе ровно семь минут на размышление. Как раз без семи четыре. Когда часы пробьют... если не скажешь, мы тебя так искусаем — своих не узнаешь!

Торопыга принес всем по стулу, и людишки расселись вокруг Вруши. А бедный обманщик, красный от стыда, остался стоять в середине, стараясь закрыть лицо руками, чтобы они не видели, как ему стыдно.

Напильник качался на своем колченогом стуле, длинная ножка которого страшно скрипела и, казалось, вот-вот расколется пополам. Знайка, вытащив из кармана тряпочку, протирал очки. Торопыга скрестил на груди руки и напевал какую-то песенку. Патрон положил на колени заряженное ружье и правой рукой играл затвором, то открывая, то закрывая его. При этом из ружья время от времени выпрыгивал патрон. Охотник поднимал его с пола и снова загонял в затвор. Левой рукой он держал наготове Булька.

— Без трех минут! — предупредил Патрон.

Песенка Торопыги действовала всем на нервы. Может быть, потому, что слуха у шофера совсем не было. Знайка вообще не выносил всяких резких звуков, и каждый раз, когда лязгал затвор Патронового ружья, он как-то странно дергал плечами, словно его касался оголенный электрический провод. Таблеткин в своем углу разговаривал по телефону и, судя по словам, которыми он называл медсестру, тоже нервничал. «Как это катетер пошел не туда? — восклицал он. — А куда же?»

Вдруг из часов выскочила сердитая кукушка и начала куковать. От неожиданности Напильник подпрыгнул на стуле, и ножка сломалась. Слесарь с грохотом полетел на пол.

— Ну, хватит тут комедию ломать! — топнул ногой Патрон, вскакивая со стула. В этот момент Булёк дернулся и залаял. Ружье выскользнуло из рук охотника, грохнувшись прикладом о таз. Раздался выстрел. Людишки в ужасе попадали на пол.

Патрон схватил Врушу за шиворот.

— Не стреляй! — попросил тот. — Пожалуйста, не убивайте! Не надо...

— Я те не стрельну... я тя щас так убью — на том свете будешь помнить!

— Как тебе не стыдно! — закричал на него Знайка. — Перестань сейчас же!

— Кого ранило? — спросил подбежавший Таблеткин.

Все стали ощупывать себя и друг друга, ища, не пробила ли кого-нибудь пуля.

— Кажется, все целы, — встал с пола Напильник.

— Что это за мерзкий писк? — оглянулся Таблеткин. — У меня сейчас голова лопнет!

— Может, это от выстрела в ушах звенит?

— В каких еще ушах?! У меня с ушами всё нормально!

— Тогда откуда этот писк?

Все стали оглядываться.

— Да это же кукушка пищит, — догадался Напильник, подойдя к часам. — Ну, точно. Пуля попала кукушке в живот. Кукушка застряла и пищит.

Он поковырял пальцем в дырке от пули, которая пробила кукушку.

— Я могу исправить, — сказал Напильник. — У вас отвертка и пассатижи есть?

— Какие пассатижи! — рассердился Таблеткин. — Там больной умирает, а он тут со своими пассатижами!

— Ну, тогда приступим к делу, — сказал Патрон, подходя к Вруше.

— Я вам ничего про Никтошку не расскажу! — прошептал Вруша.

— Что?! — хором закричали Напильник, Торопыга и Патрон. — Ну-ка, Булёк!

— Стойте! — остановил их Знайка. — Это он говорит, что расскажет всё. Продолжай.

— То есть как?

— Так! Он ведь всегда говорит неправду. Значит, если он говорит, что не расскажет ничего — значит, он расскажет всё!

— А-а-а... ну, тогда... Я не против.

Патрон развел руками.

— Никтошка не жил здесь неделю, — заговорил Вруша.

Казалось, больше уже некуда, но от стыда он стал еще в два раза краснее.

— Он не жил здесь неделю. Не уехал сегодня на автомобиле. И я не дал ему с собой еды. И заправил топлива, чтобы хватило совсем на чуть-чуть.

— А в какую сторону он поехал?

— Не по той дороге, что начинается возле столба, на краю луга. Она прямо в Цветоград идет.

— Как же так? — удивился Торопыга. — Ведь Никтошка даже машину водить не умеет.

— Ну, может, он научился, — предположил Патрон.

— Да ты что? Ты знаешь, сколько этому нужно учиться? А потом еще экзамен сдавать. У меня из десяти людишек только один экзамен проходит.

— Да подожди ты, Торопыга, со своими экзаменами! — перебил его Знайка. — Правдюша, эта дорога действительно ведет в Цветоград? Мы ведь приехали совсем с другой стороны.

— Конечно! — ответил Вруша.

— То-то и оно, что нет, — сказал Правдюша. — Она ведет невесть куда и теряется где-то в полях. Честно говоря, я по ней ни разу не ездил.

— Значит, так, — сказал Знайка. — Никтошка уехал на машине по дороге, которая начинается за хлевом и которая вовсе не ведет в Цветоград. Топлива у него полно, еды тоже. — Когда это было? — обратился он к Вруше.

— В десять не утра. То есть, тьфу... не в десять утра.

Врушa совсем заврался.

— Ну, наконец-то! — обрадовались все. — Теперь нам всё ясно.

За окном сверкнула молния и ударил гром — с такой силой, что в хлеву замычали коровы, а в курятнике закудахтали куры.

— Едем! — сказал Знайка. — Мы должны догнать Никтошку, пока он не заехал на автомобиле невесть куда. А автомобиль-то у него хороший?

— Это не Солидолыча автомобиль, — пояснил Врушa.

— Ах, этого чудилки с пенками? — удивился Знайка. — Ну ладно, времени совсем нет, вот-вот ливанет, да и темно стало совсем.

Правдюша вызвался везти их на тракторе.

— Погодите! А как же аппендицитный больной? — спросил Таблеткин. — Неизвестно сколько продлится преследование Никтошки на тракторе. У него может перитонит начаться. Нет, так дело не пойдет.

— А откуда у Никтошки перитонит?

— Это, вообще, что такое?

— Да не у Никтошки, а у больного. Если аппендицит не вырезать, то начнется перитонит, и тогда кранты.

— Я повезу тебя к больному! — крикнул Врушa.

— Ты? Ты же все время врешь!

— Нет, я не все время.

— Ну вот, опять врешь...

— Ну, я больше не буду...

— Снова соврал!

— Но должен же кто-то доктора отвезти в Цветоград!

— Ладно, пусть Вруша его везет, — согласился Знайка. — Другого выхода нет. Только пускай по дороге молчит, тогда он не сможет врать.

На том и порешили. Вруша с доктором вскочили в машину, на которой Правдюша ездил в Цветоград, и укатили. Проехав мимо автомобиля Напильника, они подобрали докторский чемоданчик. Остальные малянцы погрузились в трактор и выехали по следу Никтошки.

— А у нас нет какой-нибудь Никтошкиной вещи? — спросил охотник Патрон.

— Это еще зачем?

— Если вдруг нужно будет его искать по запаху, Булёк смог бы. Только для этого ему нужно дать понюхать что-нибудь Никтошкино.

— Нет, ничего нет, — сказал Правдюша. — Может, у Вруши что-нибудь осталось, но их теперь не догнать — трактор медленнее автомобиля едет.

Ах да, я забыл сказать, что перед тем, как уехать, Вруша подошел к каждому и попросил у него прощения. Вообще, как следует навравшись, Вруша пришел в отличное настроение. У него всегда так бывало. Он весело бегал по комнате и напевал:

Никогда не буду врать,

Буду врать, буду врать.

Больше никогда не врать,

Тот, кто врет — балда!

— Ага, как же! — насмехался охотник Патрон, глядя на развеселившегося вруна. — Так мы тебе и поверили.

— Эх, больше никогда!... Ни за что!... Не буду врать! — радостно выкрикивал Вруша, садясь в машину и целуя доктора Таблеткина.

— Да пошел ты! — отплевывался Таблеткин.

Прощаясь со всеми, Вруша по очереди перецеловал людишек и снова поклялся, что с этой минуты — правда и только правда, и ничего, кроме правды.

— Молодец, что дал обещание не врать, — сказал Таблеткин, когда ферма осталась позади.

— Мне обещание всегда давать легко. А вот исполнять его почему-то очень тяжело. Можно сказать — просто невозможно.

— Это еще почему? — рассердился Таблеткин. — Ты что же, врал, когда обещание давал?

— Да нет, не то чтобы... просто... я если долго не вру, то... мне плохо становится.

— Как это?

— Ногти начинают изнутри чесаться, а мочки ушей потеют. А потом вообще — такой зуд начинается, что хоть в колодец кидайся.

— А, так это у тебя на нервной почве, — догадался Таблеткин. — Что же ты сразу не сказал? Ну-ка, съешь вот таблеточку.

— А зачем?

— А сразу легче станет.

Вруша проглотил таблетку.

— Это таблетка от вранья. Называется правдин. Я тебе пропишу три раза в день принимать. У меня дома их много есть.

— И что, всё пройдет?

— Как рукой снимет.

— Спасибо, доктор.

— Пожалуйста! Только ее пить надо вместе с успокоительным. А то она слишком возбуждает. Я тебе еще и успокоительное выпишу.

И правда, проглотив таблетку, Вруша пришел уже в такое веселое настроение, что Таблеткин не знал, как его успокоить. От потока правды из Врушиных уст у доктора едва не завяли уши. Успокоительного у него с собой не оказалось. Вруша так весело вел машину, что дважды они чуть не перевернулись, а один раз так подскочили на кочке, что у Таблеткина вылетел чемоданчик. Пришлось останавливаться и подбирать. Хорошо, что пошел дождь, а крыша у машины сломалась и не закрывалась. Промокнув до нитки и как следует замерзнув на ветру, Вруша немного успокоился. Лекарство действовало безотказно — за всю поездку он не проронил ни слова вранья. Но, к сожалению, правдин дает только временное облегчение.

Глава двадцать вторая.

ШИШИМОРА БОЛОТНАЯ

На улице лил дождь и шумел ветер. Когда ветер немного ослабевал, дождь становился сильнее и громко барабанил по жестяному карнизу под крышей. Когда дождь уставал, ветер налетал с новой силой. Он гнул маленькую березку, росшую во дворе, чуть ли не к самой земле. А потом так набрасывался на дом, что казалось, хочет вырвать его с корнем и утащить вместе с дребезжащими оконными стеклами, стучащей черепицей и завывающей печной трубой прямо на небо, к косматым, кусачим облакам. Время от времени черноту за окном прорезала вспышка молнии, и тогда всё то страшное, что скрывала ночная тьма, на мгновение показывалось и становилось еще страшнее.

Пустомеля, повар Кастрюля, Разиня и художник Мальберт не спали. Их разбудили гром и вой ветра, и теперь они не могли уснуть, потому что им было страшно. Мальберт включил было настольную лампу, но доктор Таблеткин, которому свет всегда мешал спать, накинулся на него и выдернул шнур из розетки.

— Только попробуй! — сказал он. — И так после операции устал, едва дышу. Кто спать не хочет — тому сейчас укол сделаю. Снотворное.

Все тут же сделали вид, что захотели спать, но как только Таблеткин уснул, пробрались потихоньку в этот угол у окна и уселись все вместе на кровать Разини. Здесь было немного светлее и поэтому не так страшно. Они сидели, завернувшись в одеяла, на кровати у самого окна и рассказывали друг другу разные истории.

— Есть такая Шишимора, — рассказывал Пустомеля, жуя кончик одеяла.

— Кто? — переспросил Мальберт.

— Ши-ши-мо-ра.

— А кто это?

— Такая... она в болоте живет. В лесу, за городом. Очень лохматая. Она никогда не причесывается. Да ей и невозможно волосы расчесать, потому что они сделаны из болотной тины.

Пустомеля помолчал.

— У нее очень лицо неприятное. Уши большие... лопоухие. Рот... ужасно кривой. Нос тонкий, извилистый...

— Ну и что? — шепотом спросил Разиня.

— Она там всегда живет. В болоте. Если кто ночью в лес забредет... особенно, когда на небе тучи и луна не светит...

— То что? — спросил Кастрюля.

Но Пустомеля ему не ответил. Он еще сам не придумал, что тогда будет. И он продолжал рассказывать, придумывая на ходу и посасывая кончик одеяла:

— Все-то думают: «Да какая еще там Шишимора? Давно уже их не существует. Людишки на автомобилях ездят, на дирижаблях летают, электрические лампочки включают. Бабы-Ёги, Кощеи Бессмертные, Шишиморы всякие — нет никого». Ведь правда?

— Что?

— Что вы так думаете?

Кастрюля пожал плечами.

— Правда, — сказал Разиня. — Знайка говорит, что никого нету.

— Ну вот, видите. А все вы заблуждаетесь.

— Это почему?

— А потому, что врет ваш Знайка.

— Зачем же ему врать?

— А затем. Чтобы людишки не пугались. Сам-то Знайка знает, да других убеждает наоборот. Потому что на самом-то деле... по-настоящему... она есть.

— Кто? — шепотом спросил Разиня.

— Шишимора! — гаркнул ему Пустомеля в самое ухо и при этом схватил повара Кастрюлю за подмышки.

— Ай! — крикнул Кастрюля и в ужасе нырнул с головой под одеяло.

— Да хватит вам! — зашипел на них Мальберт, оглядываясь на Таблеткина, который от громких звуков, кажется, проснулся, но потом пожевал губами и перевернулся на другой бок. — И так страшно, да они еще и вопят! Сейчас Таблеткин вам по шприцу снотворного в попы вколет — вот тогда будет страшно!

— Н...нн...нну и пп... пппусть вколет, — послышалось из-под Кастрюлиного одеяла. — Я шш... шш... пп... ппприца совсем не бббоюсь. Шш... шшш... ишимора намного страшшш... шшнее...

— Конечно, чего тебе шприца бояться, у тебя вон какая попа толстая!

Несколько минут все молчали. Наконец Пустомеля снова заговорил:

— Вот вы тут сидите под одеялами... и вам тепло и не страшно. Ну... скажем так: не очень страшно...

В это время ветер как раз утих. Дождь тоже как будто устал и уже не стучал так громко по жестяному карнизу.

— Не очень страшно, — продолжал Пустомеля. — А это потому, что вы думаете, что никого нет. А она... вот прямо сейчас! Сию минуту. Сидит на кочке посреди болота. На кочку вылезла. Волосы у нее длиннющие. Из тины. И тянутся глубоко под воду. Рот кривой ужасно. Она сидит и мокнет под дождем. А уши огромные. Как у слона. И лопоухие, как лопухи.

— Нет, вы только ее себе представьте! — шипел Пустомеля. — И вы сразу поймете, что ее не может не быть. Поняли?

Никто не отвечал.

— Ну вот. Молчание — знак согласия. А если ее не может не быть, значит, она есть!

И Пустомеля обвел всех торжествующим взглядом, словно только что совершил научное открытие.

— Можете сколько хотите твердить, что ничего нет, а Шишимора все равно есть и никакой Знайка вам не поможет!

Снова ветер ужасно завыл и пригнул мокрые ветки сирени к самому дому. Черные ветки так страшно зашуршали прямо по стеклу, что все почувствовали: она есть.

— Вот она — Шишимора — шуршит! — радостно прошептал Пустомеля.

Разиня сидел, плотно закутавшись в одеяло. Широко раскрытыми глазами он глядел на мокрые черные ветки сирени, которые ветер беспрестанно мотал перед окном то вправо, то влево. Мальберт под своим одеялом сжал руками колени, вглядываясь в темное небо. Кастрюля, наверно, от холода, стучал зубами. Из-под одеяла торчал только кончик его носа и правый глаз. Когда небо озаряла вспышка молнии, Кастрюля подскакивал на кровати, словно ужаленный. По сравнению с другими людишками, повар Кастрюля был огромным, и пружины матраса, словно волны в бурном море, долго еще потом швыряли Разиню, Пустомелю и Мальберта в разные стороны.

— Ну и что? Подумаешь? — сказал наконец Мальберт. — Есть она — и есть. Не здесь же, а там, у себя, в своем болоте. Ну и пусть себе там на своей кочке сидит.

— Подожди. Это я тебе пока только доказал, что она есть. А теперь, когда все убедились в ее существовании, я вам расскажу.

Пустомеля снова немного помолчал и стал рассказывать:

— Ну вот... сидит она, значит, на кочке посреди болота. Вокруг дождь, ветер, холод. И ей, бедненькой, тоже становится страшно. И она тогда пробирается поближе к жилью людишек. Жмется, бедная, промокшая вся, поближе к домам. Спрячется где-нибудь под крылечком. А как появится прохожий, который поздно ночью домой возвращается... она потихоньку из-под крыльца покажется,

подойдет поближе... и просит: «Пусти, добрый людишка, в дом погреться. Совсем я, старая, озябла, продрогла, рви-матизм у меня.

— Что это — рви-матизм? — спросил Кастрюля.

— Да ничего, болезнь такая. Не перебивай! Ну вот... стоит она под дождем, вода с нее ручьями течет. Вся такая жалкая. Если людишка глупый, верит Знайке и про Шишимору раньше не слыхал — возьмет да и пустит ее к себе в дом. «Заходите, — скажет, — бабушка, садитесь вот здесь, на кухне, я вам сейчас чаёк разогрею и полотенце принесу, чтобы волосы вытереть». И уйдет в ванную за полотенцем. А Шишиморе того только и надо. Только он ушел — спрячется она за мебель и станет теперь в этом доме жить. А людишка вернется — нет никого. Только зеленая лужица под табуреткой. «Ну, — подумает, — видно, почудилось. Наверно, это с моих резиновых сапог вода натекла». И станет Шишимора у него в доме за мебелью жить.

Пустомеля умолк. Мальберт с Разиней, не мигая, смотрели в окно, а Кастрюля сопел под одеялом. Все думали о Шишиморе.

— А еще у нее есть муж, которого зовут Как.

— Как? — переспросил из-под одеяла Кастрюля.

— Да, Как.

— Что как?

— Да не что как, а его так и зовут: Как.

— Зовут как?

— Ты что, дурак или ничего не понимаешь? У него такое имя: *Как*.

— Имя *Как*?

— Вот именно!

— Что это за имя такое?

— Уж такое, какое есть.

— Никогда раньше такого имени не слышал, — сказал Мальберт.

— Какое-никакое, а так именно мужа Шишиморы и зовут: Как. В этом-то вся и путаница. Иногда она его прямо из болота зовет. А он любит везде блуждать. А она его все зовет, чтоб с ней сидел и не блуждал. Зовет его: «Как, Как!», а людишкам кажется, что их кто-то спрашивает. Это когда вот так, как сейчас — на улице ветер, дождь, и кажется, будто тебе кто-то на ухо нашептывает, будто все время спрашивает: «Как? Как?» — а это не «как», а Шишимора своего мужа Кака зовет. Этот Как — огромный великан. Ростом, как сто людишек.

— Как же он в болоте с Шишиморой помещается?

— А болото — оно знаешь какое?

— Какое?

— Глу-у-бокое! В тыщу метров глубиной. Как туда только ногой ступит — и уже бульк, и весь там. Сидит — одна голова из болота торчит, словно кочка. Он так целыми днями сидит, только и видно, что кочка, а из нее какой-то дымок или пар идет. Это Как дышит. А вот путник идет мимо. Вокруг одно болото, нигде сухой земли нет, ступить некуда. Видит он: кочка — и шагает прямо на нее. А Как тут как тут: бульк в болото — только этого людишку и видели. Как-то — людишкоед. Он такой огромный, что в обед может до четырехсот людишек съесть.

— Где же он столько возьмет? — удивился Мальберт.

— То-то и оно, что нигде. Вот Как и сидит все время голодный. Приходится ему один мох щипать да поганки. Как и его сестра очень поганки любят. Особенно бледные.

— У него еще и сестра есть?

— Есть, только о ней мало что известно.

— А ее как зовут?

— А ее зовут Кака.

— Фу! — поморщился Мальберт. — Ну и скажешь ты тоже, Пустомеля.

— Да это чистая правда, чем хочешь клянусь! Ну что же она виновата, что у нее такое отвратительное имя? Хотя она и сама — такая отвратительная, отвратительнее своего брата и его жены. Поэтому-то ее никто не хочет в жены брать. Так она всю-то жизнь бобылем и живет.

— И тоже в болоте?

— Нет, она больше в лесу. Но, как и Шишимора, жилье людишек любит. Если уж Шишимора к кому в дом проберется — то тут и Каку жди. Когда хозяева дома спят, ятровка обязательно ей дверь откроет.

— А кто это ятровка?

— Ятровка — это означает «жена брата», — ответил Пустомеля.

— Откуда ты это всё знаешь, Пустомелечка? — с уважением спросил повар Кастрюля.

— Я вам не Знайка, который всё только из книжек. Я всё прямо из жизни изучаю.

Глава двадцать третья.

НАПАЛИ НА СЛЕД

Пока Вруша вез Таблеткина в Цветоград, пока доктор вырезал больному аппендицит, Знайка и остальные ехали по следам Никтошки на тракторе. Скорость у трактора намного меньше, чем у молокомобиля. Поэтому, когда они добрались наконец до взорванной машины, было уже совсем темно. В свете тракторных фар обследовали останки молокомобиля и, не найдя Никтошку, поспешили дальше по всё сужающейся дороге.

Дождь лил, как из душа, когда в доме нет горячей воды. Но когда он немного ослабевал, на помощь ему приходил пронизывающий ветер. От него мокрая одежда прилипала к телу, и становилось безумно холодно. Так, что Напильник даже начинал постанывать: «Ва-ва-ва!...»

Бросили застрявший в крапиве трактор и стали спускаться к реке. Правдюша светил большим фонарем, а Булёк рвался вперед и тащил за собой охотника Патрона, у которого ружье то и дело застревало в чертополохе. Когда они наконец очутились возле реки, все до того промокли и промерзли, что зуб на зуб не попадал.

Булёк стал бегать вдоль берега и громко лаять. Он то кидал задними лапами песок, что-то раскапывая, то бросался на росшие у воды деревья и царапал их когтями, то задирал голову и лаял на летящие облака. Но Никтошки нигде не было. Следы его обрывались возле коряги, завязшей корнями в камышах.

— Мы должны что-то придумать! — пытался Знайка перекричать ветер и Булька.

— Н-нн-ннооо ч-чч-чттоооо? — трясся одуревший от холода Напильник.

— Мммм-мы тттт-так умм-умрем! — икал Торопыга.

В это время из-за облаков показалась луна, а из леса послышался такой тоскливый, такой печальный волчий вой, что даже охотника Патрона, все еще пытавшегося храбриться, передернуло. От холода у него дрожали руки, и он не мог снять предохранитель у своего ружья.

— Бббб-ббулёк, ссс-ссюда!

Булёк заскулил.

— Мне надо подумать, мне надо подумать, — повторял Знайка. — В таком холоде я не могу думать. А если я не могу думать, значит, я не смогу ничего придумать.

— Если Знайка ничего не придумает, мы умрем от холода и нас загрызут волки! — простонал Торопыга.

— Правильно. Молодец, Торопыга. Вот что! Мне надо немного согреться, тогда я точно что-нибудь придумаю.

— Но ккккк-как же?

— Снимайте все одежду и давайте мне!

И, подавая пример, Знайка набросился на Напильника и стащил с него хромовую тужурку. Потом отнял шерстяную шапку у Правдюши, сдернул с Торопыги меховые сапоги, а с Патрона — кожаные перчатки.

— Тт-тты чтт-тто делаешь? — пытались сопротивляться малянцы.

— Мне надо согреться, чтобы что-то придумать, а иначе всем нам капец! — отбивался Знайка.

Напялив на себя отобранные вещи, он, чтобы стало еще теплее, принялся бегать по берегу, топать ногами и хлопать себя руками по плечам. А Напильник от холода совсем обезумел и, согнувшись пополам, уткнулся головой в песок. Торопыга бормотал что-то нечленораздельное.

— Придумал! — сказал Знайка. — Никтошка утонул в реке — это ясно. Как это ни печально, но это факт. Если мы еще полчаса на этом холоде под дождем подождем, то мы тоже умрем. К тому же нас волки съедят.

— Что же делать? — прохрипел Патрон. — У меня патроны промокли, я не смогу от волков отстреливаться.

— Очень просто, — сказал Знайка.

Закутавшись в одежду товарищей и бегая вокруг них, он окончательно согрелся, и голова у него заработала как всегда — быстро и безотказно.

— Поднимаемся наверх, садимся в трактор и едем на ферму.

Пока они взбирались на гору, всем стало теплее. Еще больше согрелись, когда вытаскивали трактор из крапивы.

— А эта крапива, оказывается, согревает, — заметил Напильник.

Он теперь был в одной рубашке, через которую крапива его так покусала, что живого места не осталось.

— Да уж! Больно, зато тепло, — соглашался Торопыга.

Когда вернулись на ферму, Знайка послал Правдюшу топить баню.

— Я устал, лечь хочу, — жаловался Напильник, — не трогайте меня!

Но Знайка загнал всех в баню.

— С ума сошел? — затопал он на Напильника. — Воспаление легких схватишь, а потом туберкулез и всё остальное! Если бы Таблеткин здесь был, он бы тебе подтвердил.

Знайка заставил всех раздеться, а с Напильника пришлось стаскивать одежду, потому что он валился на пол и был невменяем. Знайка вместе с Правдюшей принялись хлестать Торопыгу, охотника Патрона и Напильника березовыми вениками. А потом и друг друга так отхлестали, что Знайка сам в конце концов упал на горячую скамейку и тут же уснул.

— Наконец-то его сморило, — сказал пришедший в себя Напильник.

Он хоть и согрелся, а все еще поеживался.

— Угощайся! — Правдюша протянул ему огромного малька воблы и налил в кружку безалкогольного пива.

Охотник так устал таскаться на поводке за своим Булькoм, что тоже уснул.

— Хорошо все-таки в бане! — сказал Напильник.

— Век бы из нее не выходил! — согласился Торопыга. — Так бы и жил здесь.

Правдюша сбегал в дом и принес еще воблы и небольшой бочонок безалкогольного пива.

— Хорошо!

— Выпьем за тех, кому совсем не так хорошо сейчас, как нам, — поднял свою кружку Напильник.

— Это ты про кого? — удивился Правдюша.

— Это я про беднягу Никтошку.

— Ему теперь уже ни хорошо, ни нехорошо, — грустно промолвил Торопыга.

Глава двадцатая четвертая.

ПРИПЛЫТИЕ

Но что же *на самом деле* произошло с Никтошкой? Он очутился на берегу реки всего за полчаса до Знайки и остальных. Хоть молокомобиль и ехал быстрее трактора, но зато потом он взорвался и Никтошка долго шел пешком. К несчастью, людишки разминулись. А ведь задержись Никтошка всего на полчаса или, наоборот, если бы Знайка, Напильник и другие выехали за ним на полчаса раньше, — всё было бы хорошо.

А теперь Никтошка лежал в ямке в центре пня. Река несла пень неизвестно куда. Пень плавно покачивался на волнах. Над головой у Никтошки было небо, занавешенное косматым одеялом из облаков, кое-где рваным. Через эти дырки иногда заглядывала желтая луна — одним глазом. Оттуда, сверху, Луне видна была черная извилистая река с дубовым пнем посередине. Если бы Никтошка тоже мог видеть реку, он бы удивился: откуда в воде такое множество кабачков? Когда в облачной прогалине показывалась луна, кабачки поблескивали веселым блеском. Луна-то знала, откуда здесь взялись кабачки. Ведь это была Кабачковая река — та самая, что протекала мимо Цветограда и через которую совсем недавно — всего неделю назад — людишки построили навесной мостик. На мостике еще висели разноцветные флажки — в честь открытия.

Слетав на дирижабле в Шоколадгород, Знайка решил построить у себя такие же мост и водопровод, как там. До этого цветоградцы переправлялись на другой берег реки вплавь, а воду брали из колодцев. И пока Никтошка блуждал по полям и по лесам, водопровод с мостом уже построили. А побывав в Солнцеграде, в котором цивилизация намного более развита, цветоградцы тоже провели у себя электричество и даже пустили трамвай. Он теперь ходил по бульвару Подсолнечников. Правда, пока только раз в день. Все эти новшества появились в городе за два месяца Никтошкиного отсутствия. Это может показаться странным на первый взгляд — как это строительство моста и водопровода, электрификация целого города, да еще и пуск трамвая могут занять всего два месяца. Но, как я уже говорил, поскольку людишки в десять раз меньше людей, то у них и время течет в десять раз медленнее, так что два месяца для людишек — это почти как для нас два года. А за два года — мало ли чего в городе можно понастроить и каких новшеств понавводить!

Из огромной черной тучи в другую огромную черную тучу ударила молния, ярко осветив реку. Никтошка крепко спал и не видел эту вспышку, но через несколько секунд его разбудил гром. Он открыл глаза и увидел вторую молнию и почти сразу же за ней третью. Никтошка вылез из своей ямки. По какой-то причине огромная черная туча прямо над Никтошкиной головой невзлюбила свою соседку — другую черную тучу, тоже огромную, но немного поменьше. Она метала в нее громы и молнии. Вспышки от них были такие яркие, что становилась видна вся река — от берега до берега. Поднявшийся ветер гнал по ней волны, на которых подпрыгивали кабачки. Пень сильно качало. Никтошка сидел на краю ямки и смотрел на кабачки. Откуда их столько? Молнии стреляли одна за другой, сверкали кабачки — то одним, то другим мокрым, блестящим боком. Голова у Никтошки так и не прошла, и от каждого удара грома она болела все сильнее. Туча становилась больше, надувалась и стреляла молниями

и громами в свою соседку, которая это молча сносила. Ни одной молнии не метнула в ответ. Но тут злобная туча, растратив все свои силы, вдруг разревелась проливным дождем. Словно над головой Никтошки включили ледяной душ. В несколько секунд он промок до нитки. Ведь для людишки каждая капля — как для нас чуть ли не целый стакан воды! Никтошка поднял глаза к небу. Вспыхнула молния, и он увидел, что небо загородила темная полоса моста, к перилам которого были привязаны разноцветные флажки. Их трепал ветер, и флажки метались на своих веревочках, хлопая по деревянным подпоркам перил.

«Мост», — подумал Никтошка и неожиданно для самого себя скатился с пня в холодную реку. Нет, он не поскользнулся на мокром пне, хотя его поверхность была очень скользкая. И его не смыло волной — не такие уж высокие волны ходили по Кабачковой реке. Это он по собственному желанию скатился. Захотел — и скатился. Раз — и всё. Но это желание было какое-то неожиданное. Он его вообще не ожидал. Оно появилось вдруг, ведь, как я уже говорил, Никтошка всё делал спонтанно.

Вода была такая ледяная, что Никтошка подумал: «А что если не вынырну?» Но он тут же вынырнул среди мокрых кабачков и взобрался на один из них. Сев на кабачок верхом, Никтошка стал грести руками и направил овощ к берегу. Течение в этом месте было несильное, но из-за встречного ветра и волн, да еще и из-за проливного дождя, хлеставшего по лицу и мешающего смотреть, грести пришлось очень долго. Когда уставшие руки переставали слушаться, Никтошка ложился на кабачок и отдыхал. Потом снова принимался грести.

Возле самого берега он врезался в железную перекладину, висевшую над водой. В незапамятные времена, когда в домах не было еще горячей воды, малянки с длинными волосами использовали эти горизонтальные перекладины для мытья своих волос. Намылив голову, они повисали на перекладине на ногах и полоскали волосы в проточной воде. Теперь это уже не использовалось, палки давно заржавели и многие рассыпались, но некоторые еще торчали над водой. Никтошка набил на лбу шишку, но даже не обратил на это внимания — так он устал.

Очень, кстати, удобный способ, когда надо вымыть голову и душа или крана под рукой нет, но зато есть река. В принципе, вместо перекладины можно и на ветке повиснуть, если, конечно, найдешь ветку на правильной высоте над водой. Удобство состоит еще в том, что при этом сам ты не мерзнешь в студеной воде, а только голова, которая, как известно, к холоду привыкшая. Но Никтошке сейчас было не до мытья волос.

Вдоль берега тянулась неизвестно откуда взявшаяся тут каменная стена. Слезая с кабачка, Никтошка снова окунулся с головой в ледяную воду. Вода текла с него ручьями, когда он выбрался наконец на набережную. В Цветограде никогда раньше набережной не было, а был только один песчаный берег, вдоль которого росли кусты. Но Никтошка даже не стал думать, откуда здесь появилась набережная и что, может, это и не Цветоград вовсе, а какой-нибудь другой город.

Дождь немного утих, гром гремел уже не так часто, зато ветер усилился, и стало еще холоднее, чем было на реке. С набережной он свернул на улицу, ведущую в город. Была глухая ночь, ни в одном доме не светилось ни одного окна. К счастью, улица оказалась знакомой. Это была улица Орхидей.

Значит, все-таки Цветоград. На самом деле в Цветограде орхидеи никогда не росли. Но малянец по имени Дуванчик устроил на своей улице множество клумб с цветами, которые, вообще-то, называются «львиные зевы». Но Дуванчик почему-то решил, что это орхидеи. Пользуясь тем, что орхидей в Цветограде никто не видел, а львиные зевы, понятно, что все видели, да никто не знал, что они называются «львиные зевы», Дуванчик убедил соседей, что они видят из окон множество разноцветных орхидей. Вот улицу так и назвали: улица Орхидей.

Пройдя по улице поддельных орхидей, Никтошка свернул в переулок Петуний. Отсюда до улицы Незабудок было рукой подать.

Глава двадцатая пятая.

ШИШИМОРА И КАК

Гроза, которая начала было уже утихать, разыгралась с новой силой. Каждую минуту сверкала молния, и тотчас вслед за ней гремел гром. Казалось, молнии метили прямо в дом людишек. Хорошо, что еще в прошлом году слесарь Напильник и монтёр Молоток, по указанию Знайки, установили на крыше громоотвод. Ах, если бы гром просто гремел себе — пусть громко, но только один раз — и всё! Но он грохотал и скрежетал раскатами — то справа, то слева, словно кто-то громадный катался по всему небу на страшных железных колесах. Вспышки молний освещали рваные облака, которые ветер гнал по небу, и бледные лица трех людишек. Повар Кастрюля залез под одеяло и не показывался.

— Ой, что-то я совсем боюсь! — слышалось оттуда в коротких перерывах между громами.

Но скоро ветер разметал облака, и гроза поутихла.

— А я одну смешную историю вспомнил! — прошептал Разиня.

— Интересно, что будет, если молния в Шишимору попадет? — молвил Пустомеля, не обращая на Разиню внимания.

— Наверно, убьет ее? — предположил Мальберт.

— Думаю, она бессмертная.

Кастрюля высунулся из-под одеяла.

— Пустомелечка, а ведь к нам она никак не может попасть, правда? — спросил он.

— Не знаю, не знаю. А вот я слышал, что тем людишкам, у которых она уже в доме живет, она разные гадости делает. И ее сестра Кака тоже.

— Какие гадости?

— Разные. В тесто пыль подмешивает. В суп плюет. И он потом становится горький.

— Ой, Пустомеля, это ты сущую правду говоришь! Я недавно был в гостях, на улице Одуванчиков. Слушай, у них такой горький суп! Просто невозможно есть! Точно. У них Шишимора живет.

— Ну, это еще, может, вовсе и не из-за Шишиморы такой суп, — возразил Разиня.

— А из-за чего же?

— А из-за того, что на улице Одуванчиков.

— При чем тут одуванчики?

— При том, что они горькие.

— Подожди-ка, Пустомеля, — сказал Мальберт. — Что-то я не совсем понял. Ты говоришь: тем, у кого Шишимора живет в доме, она делает гадости, так?

— Конечно же, так. Еще какие гадкие гадости. Тебе такие и не снились. А ее сестра, Кака, людишке на живот сядет — и сидит.

— Как так сидит? Что ж он ее не видит, что ли?

— В том-то и дело, что не видит. Она же ему на живот садится, когда он спит. Вот ему от этого и плохие сны всю ночь снятся. Потому что Кака давит на живот.

— Да погоди, Пустомеля. Как же так? Что же, Шишимора сразу в нескольких домах, что ли, живет?

— Это почему?

— А потому, что раз она у одних людишек живет и плюет им в суп — не может же она одновременно и у других плевать?

— Конечно же, может! — с жаром возразил Пустомеля. — Шишимора она... она...

— Что?

— Многоликая, вот что. У нее много ликов.

— Чего много?

— Да ликов, вот чего. Она может и там появляться, и здесь — одновременно. Жить параллельно сразу в куче мест.

— Да как же такое возможно?

— А так, что она волшебная. Да ты вообще знаешь, что под Новый год у нее рождается целая куча маленьких шишимор, которые улетают из дома через трубу? А потом разбредаются по всему свету. Понятно?

— А-а-а, ну тогда, конечно...

Молния ударила где-то совсем рядом с домом, потому что в ту же секунду раздался оглушительный гром. Он был даже с треском, будто кто-то схватил топор и с размаху врубился в крышу.

— Ох! — охнул Кастрюля.

— Я видел ее, — прошептал Мальберт.

— Кого?

— Шишимору.

— Где?

— Вон там.

Мальберт показал рукой в темноту.

— Ничего же не видно, — возразил Разиня.

— Когда молния сверкнула, я видел ее лицо.

Мальберт обхватил себя руками за плечи и спрятал голову под пижамную рубашку.

— Как же она выглядела?

— Страшная. С обвислыми щеками.

— Это не Шишимора, — сказал Пустомеля.

— А кто же?

— Кака.

— Кака?

— Она самая. Шишимора обычно у дверей трется. Хозяев поджидает. А Кака в окна заглядывает. Смотрит, чем поживиться.

— Зачем же она в спальню смотрит? Еда ведь на кухне.

— А может, она вообще людишками питается, — в ужасе пропищал Кастрюля, высунув из-под одеяла один глаз.

— Ага. Это хорошо, что ты под одеялом сидишь, а то она как тебя увидит — так точно к нам полезет.

— Это почему? — задрожал повар.

— Потому что тебя ей и на завтрак, и на обед хватит, да еще и на ужин останется.

С первого этажа послышался слабый стук.

— Что это?

— Не знаю.

Стук повторился.

— Во входную дверь стучат, — прошептал Мальберт.

— Как в дверь? Да кто в такую погоду...

Постучали сильнее.

— В такую погоду только Ши...

— Ой, господи! Ши... господи... ши...

Пустомеля испугался больше всех. Он вытолкал Кастрюлю из-под одеяла и сам туда забрался. И укрылся подушкой с головой. Пустомеля так поверил в Шишимору, что забыл, что это он сам ее и выдумал. Она получилась такая настоящая, что Пустомеля прямо видел, как она стоит на крыльце — мокрая, гадкая, с волосами из тины и зубами из болотных камней, и стучит в дверь своим мерзким, похожим на гнилой сучок, пальцем.

— Не открывайте! — хрипел из-под одеяла Пустомеля. — Не идите туда вообще! Закройте дверь в спальню!

Но тут Шишимора, не достучавшись в дверь, принялась громко барабанить в кухонное окно. Тра-та-та *та-та-та-та*! Было уже не до шуток.

— Помогите! — громко закричал Разиня.

Проснулся Конкретик, потом монтёр Молоток, за ними Угрюм и музыкант Рояль с доктором Таблеткиным. Угрюм не успел продрать глаза, как сразу же угрюмо забурчал:

— Это что еще? Всю ночь бессонница, только уснул — на тебе, какой-то идиот стучит, а другой осел орет.

— Может, это вовсе не идиот, а у кого-нибудь что-нибудь случилось? — предположил Конкретик.

— Вот именно. Может, у кого-то машина сломалась, — сказал Молоток.

— Или пылесос, — зевнул Конкретик.

— Или кто-то сам сломался, — сказал Таблеткин, соскочив с кровати прямо в свои белые докторские тапки. — Пойду открывать, может, еще у кого аппендицит.

— Стой! — в ужасе закричали Пустомеля, Кастрюля, Разиня и Мальберт.

Бросившись к двери в спальню, Пустомеля захлопнул ее, а Мальберт с Разиней и Кастрюлей навалились на дверь всем своим телом.

— Вы чего? — удивились остальные людишки.

— Ни за что туда не ходите, — тихо сказал Пустомеля.

— Почему?

— Это она, — прошептал он.

— Кто?

— Шишимора.

— Кто???

— Ши-ши-мора.

— Брось дурака валять, — сказал Таблеткин.

— Не бросим.

— Ах вот вы как? Укол захотели?

— Лучше укол, чем Шишимора.

— Да еще и с Какой.

— Я вам сейчас такую каку покажу! — рассердился Таблеткин. — А ну, где моя коробка со шприцами?

В это время сверкнула молния, и людишки, державшие дверь, увидели за окном огромное страшное лицо. Все остальные стояли к окну спиной, и только Пустомеля с Кастрюлей, Мальбертом и Разиней его видели.

— Ааа-ааа-аааа-аааааа! — в ужасе закричали они, показывая на окно.

Другие людишки обернулись, но ничего не увидали. За окном было слишком темно.

Вдруг вспыхнул свет.

— Надоели мне ваши фокусы, — сказал Таблеткин, повернув выключатель. — Нечего больше делать, как орать среди ночи, словно психопаты? Я вам покажу!

Пустомеля молча указал пальцем в окно за спиной у доктора. Таблеткин повернулся, и волосы у него на голове встали дыбом. Снаружи прильнула к стеклу страшная морда ужасного вида.

— Это... это... — шептал Пустомеля.

— Это же Как! — догадался Кастрюля.

— Как?

— Великан Как. Из болота пришел.

— Как Как?

— Какой Как?

В это время великан отпрянул от окна и снова шарахнулся об него лицом. Стекло задрожало. Ударила молния, над крышей загрохотал гром.

— Да это же наш Птицегуб, — сказал Молоток, присмотревшись к великану.

Не успел ему никто ничего ответить, как Молоток открыл шпингалет и распахнул окно.

— А ну-ка! Это кто там хулиганит?

Из окна подуло таким свежим грозовым воздухом, что всем, кроме постоянно невысыпающегося Таблеткина, спать расхотелось. Молоток высунулся из окна, схватил великана за голову и потянул его кверху. Великан оказался огромным и страшно мокрым огородным пугалом. Втащив его в комнату, Молоток с торжествующим видом взял пугало за палку, которая у него была вместо ног, и принялся трясти во все стороны. Брызги от мокрого великана полетели на людишек.

— Ай, ой! — закричали все.

— Да это же и правда наш Птицегуб! Пустомеля, ты же его сам со своим другом Шмунькой сделал еще весной — ты что, разве не помнишь?

— Да, теперь я вижу, — обрадовался Пустомеля.

— Ну и дурак же ты! — топнул на него Таблеткин. — Покою от тебя нет! Вечно весь дом одурачишь! И так я после операции устал, хотел хоть немного поспать — так нет же! Обязательно какой-нибудь дурак, вроде Пустомели, что-нибудь учудит! Быстро все спать! Еще полтретьего только, можно еще выспаться.

Таблеткин выхватил у Молотка Птицегуба, который стоял у них на заборе и отпугивал ворон, прилетавших клевать овощи на огороде перед домом. Бросив мокрое пугало в угол, Таблеткин с грохотом захлопнул окно, погасил свет и грохнулся на свою кровать.

— Погоди, Таблеткин! — позвал Мальберт. — Не сам же Птицегуб стал стучать в окно? Как он вообще с забора слез и до второго этажа добрался?

— А мне плевать, как он добрался, ясно? Неужели нельзя этот вопрос завтра на свежую голову обсудить?

И, повернувшись лицом к стене, Таблеткин захрапел с пронзительным медицинским свистом. Молоток подошел к окну.

— Ой! — сказал он, потому что в это время в стекло ударил камень. — Камнями кто-то бросается.

Никтошка, который давно привык, что ночью его всё никак не пускают в дом, все-таки не мог припомнить, чтоб когда-нибудь ему приходилось так долго ломиться в собственное жилище. Он промок,

как уличная мышь, а замерз, как бездомная собака. Голос у него от холода совсем пропал, и он мог только шептать. Вначале он просто стучал в дверь, потом понял, что из-за грома не услышат. Когда очередная вспышка молнии осветила огородное пугало на длинном шесте, Никтошка отодрал его от забора и стал стучаться пугалом в окно спальни. Когда пугало отобрали, Никтошка бросил несколько камней в то же самое окно, но у него дрожали руки, и он только один раз попал. Никтошка уже из последних сил схватил валявшийся обломок водосточной трубы и заколотил им в окно веранды на первом этаже. Стекло разбилось, посыпались осколки. Тут уж, несмотря на Пустомелины, Мальбертовы, Кастрюлины и Разинины уговоры, людишки бросились вниз по лестнице и открыли наконец входную дверь.

Глава двадцатая пятая с половиной.

ЭТО ЕЩЕ КТО?

— Это еще кто? — проворчал высунувшийся из-за плеча Молотка Угрюм.

У Никтошки не хватало сил переступить через порог, и он стоял на улице под дождем, прислонясь к дверному косяку. Потом сел на корточки.

— Да втащите же его в дом! Не видите, людишке плохо?

Никтошку внесли в прихожую.

— Кто это, кто это? — спрашивали малянцы.

— Да как же кто? — воскликнул осмелевший Пустомеля. Он вспомнил наконец, что сам Шишимору с Какой выдумал, и его страх как рукой сняло. — Это же Никтошка, вот это кто! Надо же! А мы думали — ты давно умер!

— Пока еще нет, — прошептал Никтошка и от усталости сел прямо на пол.

— Ура, Никтошка вернулся! — крикнул кто-то.

— Никтошка? — изумились все. — Что-то не похож...

— Какой-то весь черный.

— Вонючий!

— Это он не вонючий, а просто давно не мылся. Вот вымоется и побрызгается духами — сразу хорошо запахнет.

— Нечего, нечего носы зажимать — вы ведь не малянки! — растолкал всех подоспевший Таблеткин. — Хватит стоять как истуканы! — орал он. — Немедленно снять с него одежду и растереть!

Малянцы бросились раздевать и растирать Никтошку бруталиновой мазью — специально придуманной доктором Таблеткиным для таких случаев. Потом завернули его в теплый махровый халат.

— Дайте поесть, — прохрипел бедный скиталец.

Его отнесли на кухню, где повар Кастрюля быстро подогрел ему вчерашний борщ, пожарил яичницу с ветчиной, разогрел половину жареного гриба-опёнка, нарезал овощной салат и намазал булку с маслом.

— Ты чего ему ветчину свиную даешь — может, он вегетарианец? — ткнул Кастрюлю в бок Пустомеля.

— Вообще-то, я не знаю. Всё, конечно, может быть, — согласился повар. — Ты вегетарианец? — поинтересовался он у Никтошки.

Никтошка перестал жевать и недоуменно уставился на Кастрюлю. Он не мог понять, чего от него хотят, и поэтому снова принялся за еду. Никтошка ел и ел, и всё никак не мог наесться. Малянцы стояли вокруг него и смотрели, как он ест. На вопросы Никтошка не отвечал, а только мотал головой и показывал себе пальцем на рот — дескать, нечем говорить, рот занят. Было непонятно, как в такого маленького людишку может вместиться такое огромное количество еды — могло показаться, что она выпадает из него где-нибудь с другой стороны. Взял лежащий на столе фломастер и написал на клеёнке прыгающими буквами: КО... К...

— Сейчас-сейчас, миленький, понял! — воскликнул повар Кастрюля и налил ему до краев огромную кружку Кока-колы.

Никтошка забулькал колой. От простуды нос у него был забит, и ему приходилось заглатывать воздух ртом, от чего Никтошка несколько раз чуть не подавился. Хорошо, что Молоток стоял у него за спиной и каждый раз ударял Никтошку по хребту. Ночь проходила, и на улице уже забрезжил рассвет, но о сне никто не думал. Пока Никтошка ел, людишки строили догадки о том, где он был все это время и как ему удалось вернуться домой.

— Наверно, заблудился в лесу, — предположил Пустомеля. — Видно, что совсем одичал, даже говорить разучился, только мычит.

— Дикие людишки так не мычат, — заметил музыкант Рояль.

— Это правда, — подтвердил Конкретик. — Они больше рычат, потому что они дикие и живут в лесу, и набрасываются там на зверей, чтобы добыть себе пропитание.

— Если бы он набрасывался на зверей, то у него были бы длинные когти, то есть, ногти, — сказал Разиня.

Он не знал, что Никтошка, пока жил в лесу, аккуратно отгрызал себе ногти на руках, чтобы они были ровные — ведь ножниц-то у него в лесу не было. А вот ногти на ногах у Никтошки отросли длиннющие — их он откусывать не мог, поскольку не достать.

— Он мычит потому, что у него рот забит, — сказал Натурик.

— Может, у него анорексия?

— Интересно, как он все-таки нашел дорогу домой? — сказал малянец Филя, который был другом Натурика и Конкретика и ночевал сегодня у них.

Филиным любимым занятием было жонглирование. Жонглировал он всем, что попадалось под руку. Пока все стояли и глядели на жующего Никтошку, Филя взял со стола три горошины и стал жонглировать ими. Нельзя сказать, что Филя был в этом деле мастер — два или три раза горошина падала на пол и закатывалась куда-нибудь в угол.

— Хватит! — сказал доктор Таблеткин. — Положи горошины на место.

Филя послушно положил. Но через минуту схватил со стола ножик и принялся подкидывать его так, что он переворачивался в воздухе, а Филя его всегда ловил за ручку.

— Ты мне чуть в глаз ножом не заехал, перестань сейчас же! — рассердился на него Угрюм, когда Филя нечаянно не рассчитал и нож прорезал воздух перед Угрюмовым лицом.

Никтошка тем временем, опустошив все тарелки, миски с едой и чашки, которые поставили перед ним, устало оглядел всех, и взгляд его остановился на поваре. Кастрюля развел руками.

— Что? Еще?? — спросил он.

— Не надо ему больше, — сказал Таблеткин. — После длительного голодания надо есть понемножку, а то может желудок испортиться.

— У него, наверное, уже давно испортился, — сказал Конкретик. — Он пять обедов за раз съел.

Ножик, которым жонглировал Филя, выпал наконец у него из рук и стукнул тяжелой железной ручкой прямо Молотку по большому пальцу ноги.

— Ах, ты!.. — закричал Молоток, а доктор Таблеткин схватил трубочку, которой он слушал больных — стетоскоп — и наколотил Филю по голове.

— Ты где пропадал-то? — спросил Никтошку Рояль.

Никтошка попробовал что-то сказать, но из горла его послышалось какое-то едва слышное шипение.

— По-змеиному шипит, — заметил кто-то.

— Да. Совсем одичал.

— Дайте ему бумагу и ручку. Может, он еще буквы не забыл.

Никтошке дали письменные принадлежности, и он написал: «В ЛЕСУ».

— Что значит «в лесу»? — спросил Разиня.

— В лесу он был, ясно тебе? — объяснил Пустомеля.

— Понятно, что в лесу, где ж еще? — сказал Таблеткин. — А ты как туда попал?

«УПАЛ», — написал Никтошка.

— Как упал?

Никтошка помолчал, отдыхая. Потом показал пальцем вверх.

«ОТТУДА», — написал он.

— Оттуда?

Никтошка кивнул.

— Все ясно, — заключил Пустомеля, наклонившись и заглянув Никтошке в глаза. — Он сошел с ума от длительного одичания. Ученым такое явление известно...

— Подожди, — остановил его Молоток. — Ты что, шел по лесу, упал с высоты в яму, потерял память и теперь ничего не помнишь? — спросил он Никтошку.

— Ему нужен покой, — сказал Таблеткин. — Видите, он не в себе? Его надо лечить.

Никтошка собрался с силами и написал:

«Я С ДИРИЖАБЛЯ УПАЛ».

— Как с дирижабля? С какого дирижабля? — стали спрашивать все.

— И он с дирижабля!

— Ах, вот оно что!

— Погодите вы, дайте же его как следует расспросить!

— Значит, не мы одни на дирижабле полетели...

В это время Филя, у которого прямо-таки чесались руки, схватил из корзинки яйца колибри и принялся жонглировать ими. Но кто-то из людишек нечаянно пихнул Филю под локоть, и одно яйцо размазалось повару Кастрюле по лбу, а другое угодило в тарелку, из которой Никтошка только что съел

весь суп. Никтошка в знак благодарности кивнул, потом взял ложку и принялся за сырой желток, растекшийся по тарелке.

— Ты что, дурак? — набросился Таблеткин на Филю. — Еще раз чем-нибудь жонглировать начнешь — я на тебя смирительную рубашку надену!

Филя испугался и больше со стола ничего не хватал. Хотя ему очень хотелось. С полминуты он держался, а потом стал жонглировать пустыми руками — то есть, просто делать жонглерские движения, как будто он подкидывает и ловит шары. При этом Филя иногда выбрасывал несуществующий шар из-под колена, а порой ловким движением перехватывал его за спиной.

— Вот идиот! — пробурчал Таблеткин.

— Так ты что, — спросил Никтошку музыкант Рояль, — тоже дирижабль сделал и на нем полетел?

Никтошка отрицательно покачал головой.

«Я С ВАШЕГО ДИРИЖАБЛЯ УПАЛ», — написал он.

Людишки переглянулись.

— Никтошка, — ласково сказал Таблеткин, — но ведь ты с нами на дирижабле не летел.

«ЛЕТЕЛ».

— Но ведь... тебя же там никто не видел. Правда, товарищи?

— Правда, — ответили все. — Его там не было.

«БЫЛ», — написал Никтошка.

— Всё ясно, он сумасшедший, — сказал Пустомеля.

— Как же ты мог там быть, если тебя никто не видел?

Никтошка доел яйцо и отпил еще немного Колы.

«В МЕШКЕ БЫЛ».

— В каком мешке?

«С ПЕСКОМ».

— В мешке с песком?

Никтошка нарисовал лежащего людишку, а потом нарисовал вокруг него мешок, так что получилось, что людишка лежит в мешке.

— Но как же ты туда поместился?

На этот рисунок ушли все Никтошкины силы. Он уронил голову на стол и уснул.

— Несите его наверх, — распорядился Таблеткин.

А Филя, который снова принялся за старое, не рассчитал и заехал доктору Таблеткину по лбу скалкой. Таблеткин упал как подкошенный. Никтошку отнесли наверх, в отдельную комнату — бокс, куда доктор помещал больных, чтобы они всех не заразили. Сейчас никто не болел, и бокс был свободен. Там Никтошку положили в чистую кроватку, укрыли теплым одеялом, и он крепко уснул.

Глава двадцатая шестая.

НЕСВАРЕНИЕ УМА

Но через час Никтошка проснулся. И в голове у него началось то, что сам Никтошка называл «несварение ума». Вот так бывает, что наестся человек самой разнообразной еды и она у него в голове не хочет перевариваться. Я тут нечаянно написал «в голове», а имел в виду «в животе», но исправлять не буду. Бывает в животе, когда съеденные блюда начинают воевать между собой. Блюда, про которые — ну вот никак не скажешь, что они сочетаются друг с другом. Например, селедка и шоколад, или вобла с моло́ками и пирожное эклер с заварным кремом, или щавелевый суп, каша геркулесовая и мороженое крем-брюле. Да-да, особенно крем-брюле... И когда все эти не сочетающиеся друг с другом деликатесы вдруг поднимают бунт и отказываются перевариваться, это называется несварением желудка.

Вот это-то самое и происходило сейчас у Никтошки в голове. В ней теснилась куча мыслей, которые думались вначале одна за другой, а потом все вместе. То Правдюша, который его обманул — и почему обманул? — то русалка Дита в купальнике, с серебряным хвостом, то кузнечик с полированными глазами. То кошмарные щупальца соседнегорцев, то крапивные заросли, то раскрывшийся в последний момент парашют, то взорванный молокомобиль, то снова Правдюшино бессовестное лицо...

И то, что было только вчера, и то, что уже очень давно было, и даже то, что было не с ним, а с кем-то другим — вообще непонятно с кем — и было ли на самом деле. Он вспомнил, как удивился Емеля, когда с ним заговорила щука, а потом Никтошке вдруг показалось, что это был он сам вместо Емели, а вместо щуки была русалка-царевна.

Потом вдруг припомнился какой-то давний сон, который Никтошка видел чёрт знает когда. Так вообще бывает — ночью увидишь сон, такой подробный и яркий, и что-то происходит в нем очень важное для тебя. А к утру, с рассветом, он как-то блекнет, линии стираются, всё становится черно-белым и вообще не важным. Утром еще помнишь, что был какой-то сон, но сам сон уже не помнишь. А днем уже не помнишь даже, что сон был. И прошло.

И вдруг — через много времени — вспомнишь его снова. Не днем, когда гуляешь или читаешь, или пол подметаешь. А когда снова лежишь ночью в кровати, в полудреме сладкой, на мягкой подушке. Даже не понятно — спишь или нет. Вдруг словно экран перед тобой вспыхивает ярко — ба! — да это же тот самый сон, который давным-давно! И так ярко и выпукло, как в объемном кино, видна каждая мелкая деталь, каждая точка, каждое пятнышко цветное! И такой каждый звучащий звонкий голос, и даже запах, такой очень настоящий. Запах этой — как его — селедки, что ли, или шоколада?

Вот и теперь выплыл откуда-то из темных глубин Никтошкиной памяти тот огромный, разноцветный и многошумный сон. И смотрелся, и звучал, как прекрасный, удивительный фильм...

Но что-то слишком уж я увлекся Никтошкиным «несварением ума», а может, все-таки желудка — ведь накормил его Кастрюля перед сном всем подряд. Да вообще-то, это, скорее всего, был бред, потому что поднялась у Никтошки высокая температура. Хоть сон все никак не приклеивался к Никтошке, а в конечном итоге он все-таки заснул, а наутро, как обычно бывает, уже ничего не помнил.

Глава двадцатая седьмая.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ДРУЖБЫ

Знайка, Напильник, шофер Торопыга и охотник Патрон со своим Бульком вернулись на следующий день. От сильного дождя лужа, в которой стоял их автомобиль, разлилась и затопила ему мотор. Пришлось Вруше взять машину на буксир и тащить трактором в Цветоград. С утра распогодилось. Над полями стояло ясное голубое небо. Хотя была уже осень, солнышко пригревало почти совсем по-летнему. Но теплое солнце было не в радость. Печальные малянцы, считавшие Никтошку погибшим, почти не разговаривали друг с другом. Больше всех горевал Вруша. Чтобы хоть как-то загладить свою вину, он, вернувшись из Цветограда, тут же вызвался везти домой Знайку и остальных. Вруша уже несколько раз извинялся за вчерашнее, но он чувствовал, что его так не простили.

— Ты уж извиняйся — не извиняйся, а простить я тебя не могу, — так и сказал ему охотник Патрон. — Такую подлость, братец, не прощают. Если бы Никтошка остался в живых — еще туда-сюда. Пошутили — и ладно. Но раз он умер, то виноват ты останешься навсегда.

Остальные и вовсе не захотели с Врушей разговаривать. Ехали молча, погруженные в себя. Никто не смотрел по сторонам, хотя дорога проходила по краю поля, возле леса, и казалось, что одетые в праздничные — желтые, оранжевые и красные — одежды деревья нарядились специально, чтобы порадовать путешественника.

Каково же было их удивление, когда им сказали, что Никтошка уже вернулся! Правда, никто не знал, как ему удалось добраться до Цветограда — Никтошка спал, и спросить его было нельзя.

Больше всех радовался, конечно, Вруша. Ведь он единственный, можно сказать, подружился с Никтошкой — для всех остальных тот был просто сосед по дому. Доктор Таблеткин никого не пускал в Никтошкину комнату и на радостях шуметь тоже никому не разрешал. Врушу пришлось выгнать во двор, где он взялся помогать по хозяйству. У вруна оказалось столько энергии, что он непонятно зачем переколол все дрова, которые валялись забытые за домом. Дом-то теперь обогревался газовым отоплением. Вруша покрасил забор, починил крышу, стащил огромные кленовые листья в кучу высотой с двухэтажный дом, вырыл во дворе пруд и, несколько раз сбегав в магазин Декоративной рыбы, напустил в пруд огромных серебряных карасей. При этом Вруша распевал веселую морскую песню, написанную когда-то поэтом Пёрышкиным на музыку художника Мальберта (да-да, Мальберт в свободное от рисования время иногда сочинял музыку, особенно, когда душа его пела после прекрасно написанной картины):

«Капитану корабля

Не нужна вообще земля.

Только в море капитаны

Могут быть от жизни пьяны!» — и так далее в том же духе. (Хотя, кажется, Вруша переврал немного слова, да и мелодию тоже, и в оригинале песня звучала по-другому).

А Никтошка лежал в кровати с высокой температурой. Пришлось согласиться, чтобы Таблеткин взял у него мазок из горла. Никтошка мазок не любил, но Таблеткин сказал, что иначе он ему назначит вырезание гланд, а вырезание Никтошка не любил еще больше. Поэтому он согласился на антибиотики и горячие ванны два раза в день, которые прописал ему доктор. Таблеткин послал Молчалина с Натуриком отмыть и принести прямо в Никтошкину комнату большую старинную ванну с бронзовыми ногами, валявшуюся у них в сарае. И Никтошке приходилось по целому часу — утром и вечером — отмокать в горячей воде с содой.

Каким-то образом, когда Таблеткин ненадолго отлучился, Вруше удалось все-таки пробраться к Никтошке.

— Извини меня, Никтошка, — сказал Вруша. — Я не хотел тебе никакого вреда причинять. Как-то само собой вышло...

— Так, значит, ты никакой не Правдюша? — спросил Никтошка, которому доктор Таблеткин уже все рассказал.

Вруша молча кивнул. Он мысленно проклинал себя за то, что даже сейчас гадкие вралинки вертелись у него на языке. Так иногда бывает. Словно в мозгу сидит какой-то вирус, который делает это всё нарочно. В тот самый момент, когда нужно сказать что-то очень важное, в голову лезет всякая ерунда. Когда все вокруг, сосредоточенные и серьезные, решают какую-нибудь очень сложную проблему — вдруг, непонятно почему, хочется засмеяться, словно тебя щекочут. А когда требуется говорить одну только правду, почему-то неодолимо тянет соврать. Но Вруша все-таки сдерживался и молчал.

Никтошка тоже молчал.

— Ладно, — прошептал он наконец. — Извиняю.

Вруша подал Никтошке руку, и Никтошка слегка пожал ее.

— Значит, продолжим нашу дружбу? — весело спросил Вруша.

А этот поддельный «Правдюша» раньше никогда не говорил Никтошке, что они друзья. Они, конечно, кормили вместе коров, косили траву, поднимали подъемным краном цыплят, когда нужно было их, только что вылупившихся, перенести из инкубатора в цыплятник. А вечерами болтали да играли в разные настольные игры. Но Никтошка всё время, пока гостил на ферме, думал: а друзья ли мы? Или только приятели? А может быть, всего лишь товарищи? Или вообще просто знакомые?

А теперь вот, оказывается, они были все-таки друзья. Потому что вот ведь Вруша говорит:

— Так, значит, мы можем продолжить нашу дружбу?

И это очень приятно. Еще никто не называл его вслух другом. Вилка называл. Но это было только мысленно, телепатически. Вруша видел, как озарилось на мгновение Никтошкино лицо. Но тот почему-то вдруг сказал:

— Нет, спасибо. Боюсь, в следующий раз от такой дружбы не выживу.

— Ну, как хочешь, — сказал Вруша, и улыбка сползла с его лица. — Я не навязываюсь.

И они расстались. Больше Вруша песен не напевал и ни с кем не разговаривал, и вообще, сразу же уехал к себе в деревню. Никтошка потом жалел, что отклонил Врушино предложение. Все-таки хоть какой-то друг у него был бы. Но было уже поздно.

— Нельзя же, отказавшись, потом согласиться, правда, Вилка? — спрашивал он своего мысленного друга.

— Конечно, нельзя, — соглашался Вилка. — Иначе это просто нелепость какая-то. Да к тому же стыдно.

Что интересно — Вруша вскоре стал совсем другим людишкой. Кому-то это может показаться удивительным, другим — нет. Но вот как это случилось.

Глава двадцать восьмая.

КАК ВЫЛЕЧИЛИ ВРУШУ

Мы помним, что доктор Таблеткин выписал Вруше таблетки от вранья, которые назывались правдин. Но таблетки эти не помогли бедному людишке справиться с его недугом. Излечил его ученый Знайка. Это произошло уже весной, когда Вруша и Правдюша приехали в Цветоград за картошкой. Вернее, за семенами картошки, чтобы посадить их у себя на ферме. Раньше картошка была людишкам неведома, и ее только недавно завез из дальней страны какой-то малянец-путешественник.

— Доктор, — попросил Вруша доктора Таблеткина, — выпиши мне, пожалуйста, побольше этого правдина. А то раньше мне одной таблетки на несколько дней хватало, а сейчас два раза в день приходится принимать.

— Значит, у тебя зависимость, голубчик.

— Да нет, совсем нет. Просто как приму таблеточку — мне сразу хорошо становится, и я чувствую, что я уже не врун. И так на душе делается приятно... А потом через некоторое время чувствую, что уже я снова врун. И на душе словно кошки скребут. Приходится чаще принимать.

— Это и есть зависимость. Зависишь ты от таблеток.

— Так что же делать? У тебя, что ли, таблеток больше нет?

— Не годится все время на таблетках сидеть, — вмешался Знайка. — Этак ты совсем перестанешь быть людишкой. Станешь психом каким-то. Ну-ка, дайте мне подумать...

— Что же тут думать? — перебил Таблеткин. — Медицина в таком случае говорит, что надо увеличить дозу. Я тебе приготовлю такие таблетки, которых тебе на два дня будет хватать.

— А что если он и к ним привыкнет и снова станет их по два раза в день есть?

— Ну... тогда на уколы перейдем.

— На уколы? — ужаснулся Вруша.

— Да ты не пугайся! Многие людишки боятся уколов, но если к ним привыкнуть — ничего страшного в этом нет.

— Не хочу никаких уколов, — прошептал Вруша, побледнев.

«Надо бы ему имя сменить, — подумал Знайка, глядя на несчастного близнеца. — Только вот на что?»

— Я брата твоего научу тебе уколы ставить, — сказал Таблеткин. — Это только поначалу больно, а потом привыкаешь — даже чувствовать не будешь. Раз — и укололся, словно комарик укусил.

— Комарик?...

— Вот что, — сказал наконец Знайка. — Не нужны никакие уколы, и таблетки тоже не нужны. С сегодняшнего дня ты больше не будешь врать.

— Как это? — рассмеялся Вруша. Ему вдруг стало очень весело, и он даже снова порозовел. — Быть такого не может, чтоб я не врал — или я не Вруша!

— С этого дня ты не Вруша. Ты... Матрос.

— Кто?

— Тебя теперь зовут Матрос. Понял?

— Пп... понял. Только почему Матрос?

— Как почему? Иди — полюбуйся на себя в зеркало!

Вруша подошел к зеркалу, висевшему в прихожей. И правда, он был похож на матроса. Брюки-клёш, тельняшка, бескозырка на голове, а на руке наколка — якорь и круглая надпись вокруг: «Мууууууууу».

— И брата твоего придется переименовать. Это всё потому ты врал, что тебя Врушей звали. Конечно! Брат — Правдюша, он говорит всегда правду, что же тебе остается? Ведь вы и так близнецы, нельзя же вам еще и называться одинаково! А раз ты назывался наоборот, то и делал, как назывался. Он всегда правду — ты всегда ложь. Теперь ты будешь Матрос.

— А брат как же? Так и останется Правдюшей?

— Нет. Брата тоже переименуем. Нечего ему тебя своей правдой смущать.

— Как же его назвать? — спросил Таблеткин.

— Назовем его Пионер.

— А что это такое — Пионер?

— Пионер? Да вот, читал я как-то в одной книжке, что есть такая страна, где живут пионеры. Кто они такие — я не совсем понял, в книжке об этом не говорилось. Там было только написано, что все они хорошие и всегда поступают хорошо. Ведь твой брат хорошо поступает?

— Ну еще бы. Лучше некуда. Это я все время вру, он-то всегда одну правду режет — всем пример!

— Ну вот и хорошо. Пусть твой брат вместо Правдюши будет Пионером.

— Матрос и Пионер, — сказал доктор. — А неплохо звучит!

— Да, неплохо, — согласился музыкант Рояль, разучивавший в это время на флейте какой-то марш. — Матрос и Пионер, Матрос и Пионер, Пионер и Матрос. Даже немного музыкально.

— И что же... я теперь и без таблеток врать никогда не буду?

— Конечно! Посуди сам: другие людишки, кого не зовут Вруша — разве врут?

— Кажется, нет.

— Ну вот видишь! Разве Матрос может все время врать?

— Ну... иногда каждый из нас может слегка приврать, — заметил доктор Таблеткин.

— Это понятно! Иногда, как наш бывший Вруша выражается, закинуть вралинку — каждый может. Но с тех пор, как он стал Матросом, а его брат — Пионером, постоянная потребность к вранью у него исчезла. Ведь правда, Матрос?

— Что??

При слове «правда» бывший Вруша так и подскочил на стуле. В голове его всегда рождался целый рой вралинок, стоило кому-нибудь потребовать от него правду.

— Скажи нам по-честному. Тебе врать хочется?

— По-честному? — удивился новоявленный Матрос.

— Ну конечно, по-честному. Теперь-то ты не обязан врать, потому что тебя уже так не зовут.

Вруша-Матрос немного подумал.

— А знаете что? Не хочется. По-честному!

Знайкин метод подействовал. Это было просто чудо какое-то! Вруша перестал врать. Правдюша, правда, слегка поупрямился, прежде чем согласился переименоваться в Пионера. Но когда доктор Таблеткин обвинил его в наплевательском отношении к брату, застыдился и перечить не стал. И с тех пор Вруша больше не врал. И вралинок не подпускал.

Брат его, став Пионером, тоже изменился.

— А что, очень даже неплохо быть Пионером, — повторял он. — Очень неплохо.

Отпала надобность говорить всегда «одну только правду и ничего, кроме правды», и временами бывший Правдюша даже что-нибудь присочинял. От перемены имени у него развилось чувство юмора, и он стал над всеми подшучивать и прикалываться. Только людишкам трудно было произносить это длинное слово Пионер, и они вскоре стали звать Правдюшу просто Пионом.

Глава двадцать девятая.

ДО́МА

Но всё это случилось только следующей весной, а теперь на дворе стоял сентябрь. Правда, после нескольких дней проливного дождя и ледянющего ветра, от которых многие малянцы чуть не схватили воспаление легких, снова вернулось бабье лето. Скоро температура у Никтошки спала, но Таблеткин пока не разрешал ему выходить на улицу. По правде сказать, Никтошка и сам не хотел. Ему было хорошо дома. С ужасом вспоминал он, как брел целыми неделями в одиночестве по полям и лесам, как мок от дождя и дрожал от ветра, как чуть не утонул в ледяной реке. Так хорошо было дома, и не верилось, что он решится когда-нибудь снова выйти на улицу, а уж тем более, пойти за город, в лес.

Едва доктор разрешил читать, Никтошка прямо-таки набросился на книги. Как же он по ним изголодался! В небольшой комнате светло и уютно. На полу бегония — ее давно не подрезали, и один вылезший выше всех лист закрыл пол-окна. Но в комнате все равно светло. Светло и тихо. Стукают маятником часы. Окна закрыты, со двора слабо доносятся крики людишек и удары мяча. Никтошка нежится в мягкой постели и глотает книги — одну за другой. Сказки, рассказы, приключения и снова сказки. Шофер Торопыга принес и положил ему под кровать две большие стопки. Когда устает читать — рассматривает картинки. Еще давно, до Знайки даже, в Цветограде установили закон: книгу разрешается печатать только в том случае, если хотя бы через каждые пять страниц в ней встречается большая картинка. А когда глаза начинали болеть и слезиться, Никтошка выползал из-под одеяла и подходил к окну. Опершись локтями о подоконник, он стоял в своей желтой пижаме в коричневый горошек и смотрел на улицу.

За окном светило солнышко. Под большой сиреневой сыроежкой загорала незнакомая малянка в розовом купальнике, расстелив себе на травке мягкий ясеневый лист. Это недавняя буря занесла в Цветоград листья из соседнего леса, и они лежали на улицах, словно огромные цветные скатерти. Если Таблеткин входил в комнату — сейчас же Никтошку от окна отгонял: не понятно разве, что из щелей дует — хочешь осложнение и воспаление легких схватить? Но Таблеткин был обычно занят и появлялся редко. Потихоньку от доктора Никтошка приоткрывал окно и вдыхал влажный, пахнущий грибами воздух бабьего лета.

— А знаешь, Вилка, я что подумал? — сказал как-то Никтошка своему мысленному другу. — Нет друзей — ну и нет. Не стоит этим грузиться. Тем более, что они ведь все-таки у меня иногда появляются. Ненадолго. И к тому же у меня есть ты...

— Правильно, а у тебя есть я! — обрадовался Вилка. — Чего грузиться-то? Надо радоваться жизни! Вон погода какая!

— Эх, Вилка! Ты лучше всех меня в жизни понимаешь. А друзья у меня появляются иногда даже во сне.

— Во сне?

— Ну да.

И Никтошка рассказал своему мысленному другу о всех своих похождениях в подводном царстве. Ведь Вилка вместе с ним там не был, потому что это было во сне. А во сне, как мы помним, Вилка никогда не появлялся. Он слушал очень внимательно, а потом сказал:

— Я от всей души полюбил подводное царство. Как будто сам там побывал. А особенно я влюбился в русалок-сестер.

— А в какую из них? — полюбопытствовал Никтошка.

— В обеих.

«Опять сам с собой разговаривает, — покачал головой Таблеткин, проходя мимо Никтошкиной двери. — Надо бы ему успокоин поколоть». Но, к счастью, тут же забыл об этом, потому что в плане простуды бабье лето — самое коварное время, и Таблеткин просто с ног сбился, следя, как бы не разыгралась в Цветограде эпидемия гриппа.

А другим малянцам было интересно — где же все-таки столько месяцев пропадал Никтошка? Но Таблеткин вначале никого к нему не пускал. А когда стал пускать, Никтошка притворялся, будто к нему еще не вернулся голос. Почему он так делал — Никтошка и сам не знал. Но только он всё показывал себе на рот и мотал головой — дескать, ничего не могу поделать, голоса нет. А через несколько дней начались события, которые взбудоражили весь Цветоград, и о Никтошке забыли. Так-то никто из людишек с улицы Незабудок и не понял, что он вместе с ними на дирижабле летал. Одни подумали, что это Никтошка тогда *в бреду* написал на бумажке, будто бы он в мешке с песком сидел, другие про это просто забыли.